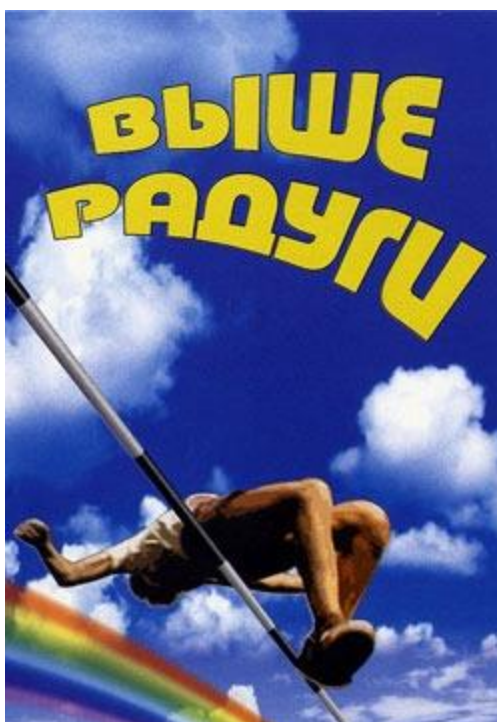

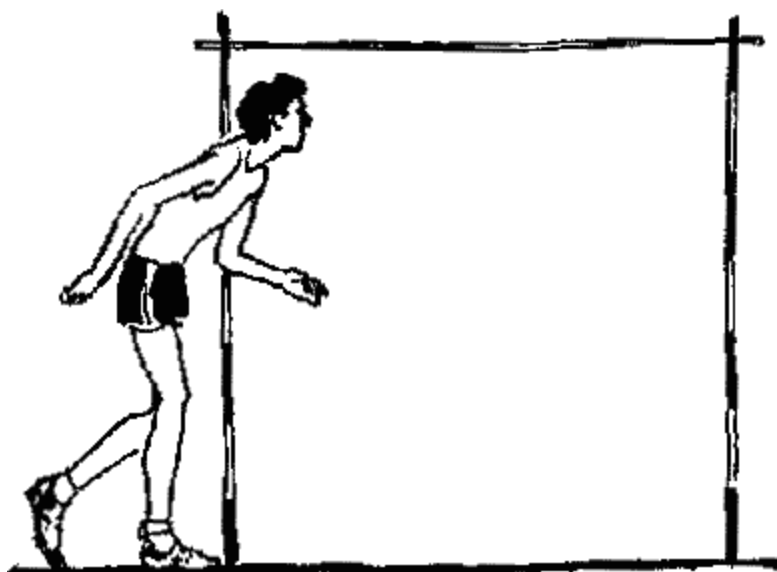
Сергей Александрович Абрамов
Выше Радуги

*OCR & SpellCheck: Zmiy
«Стена». Повести»: Детская литература; М.; 1980*

Сергей Абрамов
Выше Радуги
Фантастическая повесть

1

А началось всё с неудачи.

Бим, злой физкультурник, выставил Алика из спортивного зала и ещё пустил вдогонку:
– Считай, что я освободил тебя от уроков физкультуры навечно. Спорт тебе, Радуга,

противопоказан, как яд растения кураре...

И весь класс захихикал, будто Бим сказал невесть что остроумное. Но если уж проводить дальше аналогию между спортом и ядом кураре, то вряд ли найдёшь отраву лучше. Прыгнул с шестом и – к Скифосовскому. Поиграл в футбол и – в крематорий. Отличная перспективка...

Мог бы Алик ответить так Биму, но не стал унижаться. Пошёл папал кедами в раздевалку, у двери обернулся, процедил сквозь зубы – не без обиды:

– Я уйду. Но я ещё вернусь.

– Это вряд ли, – парировал Бим, и класс опять засмеялся – двадцать пять лбов в тренировочных костюмах. И даже девочки не посочувствовали Алику.

Он вошёл в пустую раздевалку, сел на низкую скамеечку, задумался. Зачем ему понадобилась прощальная реплика? Дурной провинциальный театр: «Я ещё вернусь». Куда, милый Алик, ты вернёшься? В спортзал, на посмешище публике во главе с Бимом? «А ну-ка, Радуга, прыгай, твоя очередь... Куда ты, Радуга? Надо через планку, а не под ней... Радуга, на перекладине работают, а висят на верёвке... Радуга, играть в это – тебе не стихи складывать...»

Интеллектуал: «стихи складывать»... Нет, к чёрту, назад пути нет. Уж лучше «стихи складывать», это вроде у Алика получается.

Но как же мечь? Оставить Бима безнаказанным, торжествующим, победившим? Никогда! «Убей его рифмой», – скажет Фокин, лучший друг.

Как вариант, годится. Но поймёт ли Бим, что его убили? Сомнительно... Нет, мечь должна быть изощрённой и страшной, как... как яд растения кураре, если хотите. Она должна быть также предельно понятной, доходчивой, чтобы ни у кого и сомнений не осталось: Радуга со щитом, а подлый Бим, соответственно, на щите.

Алик снял тренировочный костюм, встал в одних трусах перед зеркалом: парень как парень, не урод, рост метр семьдесят восемь, размер пиджака – сорок восемь, брюк – сорок четыре, обуви – сорок один, головы – пятьдесят восемь, в голове кое-что содержится, и это – главное. А бицепсы, трицепсы и квадрицепсы – дело нехитрое, наживное.

А почему не нажил, коли дело нехитрое?

Папа с мамой не настаивали, сам не рвался. Просуществовал на свете пятнадцать годков и даже плавать не научился. Плохо.

Натянул брюки, свитер, подхватил портфель, пошёл прочь из школы. Урок физкультуры – последний, шестой, пора и домой. Во дворе дома номер двадцать два малышня играла в футбол. Суетились, толкались, подымали пыль, орали бессмысленное. Мяч скакал, как живой, в ужасе спасаясь от ударов «щёчкой», «шведкой» и «пыром». Подкатился под ноги Алику, тот его поддел легонько, тюкнул носком кеда. Мяч неожиданно описал в воздухе красивую артиллерийскую траекторию и приземлился в центре площадки. «Вот это да-а-а!» – протянул кто-то из юных Пеле, и опять загалдела, покатила, запыхала мала куча.

«Как это так у меня вышло? – горделиво подумал Алик. – Значит, могу?» Нестерпимо захотелось выбежать на площадку, снова подхватить мяч, показать класс оторопевшим от восторга малышам. Сдержался: чудо могло и не повториться, не стоило искушать судьбу, тем более что сегодня и так «наискушал» её чрезмерно.

А что было?

Прыгали в высоту по очереди. Выстраивались в затылок друг другу – наискосок от планки, разбегались, перебрасывались через лёгкую (дунь только – слетит!) алюминиевую трубку, тяжело плюхались на жёсткие пыльные маты. Простейшее упражнение – отработка техники прыжка «перекидным» способом. Высота – мизерная.

Алик легко – так ему казалось – разбежался, оттолкнулся от пола и... ударился грудью о планку, сбил её, так что зазвенела она жалобно, хорошо – не сломалась.

– Ещё раз, – сказал Бим.

Алик вернулся к началу разбега, несколько раз глубоко вдохнул, покачался с носка на пятку, побежал, толкнулся и... упал на маты вместе с планкой.

– Фокин, покажи, – сказал Бим.

– Счас, Борис Иваныч, за милую душу, – отвечивал Фокин, лучший друг, подмигнул Алику: мол, учись, пока я жив.

Взлетел над планкой – всё по правилам: правая нога согнута, левая выпрямлена, перекатился, упал на спину – не шелохнулась планка над чемпионом школы Фокиным, лучшим другом. А чего бы ей шелохнуться, если высота эта для него – пустяк.

– Понял, Радуга? – спросил Бим.

Алик пожал плечами.

– Тогда валяй.

Повалял. Разбежался – как Фокин – оттолкнулся, взлетел и... лёг с планкой.

– Па-автарить! – В голосе Бима звучали фельдфебельские торжествующие нотки.

Па-автарил. Разбежался, оттолкнулся, взлетел, сбил.

– Последний раз.

Разбежался, оттолкнулся, взлетел, сбил.

Больше повторять не имело смысла. Бим это тоже понимал.

– Я лучше перешагну через планку: невысоко. – Алик нашёл в себе силы пошутить над собой, но Бим почему-то рассердился.

– Дома перешагивай, – с нелепой злостью сказал он. – Через тарелку с кашей... – Впрочем, мгновенно остыл, спросил сочувственно: – Слушай, Радуга, а зачем ты вообще ходишь ко мне на занятия?

Резонный вопрос. Ответить надо столь же резонно.

– Кто мне позволит прогуливать уроки?

– Я позволю, – сказал Бим. – Прогуливай.

– А отметка?

– Отметка ему нужна! Нет, вы посмотрите: он об отметке беспокоится. Будет тебе отметка, Радуга, четвёрка за год. Заранее ставлю. Устраивает?

Отметка устраивала. Тут бы согласиться с радостью, не лезть на рожон, не подставлять голову под холодный душ. Ан нет, не утерпел.

– Вы, Борис Иванович, обязаны воспитать из меня гармонически развитого человека. А у вас не получается, так вы и руки опустили.

– Опустил, Радуга. По швам держу. Не выйдет из тебя гармонически развитого, сильно запоздал ты в развитии. Делай по утрам зарядку, обтирайся холодной водой, бегай кроссы на Москве-реке. Самостоятельно. Факультативно. И не ходи в зал. Перед девочками не позорься, поэт...

И так далее, и тому подобное.

Поступок, конечно, непедagogичный, но достаточно понятный. Два года учится Алик Радуга в этой школе, два года Борис Иванович Мухин бьётся с ним по четыре часа в неделю, отведённые району на физвоспитание старшеклассников. Но то ли времени недостаточно, то ли педагогического таланта у Бима недостаёт, а только результат, вернее, его отсутствие – налицо.

А с другой стороны, почему бы не порадоваться экстремальному решению Бима? Четвёрка по физо обеспечена, а в среду и в пятницу по два часика – в подарок. Чем плохо? И может, не стоило опрометчиво обещать: «Я ещё вернусь»? Зачем такие страсти?

Может, и не стоило. Но слово, как известно, не воробей. Завтра начнут подходить «доброжелатели»: «Когда вернёшься, Радуга? Ждём не дождёмся». Пожалуй, не дождутся...

Стоило порассуждать логически. Чемпиона из Алика не получится. И удачно пущенный футбольный мяч тому порукой: исключение из правила, говорят, подтверждает само правило. Он не поразит Бима успехами в лёгкой атлетике, гимнастике, волейболе, плавании, пятиборье и т. д. и т. п. Он может пустить по школе лихую частушку, что-нибудь типа: «Кто сказал, что кумпол Бима для идей непроходимый? Каждый день – сто идей. Но, увы, насквозь и мимо». Подхватят, повторят: народ благосклонен к своим пиитам. Но ещё более народ любит своих героев. А Бим – герой. Он – чемпион страны в стрельбе по «бегущему кабану». Экс-чемпион, разумеется, но презрительная, на взгляд Алика, приставка «экс» ничуть не умаляет достоинств Бима в глазах учеников.

Печально, если мускульная сила ценится выше поэтического дара. Но – факт. Итак, рифмы – в сторону.

Что будем делать, любезный Алик?

«Вот моя деревня, вот мой дом родной...» – вспоминал классика Алика. – «Вот подъезд, вот лифт, вот дверь квартиры. Где ключ?.. Ага, и ключ есть. Родители на работе, суп в холодильнике, уроки – ещё в учебниках, а фильм – уже в телевизоре. Что дают? Древний, как мир, „Старик Хоттабыч“. Не беда, стодится под суп...»

Кстати, вот – выход. Найти на дне Москвы-реки замшелый кувшин, выпустить из него джинна и пожелать, не мелочась, спортивных успехов назло врагу. Однако загвоздка: нырнуть-то можно, а вынырнуть – не обучен. Значит, лежать кувшину на дне, а все наземные кувшины давным-давно откупорены строителями дорог, новых микрорайонов, линий метрополитена, заводов и стадионов.

Старик Хоттабыч на телеэкране включал и выключал настольную лампу, восторгаясь неизвестным ему чудом, а глупая мыслишка не отпускала Алика, точила помаленьку. Творческая натура, он развивал сюжет, чьё начало покоилось на дне реки, а конец пропадал в олимпийских высях. Придумывалось легко, и приятно было придумывать, низать в уме событие на событие, но творческому процессу помешал телефон.

Звонил Фокин, лучший друг.

– Чего делаешь? – спросил он дипломатично.

– Смотрю телевизор, – полуправдой ответил Алик.

– Ты не обиделся?

Вот зачем он позвонил, понятненько...

– На что?

– На Бима.

– Он прав.

– Отчасти – да.

– Да какое там «отчасти» – на все сто. В спорте я – бездарь. Бим ещё гуманен: освободил от физо и оценкой пожаловал. А мог бы и не.

– Слушай, может, я с тобой потренируюсь, а?

Ах, Фокин, добрая душа, хороший человек.

– Ты что, Сашка, с ума сошёл? На кой мне твоя благотворительность? Я на коне, если завуч не заставит Бима переменить решение.

– Завуч не дурак.

– Толковое наблюдение.

Завуч и вправду дураком не был, к тому же он вёл в старших классах литературу, и Алик ходил у него в фаворитах.

– Вечером погуляем? – Фокин счёл свою гуманистическую миссию законченной и перешёл к конкретным делам.

– Не исключено. Созвонимся часиков в семь.

Хоп. Положил трубку на рычаг, откинулся в кресле. Что-то странное с ним творилось, странное и страшноватое. Уже не до понравившегося сюжета было: в голове звенело, и тяжёлой она казалась, а руки-ноги будто и не шевелились. Попробовал Алик встать с кресла – не получилось, не смог. «Заболел, кажется», – подумал он. Закрыл глаза, расслабился, посидел так секундочку – вроде полегче стало. Смог подняться, добрести до кровати.

«Ах ты, чёрт, вот незадача... Маме позвонить надо бы... Ну, да ладно, не умру до вечера...»

Не раздеваясь, лёг, накрылся пледом и, уже проваливаясь в тяжёлое забытьё, успел счастливо подумать: а ведь в школу-то завтра идти не придётся, а до полного выздоровления сегодняшней позор забудется, что-нибудь новое появится в школьной жизни – поактуальнее...

Он не слышал, как пришла с работы мама, как она бегала к соседке этажом выше – врачу из районной поликлиники. Даже не почувствовал, как та выслушала его холодным фонендоскопом, померила температуру.

– Тридцать восемь и шесть, – сказала она матери. – Типичная простуда. Аспирин – три раза в день, этазол – четыре раза, и питьё, питьё, питьё... Одно странновато: температура не смертельная, а парень даже не аукнется. Спит, как Илья Муромец на печи.

– Может, устал? – предположила мама, далёкая от медицины.

– Может, и устал. Да пусть спит. Сон, дорогая, – панацея от всех болезней.

В семь вечера позвонил Фокин, лучший друг.

– Заболел Алик, – сказала ему мать.

– Да он же днём здоровым, как бык, выглядел.

– И быки хворают.

– Надо же! – деланно изумился Фокин откровению о быках. – Тогда я зайду, проведу?

– Завтра, завтра. Сейчас он спит – царь-пушкой не разбудить. Вы что сегодня – камни ворочали?

– Это как посмотреть. По литературе – классное сочинение писали, по физо – «перекидной» способ прыжков в высоту. Что считать камнями...

– Как ты сочинение осилил?

– Трудно сказать... – Фокин не шибко любил составлять на бумаге слова во фразы, предпочитал точные науки. – Время покажет... До завтра?

– До завтра.

Мать подошла к Алику, потрогала лоб: вроде не очень горячий. Поправила одеяло, задёрнула оконную штору. Алик не просыпался. Он смотрел сны.

2

Первый сон был таков.

Будто бы Алик выходит из подъезда – эдак часиков в семь утра, когда во дворе никого: на работу или в школу – рановато, владельцы собак только-только готовятся вывести своих «братьев меньших» по большим и малым делам, а молодые дворники и дворничихи уже отмели своё, отполивали, разошлись по казённым квартирам – шгудировать учебники для заочного обучения в институтах и техникумах.

И вот выходит Алик в пустынный двор, идёт вдоль газона, мимо зелёного могучего стола для игры в домино, мимо школьного забора, мимо стоянки частных автомобилей, выбирается на набережную Москвы-реки, топает по заросшим травой шпалам заброшенной железнодорожной ветки, которая когда-то вела к карандашной фабричке, держась за пыльные кусты, спускается по откосу к воде.

Жара.

Он сбрасывает джинсы, сандалеты, стаскивает футболочку с красным гоночной марки «фerrари» на груди, остаётся в пёстрых сатиновых трусах, сшитых мамой. Осторожно, по-курортному, пробует ногой воду, вздрагивает от внезапно пронзившего тело холода, обхватывает себя длинными тощими руками, входит в реку, оскользаясь на зализанных волнами камнях.

Будто бы это – каждодневная, почти привычная «водная процедура». Так, по крайней мере, диктует фабула сна. А сон – абсолютно реален, и, соответственно, он – цветной, широкоформатный, стереоскопический, а эффект присутствия не вызывает и тени здорового научного сомнения.

Алик останавливается, когда вода доходит ему до пояса, до резиночки от трусов, которые цветным парусом вздулись на бёдрах, зачерпывает ладонями воду, смачивает себя под мышками. Потом по-поросычьи взвизгивает и ныряет – только пятки мелькают в воздухе, выныривает, отфыркивается, вытирает рукой лицо, плывёт подальше от берега – не по-собачьи, с шумом и брызгами, а ровным кролем, безупречным стилем.

Напомним: во сне бывает и не такое, незачем удивляться и путать сон с жестокой действительностью...

Поплавав так минут десять, Алик возвращается к берегу и несколько раз ныряет, пытаясь достать пальцами дно. Это ему, естественно, удаётся, а в последний раз он даже нащупывает что-то большое и тяжёлое, подхватывает это «что-то», выбирается на белый свет, на солнышко. «Что-то» оказывается пузатым узкогорлым кувшином с тонкой ручкой, древним сосудом, заросшим тиной, чёрной грязью, хрупкими речными ракушками. Алик скребёт грязь ногтем и видит позеленевшую от времени поверхность – то ли из меди-купрум, то ли из золота-аурум, покрытую прихотливой чеканной вязью. Если быть честным, то кувшин сильно смахивает на тот, что стоит у отца в кабинете, – из дагестанского аула Гицатль, где спокон веку живут

прекрасные чеканщики и поэты.

Однако Алика сие сходство не смущает. Он твёрдой походкой рулит к берегу, и в груди его что-то сладко сжимается, а в животе холодно и пусто – как в предчувствии небывалого чуда. «Чувство чуда – седьмое чувство!» – сказал поэт.

И чудо не медлит. Оно бурлит в псевдогигантском кувшине, который, как живой, вздрагивает в чутких и ждущих руках Алика. Острым камнем он сбивает сургучную пробку и зачарованно смотрит на сизый дым, вырывающийся из горла, атомным грибом встающий над уроненным на песок кувшином. Дым этот клубится, меняет очертания и цвет, а внутри его возникают некие занятные турбулентности, которые постепенно приобретают строгие формы весьма пожилого гражданина в грязном тюрбане, в розовых – тоже грязных – шароварах, в короткой, похожей на джинсовую, жилеточке на голом теле и в золотых шлёпанцах без задников – явно из магазина «Армения» с улицы Горького.

Словом, всё, как положено в классике, – без навеянных современностью отклонений.

Гражданин некоторое время легкомысленно качается в воздухе над кувшином, машет руками, разгоняя дым, потом вдруг тяжело плюхается на землю, задрав ноги в шлёпанцах. Остолбневший Алик всё же отмечает машинально, что пятки гражданина – под стать тюрбану с шароварами: да-алеко не первой свежести. Но – вежливый отрок! – он ждёт, пока гражданин отлежится на песке, сядет, скрестив по-турецки ноги, огладит длинную седую бороду, откашляется.

Тогда Алик без долгих вступлений спрашивает:

– Джинн?

– Так точно! – по-солдатски гаркает гражданин, на поверку оказавшийся джином из многотомных сказок «Тысячи и одной ночи».

А могло быть иначе, как вы думаете?..

– Меня зовут Алик Радуга, – вежливо кланяется Алик, переступая на песке босыми ногами. Ноги мокрые, и песок кучками налип на них. – Извините меня за мой вид, но я, право, не ждал встречи...

– И зря, – лениво говорит джинн. – Мог бы и предусмотреть, ничего в том трудного нет.

Говорит он на хорошем русском языке, и это не должно вызывать удивления, во-первых, потому, что дело происходит во сне, а во-вторых, потому, что джину безразлично, на каком наречии вести товарный диалог с благодетелем-освободителем.

– А вас как зовут? – спрашивает Алик, втайне и нелепо надеясь, что джинн назовёт с детства знакомое имя – Хоттабыч.

Не тут-то было.

– Зови меня дядя Ибрагим, – отвечает джинн, и Алик понимает, что напоролся на вполне оригинального, неизвестного мировой литературе джина. И то правда: Хоттабыч – всего лишь один из многочисленного племени, исстари рассеянного по свету в кувшинах, бутылках, банках, графинах и прочих тюремных ёмкостях, и он уже давно обжился на грешной земле, поступил на службу, выработал себе пенсию и теперь нянчит внуков небезызвестного Вольки ибн Алёши.

Дядя Ибрагим – из того же племени, ясное дело.

– И давно вы в кувшине, дядя Ибрагим? – интересуется Алик, лихорадочно прикидывая: как мог кувшин попасть в Москву-реку? В самом деле: швырнули его в воду, вероятно, где-то в Аравии, либо в Красное море, либо чуть подале, в Чёрное. Или в Индийский океан. Или, на худой конец, в полноводную реку Нил, которая вынесла его в Средиземное море. А Москва-река берёт своё начало из среднерусских безымянных речушек, а те – из топей да болот... Впрочем, стоит предположить, что сосуды с джинами по приказу великого и могучего Иблиса (или кого там ещё?) специально рассеивали по миру, чтобы впоследствии каждая страна имела хотя бы по несколько экземпляров.

– Давно, отрок, – хлюпая простуженным носом, говорит джинн, сморкается в два пальца, вытирая их о шаровары. Алик внутренне передёрнулся, но виду не подал. – Так давно, что сам толком не помню. Ты сделал доброе дело, отыскав меня в этой аллахом проклятой речке. Полагается приз – по твоему выбору. Подумай как следует и сообщи. За мной не заржавеет. А я пока покочумаю чуток. – Тут он сворачивается калачиком на песке, сдвигает тюрбан на ухо и начинает храпеть.

Лексикон его мало чем отличается от того, каким щеголяют юные короли дворов. И Алику не чужд был такой лексикон, слыхивал он подобные выражения неоднократно, посему перевода ему не потребовалось. Раз джинн сказал: «не заржавеет», значит, выполнит он любое желание – как и положено джинам! – не обманет, отвесит сполна.

«Что бы пожелать?» – думает Алик, хотя думать-то незачем – всё давно продумано, и сон этот творился как раз ради соответствующего желания, и джинн для того из кувшина вылутился – вполне доступный джинн, без всякой аравийско-сказочной терминологии, незнакомой, впрочем, Алику, так как сказок «Тысячи и одной ночи» он ещё всерьёз не читал. А исподтишка, втайне от родителей – так терминологию не запомнишь, так только бы сюжет уловить.

«Что бы пожелать?» – для приличия думает Алик, а на самом деле точно формулирует давно созревшее пожелание. И как только сформулировал, без застенчивости растолкал спящего джина.

– Я готов!

– А? Чего? – спросонья не понимает джинн, протирает глаза, вертит головой. – Ну, говори-говори.

– Я хочу уметь прыгать в высоту как минимум по первому разряду, – сказал и замер от собственной наглости. Впрочем, добавляет для ясности: – По первому взрослому.

– Ого! – восклицает джинн. – Ну и аппетит... – садится поудобнее, начинает цену набивать: – Трудное дело. Не знаю, справлюсь ли: стар стал, растерял умение.

– Ну уж и растерял, – льстит ему Алик. – И потом, я у вас не три желания прошу исполнить – как положено, а всего одно махонькое-премахонькое. – Тут он даже голос до писка доводит и показывает пальцами, какое оно «премахонькое» – его желаньице заветное.

– Иблис с тобой, – грубо заявляет джинн, потирает руки, явно радуясь, что не три желания исполнять-мучиться, – покладистый клиент попался. – А за благородство тебе премию отвалю. Будешь, брат, прыгать не по первому разряду, а по «мастерам». Годится?

– Годится, – говорит Алик, немея от восторга и слушая, как сердце проваливается в желудок и возвращается на место: ещё бы – пульс у него сейчас порядка пятисот ударов в минуту, хотя так и не бывает. (Сон это сон, сколько раз повторять можно...)

– Ну, поехали.

Джинн выдирает из бороды три волоса, рвёт их на мелкие части, приговаривая про себя длинное арабское заклинание, непонятное и неведомое Алику, почему он его и не запомнил, прошло оно мимо сна. Бросает волосинки по ветру, дует, плюёт опять-таки трижды, хлопает в ладоши.

– Готово. Только... – тут он вроде бы смущается, не хочет договаривать.

– Что только? – Алик строг, как покупатель, которому всучили товар второго сорта.

– Да так, ерундистика...

– Короче, папаша!

– Условие одно тебе положу.

– Какое условие?

– Да ты не сомневайся, желание я исполнил – будь здоров, никто не придерётся. Только по инструкции такого типа желания исполняются с условием. И дар существует лишь до тех пор, пока его хозяин условие блюдёт.

– Да не тяните вы, в самом деле! – срывается на крик Алик.

– Не кричи. Ты не в степи, а я не глухой. Условие таково: будешь прыгать выше всех, пока не солжёшь – намеренно ли, нечаянно ли, по злобе или по глупости, из жалости или из вредности, и прочая и прочая.

– Как так не солжёшь?

– А вот так. Никогда и никому ни в чём не ври. Даже в мелочах. А соврёшь – дар мгновенно исчезнет, как не было. И плакали тогда твои прыжки «по мастерам».

«Плохо дело, – думает Алик. – Совсем не врать – это ж надо! А если никак нельзя не соврать – что тогда?»

– А если никак нельзя не соврать – что тогда? – спрашивает он с надеждой.

– Либо ври, либо рекорды ставь. Альтернатива ясна?

– Куда яснее, – горестно вздыхает Алик.

– А чего ты мучаешься? Я тебе ещё лёгкое условие поставил, бывают посложнее. Дерзай, юноша. Вперёд и выше. «Мы хотим всем рекордам наши звонкие дать имена!» Так, что ли, в песне?

– Так.

– А раз так, я пошёл.

– Куда?

– Документы себе выправлю, на службу пристроюсь. Где тут у вас цирк помещается?

– Есть на Цветном бульваре, – машинально, ещё не придя в себя, отвечает Алик, – есть на проспекте Вернадского – совсем новый.

– Я на Цветной пойду, – решает джинн. – Старое – доброе, надёжное, по опыту сужу. Буду иллюзионистом...

И уходит.

И Алик уходит. Одевается, влезает по откосу, идёт во двор: пора завтракать и – в школу. И сон заканчивается, растекается, уплывает в какие-то чёрные глубины, вспыхивает вдалеке яркой точкой, как выключенная картинка на экране цветного «Рубина».

И ничего нет. Темнота и жар.

3

А потом начинается второй сон.

Будто бы идёт Алик в лес. А дело происходит в Подмоскowie, на сорок шестом километре Щёлковского шоссе, в деревне Трубино, где родители Алика третий год подряд снимают дачу. Леса там, надо сказать, сказочные. Былинные леса. Как такие в Подмоскowie сохранились – чудеса!

И вот идёт Алик в лес по грибы – любит он грибы искать, не возвращается домой без полного ведра – и знает, как отличить волнушку от маслёнка, а груздь от опёнка, что для хилого и загазованного горожанина достаточно почётно. Долго ли, коротко ли, а только забредает Алик невесть куда, в чащу тёмную, непролазную. Думает: пора и честь знать, оглобли поворачивать. Повернул. Идёт, идёт – вроде не туда. Неужто заблудился?

Прошёл ещё с полкилометра. Глядь – избушка. Похоже, лесник живёт. Продирается Алик сквозь кусты орешника, цепляется ковбойкой за шипы-колючки на диких розах, выбирается на тропинку, аккуратно посыпанную песком и огороженную по бокам крест-накрест короткими прутиками. Топают по ней, подходит к избушке – свят-свят, что же такое он зрит?

Стоит посередине участка малый домик, песчаная тропка в крыльцо упирается, окно раскрыто, на подоконнике – горшок с геранью, ситцевая занавеска на ветру полощется. Изба как изба – на первый взгляд. А на второй: вместо фундамента у неё – куриные ноги. Не натуральные, конечно, а, видно, из дерева резанные, стилизованные, да так умело, что не отличить от натуральных, только в сто раз увеличенных.

«Мастер делал, умелец», – решает про себя Алик и, не сомневаясь, подымается по лестнице, стучит в дверь.

А оттуда голос – старушечий, сварливый:

– Кого ещё чёрт принёс?

– Откройте, пожалуйста, – жалобно молит Алик.

Дверь распахивается. На пороге стоит довольно мерзкого вида старушенция – в ватнике не по-летнему, в чёрной суконной юбке, в коротких валенках с галошами, в шерстяном платке с рыночными розами. «Движенья быстры, лик ужасен» – как поэт сказал.

– Чего надо? – спрашивает.

– Извините, бабушка, – вежливо говорит Алик – умеет он быть предельно вежливым, галантным, знает, как действует такое обращение на старших. – Прискорбно беспокоить вас, сознаю, однако, заблудился я в вашем лесу. Не подскажете ли любезно, как мне выбраться на дорогу к деревне Трубино?

Факт, подействовало на грозную бабку. Явно смягчилась она, даже морщин на лице вроде меньше стало.

– Откуда ты такой вальяжный да куртуазный? – интересуется.

«Ну и бабулечка, – удивляется Алик, – лепит фразу с применением редкого ныне материала».

– Школьник я, бабушка.

Она с сомнением оглядывает его, бормочет:

– «Ноги босы, грязно тело, да едва прикрыта грудь...» Не похоже что-то...

– Некрасов в другое время жил, – терпеливо разъясняет Алик, не переставая изумляться бабкиной могучей эрудиции. – Нынче школьники вполне прилично выглядят.

– Да знаю... Это я по инерции... Проклятое наследие... А учишься-то как?

– На «хорошо» и «отлично».

– Нешто без двоек обходится?

– Пока без них.

– Тогда заходи.

В горнице чисто, полы выскоблены, пахнет геранью, корицей и ещё чем-то, что неуловимо знакомо, а не поймать, не догадаться, что за аромат. Стол, четыре стула, лавка, крытая одеялом, скроенным из пёстрых лоскутов. Комод. Кружевные белые салфетки. Кошка-копилка. Цветная фотография кошки с бантиком, приклеенная к стене. На комод – жёлтая суперобложка польского фотоальбома «Кошки перед объективом». На одеяле – живая

чёрная кошка. Смотрит на Алика, глаза горят, один – зелёный, другой – красный.

У стены – русская печь.

– Холодно, – неожиданно говорит бабка.

– Что вы, бабушка, – удивляется Алик. – Жарко. Обещали, что ещё жарче будет: циклон с Атлантики движется.

– С Атлантики движется, за Гольфстрим цепляется, – частит бабка. И неожиданно яростно: – А мы его антициклоном покроем, чтоб не рыпался.

«Сумасшедшая старуха», – решает Алик, но вежливости не теряет:

– Ваше право.

– То-то и оно, что моё. Ты, внучёк, подсоби старой женщине, напили да наколи дровишек, протопи печку, а я тебя на верную дорогу наставлю: всю жизнь идти по ней будешь, коли не свернёшь.

– Мне не надо на всю жизнь. Мне бы в Трубино.

– Трубино – мелочь. В Трубино ты мигом окажешься, вопроса нет. Сходи, внучёк, во двор, наделай чурочек.

Алик пожимает плечами – вот уж сон чудной! – спрашивает коротко:

– Пила? Топор?

– Всё там, внучёк, всё справное, из легированной стали, высокоуглеродистой, коррозии не подверженной. Коли – не хочу.

«Ох, не хочу», – с тоской думает Алик, однако идёт во двор, где и вправду стоят аккуратные козлы, сложены отрезки брёвен, которые и пилить-то не надо: расколи и – в печь. И топор рядом. Обыкновенный топор, какой в любом сельпо имеется; врёт бабулька, что из легированной стали.

Поставил полешко, взял топор, размахнулся, тюкнул по срезу – напололам разлетелось. Снова поставил, снова тюкнул – опять напололам. Любо-дорого смотреть такой распрекрасный сон, тем более что в реальной действительности Алик топора и в руках не держал. В самом деле: зачем топор в московской квартире с центральным отоплением? Вздор, чушь, чепуха...

Нарубил охапку, сложил на левую руку, правой прихватил, пошёл в горницу.

– Ах, и молодец! – радуется бабка. – Теперь топи.

Свалил у печки дрова, открыл заслонку. Взял нож, нарезал лучины, постелил в печь клочок газеты, уложил лучину, сверху полешек подкинул. Чиркнул спичкой – занялось пламя, прихватило дерево, затрещало, заметалось в тесной печи. Алик ещё полешек доложил, закрыл заслонку.

– Готово.

А бабка уже котёл здоровенный на печь прилаживает.

– Варить что будете, бабушка?

– Тебя, внучёк, и поварю. Согласен?

«Ну, вляпался, – думает Алик, – эту бабку в психбольницу на четвёртой скорости отволочь надо». Но отвечает:

– Боюсь, невкусным я вам покажусь. Сухощав да ненаварист. В Трубино в продмаге говядина неплохая...

– Ох, уморил! – мелко-мелко хохочет бабка, глаза совсем в щёлки превратились, лицо, как чернослив, морщинистое. А зубы у неё – ровно у молодой: крепкие, мелкие, чуть желтоватые. – Да какая ж говядина с человечинной сравнится?

– Вот что, бабушка. – Алик сух и непреклонен. – Дрова я вам наколол, разговаривать с вами некогда. Показывайте дорогу. Обещали.

Бабка перестаёт смеяться, утирает рот ладошкой, платок с розами поправляет. Говорит неожиданно деловым тоном:

– Верно. Обещала. И от обещаний своих не отказываюсь. Будет тебе дорога, только сперва отгадай три загадки. Отгадаешь – выведу на путь истинный. Не сумеешь – сварю и съем, не обессудь, внучёк.

– Это даже очень мило, – весело соглашается Алик. – Валяйте, загадывайте.

Бабка опять хихикает, ладони потирает.

– Ох, трудны загадки, не один отрок из-за них в щи попал. Первая такая: без окон, без дверей – полна горница людей. Каково, а?

– Так себе, – отвечает Алик. – Огурец это.

– Тю, догадался... – бабка ошеломлена. – Как же ты?

– Сызмалства смышлён был, – скромничает Алик.

– Тогда вторая. Потруднее. Два конца, два кольца, в середине – гвоздик.

– Ножницы.

– Ну, парень, да ты и впрямь без двоек учишься. – У неё уж и азарт появился. – Бери третью: стоит корова, мычать здорова, трахнешь по зубам – заревёт. Что?

– Рояль.

– А вот и не рояль. А вот и пианино, – пробует сквалыжничать бабка.

– А хоть бы и фисгармония. – Алик твёрд и невозмутим. – Однотипные музыкальные инструменты. Где дорога?

Бабка тяжело вздыхает, идёт к двери, шлёпая галошами. Алик за ней. Вышли на крыльцо. Бабка спрашивает:

– Есть у тебя желание заветное, неисполнимое, чтобы, как червь, тебя точило?

– Есть, – почему-то шёпотом отвечает Алик, и сердце, как и в первом сне, начинает биться со скоростью хорошей турбины. – Хочу уметь прыгать в высоту по первому разряду.

Бабка презрительно смотрит на него.

– Давай уж лучше «по мастерам», чего мелочиться-то?

– Можно и «по мастерам», – постепенно приходит в себя Алик, нагличает.

– Плёвое дело. – Бабка вздыхает руки горе, и лицо её будто разглаживается. Начинает с завыванием: – На дворе трава, на траве дрова, под дровами мужичок с ноготок, у него в руках платок – эх, платок, ты накинь тот платок на шесток, чтобы был наш отрок в воздухе лёгок...

– Что за бредятина? – невежливо спрашивает Алик.

– Заклинанье это, – обижается бабка. – Древнее. Будешь ты теперь, внучёк, сигать в свою высоту, как кузнечик, только соблюди условие непреложное.

– Что за условие?

– Не солги никому никогда ни в чём...

– Ни намеренно, ни нечаянно, ни по злобе, ни по глупости?..

– Ни из жалости, ни из вредности, – подхватывает бабка и спрашивает подозрительно: – Откуда знаешь?

– Слышал... – туманно говорит Алик.

– Соблюдёшь?

– Придётся. А вы, никак, баба-яга?

– Она самая, внучёк. Иди, внучёк, указанной дорогой, не сворачивай, не лги ни ближнему, ни дальнему, ни соседу, ни прохожему, ни матери, ни жене.

– Не женат я пока, бабушка, – смущается Алик.

– Ну-у, эта глупость тебя не минует. Хорошо – не скоро. А в Турбино своё по той тропке пойдёшь. Бывай, внучёк, не поминай лихом.

И Алик уходит. Скрывается в лесу. И сон заканчивается, растекается, уплывает в какие-то чёрные глубины, вспыхивает вдалеке яркой точкой, как выключенная картинка на экране цветного «Рубина».

И ничего нет. Темнота и жар.

4

И тогда начинается сон третий.

Будто бы пришёл Алик в мамин институт. Мама – биолог, занимается исследованием человеческого мозга. «Мозг – это чёрный ящик, – говорит ей отец. – Изучай не изучай, а до результатов далеко». «Согласна, – отвечает ему мама. – Только с поправкой. Чёрный ящик – это когда мы не ведаем принципа работы прибора, в нашем случае – мозга, а данные на входе и выходе знаем. Что же до мозга, то его выход мы только предполагать можем: сила человеческого мозга темна, мы её лишь на малый процент используем...»

«А коли так, где пределы человеческих возможностей? – думает Алик. – И кто их знает? Уж, конечно, не учёные мужи из мамино института...»

А мамин коллега, профессор Брыкин Никодим Серафимович, хитрый мужичок с ноготок, аккуратист и зануда, бывая в гостях у родителей Алика и слушая их споры, таинственно посмеивается, будто известно ему про мозг нечто такое, что поставит всю современную науку с ног на голову да ещё развернёт на сто восемьдесят градусов: не в ту сторону смотрите, уважаемые учёные.

Вот сейчас, во сне, Никодим Брыкин встречает Алика у массивных дверей института, берёт за локоток, спрашивает шёпотом:

– Хвоста не было?

Вопрос из детективов. Означает: не заметил ли Алик за собой слежки.

– Не было, – тоже шёпотом отвечает Алик.

И они идут по пустым коридорам, и шаги их гулко гремят в тишине – так, что даже разговаривать не хочется, а хочется слушать эти шаги и проникаться высоким значением всего происходящего во сне.

– А почему никого нет? – опять-таки шёпотом интересуется Алик.

– Воскресенье, – лаконично отвечает Брыкин, – выходной день у трудящихся, – а сам локоть Алика не отпускает, открывает одну из дверей в коридоре, подталкивает гостя. – Прошу вас, молодой человек.

Алик видит небольшой зал, уставленный непонятными приборами, на коих –

– Пусть так. Ваш выбор, юноша.

– Я хотел бы стать... вторым Брумелем.

– Это который в высоту? Игра сделана, ставок больше нет, возьмите ваши фишки, господа.

Профессор Брыкин подпрыгивает, всплескивает ручками, бежит к креслу, отряхивает с него невидимые миру пылинки.

– Прошу занять места согласно купленным билетам. Шутка.

Алик не удивляется поведению Брыкина. Алик прекрасно знает о чудачествах учёных, знает и о том, что накануне решающих опытов, накануне триумфа учёный человек ведёт себя, мягко говоря, странновато. Кто поёт, кто свистит соловьём, кто стоит на голове, а Брыкин шутит. Пусть его.

Алик садится в кресло, ёрзает, поудобнее устраиваясь на холодящем дерматине, кладёт руки на подлокотники. Брыкин нажимает какую-то кнопку на пульте, и стальные, затянутые белыми тряпицами обручи обхватывают голову, руки и лодыжки. Алик невольно дёргается, но обручи не отпускают.

– Не волнуйтесь, всё будет тип-топ, как вы говорите в часы школьных занятий. Минуточку... – Брыкин щёлкает тумблерами, крутит верньеры, нажимает кнопки. Вспыхивают индикаторные лампочки, дрожат стрелки датчиков, освещаются шкалы приборов, стучат часы.

Алик начинает ощущать, как сквозь тело проходит некое странное излучение, но не противное, а, скорее, приятное.

– Температура – тридцать шесть и шесть по шкале Цельсия, пульс – восемьдесят два, кровяное давление – сто двадцать на семьдесят. – Брыкин что-то пишет в журнале испытаний, следит за приборами. – Разброс точек даёт экстремальную экспоненту. Внимание: выходим в четвёртое измерение... Что за чёрт?! – Он даже встаёт, вглядываясь в экран над пультом.

Там что-то мигает, светится, расплывается.

Алик чувствует зуд в кончиках пальцев, ступни ног деревенеют, а икры, наоборот, напрягаются, как будто он идёт в гору или держит на плечах штангу весом в двести килограммов.

– Что случилось, профессор?

– Ничего особенного, коллега, ничего страшного, – бормочет Брыкин, лихорадочно вращая все верньеры сразу: маленькие руки его так и порхают над пультом.

– А всё-таки?

– Сейчас, сейчас...

Брыкин неожиданно дёргает на себя рубильник. Гаснет экран, гаснут лампы. Алик легко шевелит пальцами, да и ноги отпустило. Обручи расходятся, и Алик встаёт, подбегает к Брыкину.

– Неужели не получилось?

– Кто сказал: не получилось? – удивляется Брыкин. – Эксперимент дал потрясающие результаты. Немедленно по выходе из здания института вы должны проверить свои вновь обретенные способности. Проверить и убедиться – насколько велик Никодим Брыкин. – Он хлопает ладонью по серому матовому боку пульта. – Нобелевская премия у меня в кармане, – и суёт руку в карман – проверить: там премия или ещё нет.

– Так чего же вы чертыхались?

– Пустяк. – Брыкин даже рукой машет. – В четвёртом измерении на пятнадцатой стадии эксперимента возник непредусмотренный эффект.

– Какой эффект?

– Пограничные условия от производной функции. Раньше такого не было. Придётся ввести коррективы в конечное уравнение процесса.

– И что они значат – пограничные условия? – волнуется Алик.

– А то значат, – Брыкин ласково обнимает длинного Алика за талию, как будто хочет утешить его, – что приобретённые вами спортивные качества, к сожалению, не вечны.

– Почему? – кричит Алик.

– Таковы особенности мозга.

– Не вечны...

– Да вы не расстраивайтесь. Берегите себя, свой мозг, свои благоприобретённые качества, и всё будет тип-топ.

– Но что, что может лишить меня этих качеств?

Брыкин делается строгим и суровым.

– Не знаю, юноша. Я вам не гадалка, не баба-яга какая-нибудь. И не джинн из бутылки. Наука имеет много гитик – верно, но много – это ещё не всё. Заходите через пару лет, посмотрим, что я ещё наизобретаю. – И он вежливо, но целенаправленно провожает Алика к дверям.

И Алик уходит. Идёт по коридору, спускается по широкой мраморной лестнице, крытой ковровой дорожкой. И сон заканчивается, растекается, уплывает в какие-то чёрные глубины, вспыхивает вдалеке яркой точкой, как выключенная картинка на экране цветного «Рубина».

И ничего нет. Темнота и жар.

5

А наутро Алик просыпается здоровым и свежим, будто и не было температуры, слабости, тяжёлого забытья. Некоторое время он лежит в постели, с удовольствием вспоминая виденные ночью сны, взвешивает, анализирует. Удивительное однообразие вывода: будешь прыгать, если не соврёшь. Правда, в последнем сне, с Брыкиным, вывод затушёван. Но ясно: под пограничными условиями имеется в виду как раз заповедь «не обмани».

Странная штука – человеческий мозг. Думал о способах потрясти мир спортивными успехами, даже джинна из бутылки вспомнил и – на тебе: мозг трансформировал всё в чёткие сновидения, сюжетные законченные куски – хоть записывай и носи в журнал. Сны суть продолжение яви. Слепые от рождения не видят снов. Что ж, вчерашняя явь дала неплохой толчок для снотворчества. Каков термин – снотворчество? А что, придумает, скажем, тот же Брыкин какой-нибудь самописец-энцефалограф для записи снов на видеоплётку, прибор сей освоит промышленность, и появится новый вид массового творчества, свои бездарности и гении, свои новаторы и традиционалисты. Понастроят общественных снотеатров, где восторженная публика станет лицезреть творения профессионалов-сновидцев, а специальные приставки к телевизорам позволят высококачественным талантливым сновидениям прийти прямо в квартиры. Фантастика! Однако сны Алика вполне, как говорится, смотрибельны. Надо будет их лучшему другу Фокину пересказать, то-то посмеётся, повосторгается...

Алик встал и на тумбочке у кровати обнаружил мамину записку. Она гласила: «Лекарства в шкафу. До моего прихода примешь этазол – дважды, аспирин – один раз. В школу не ходи, по квартире не шпайся, позавтракай и жди меня».

Стиль вполне лапидарен, указания – яснее ясного. Из всех перечисленных Алику наиболее по душе пришлось это: «в школу не ходи». Что говорится в расписании? Химия, история, две литературы, то есть два урока подряд. Не беда, позволим себе передохнуть, впоследствии наверстаем. Лекарства, естественно, побоку, постельный режим – тоже. По квартире шпайся (ох, и выраженьице!..) не станем, а вот не пойти ли подышать свежим воздухом? Пойти.

Наскоро позавтракал, сунул в карман блокнот и шариковую ручку – на всякий случай, вдруг да и появится вдохновение, – вышел во двор. Ах, беда какая: на скамейке у подъезда восседала Анна Николаевна, Дашкина мать. Вспомнил, да поздновато: Дашка Строганова, белокурый голубоглазый ангел, юная королева класса, в школьной форме и абсолютно внешкольных туфельках на тонких каблучках, мечта и страсть мужских сердец, говорила, что её матери врач прописал больше бывать на воздухе. Что-то там у неё с сердцем, ему не хочется покоя.

– Доброе утро, Анна Николаевна. Как здоровье?

Сейчас последуют вопросы.

– Спасибо, Алик, получше. А вот почему ты не в школе, интересуюсь?

В самую точку. Отвечаем:

– Похудело у меня здоровье, Анна Николаевна. Вчера весь вечер в температурном бреду пролежал, сегодня еле ноги волоку.

С сомнением посмотрела на ноги. Алик для убедительности совсем их расслабил,

бессильно повесил руки вдоль тела, голову склонил.

– Врач был?

Стереотипное мышление. Если есть справка, значит, болен. Нет спасительного листка – здоров, как стадо быков. Внешний вид и внутреннее состояние в расчёт не принимаются.

– Был врач, был – как же иначе. Не прогульщик же я, в самом деле?

– А кто вас, молодых, теперь поймёт? Дашка из школы придёт – жалуется: ах, мигрень! В её-то годы...

Выдана небольшая медицинская семейная тайна. Спокойнее, Радуга, умерь сердцебиение.

– Акселерация, Анна Николаевна, бич времени. Раньше взрослеем, раньше хвораем, раньше страдаем.

Вроде пошутил, а Дашкиной матери не понравилось.

– Ты, я гляжу, исстрадался весь.

Попадание в десятку. Знала бы она о вчерашнем...

– Не без того, Анна Николаевна, не без того.

Теперь прилично и покинуть её, двинуться к намеченной цели.

– Всего хорошего, Анна Николаевна.

А есть ли цель? Ох, не криви душой сам с собой, дорогой Алик. Есть цель, есть, и ты дуешь напрямик к ней, хотя – разумом – понимаешь всю бессмысленность и цели и желания поспешно проверить то, что никакой проверки не требует. А почему, собственно, не требует? Ведь не всерьёз же, так, от нечего делать...

А утро-то какое – любо посмотреть! На небе ни облачка, ветра нет, тишина, тепло. Время отдыха и рекордов.

Вот и цель. Сад, зажатый с двух сторон серыми стенами домов, с третьей – чугунной решёткой, отгородившей от него гомон и жар проспекта, с четвёртой – тихая и пустынная набережная, откуда легко спуститься к Москве-реке, чтобы, нырнув, обнаружить на дне гизатлинской работы кувшин с усталым джинном внутри. Но кувшины с джиннами – продукт хитрых сновидений, далёких от суровой действительности. А действительность – здесь она: спортивный комплекс в саду. Хоккейная коробка, превращённая на лето в баскетбольную площадку; шведская стенка, врытая в песок; яма для прыжков в длину и рядом – две стойки с кронштейнами. А планка где? Ага, вот она: на песке валяется...

Положим блокнотик с ручкой на лавочку – чтоб не мешал. Закрепим кронштейны на некой высоте – скажем, метр. Где у нас метр? Вот у нас метр. Приладим планочку. Кто нас видит? Вроде никто не видит. От проспекта древонасаждения скрывают, детсадовская малышня гуляет нынче в другом месте – везение. Ра-азбегаемся. Толчок...

Алик лежал в яме с песком и смотрел в небо. Между небом и землей застыла деревянная, плохо струганная планка, застыла – не покачнулась.

«Вроде взял», – подумал Алик и тут же устыдился: высота – метр, сам устанавливал, чем тут гордиться?

Да дело не в высоте, дело в факте: взял! Ан нет, не обманывайся: в первую очередь, в высоте. Метр любой дурак возьмёт, тут и техники никакой не требуется. А с ростом под сто восемьдесят можно и для первого раза планку повыше установить.

Установим. Допустим, метр сорок. Как раз такую высоту Алик и сбивал на уроке у Бима. Под дружный смех публики.

Ра-азбегаемся. Толчок...

Планка, не колыхнувшись, застыла над ним – гораздо ближе к небу, чем в прошлый раз.

Что же получается? – думал Алик. Выходит, он умеет прыгать, умеет, если очень хочет, и только страх пополам со стыдом (вдруг не получится?..) мешал ему убедиться в этом в спортзале. Он вскочил, побежал к началу разбега, вновь помчался к планке и вновь легко перелетел через неё, да ещё с солидным запасом – сантиметров, эдак, в двадцать – тридцать.

Он не удивился. Видно, время ещё не пришло для охов и ахов. Он лежал на песке, глядел в небо, перечёркнутое планкой надвое. В одной половине стояло солнце, слепило глаза. Алик невольно щурился, и корявая планка казалась тонкой ниткой: не задеть бы, порвётся.

«Могу, могу, могу...» – билось в голове. Резко сел, стряхивая с себя оцепенение. Чему радоваться?

«Ты же физически здоровый парень, – говорил ему отец не однажды. – Тебе стоит только захотеть, и получится всё, что положено твоему возрасту и здоровью. Но захотеть ты не в силах. Ты ленив, и проклятая инерция сильнее твоих благих намерений».

«Я – интеллектуал», – говорил Алик.

«Ты только притворяешься интеллектуалом, – говорил отец. – Ленивый интеллект – это катахреза, то есть совмещение несовместимых понятий. А потом: писать средние стихи не значит быть интеллектуалом».

Алик молча глотал «средние стихи», терпел, не возражал. Он мог бы сказать отцу, что тот тоже никогда не был спортсменом, а долгие велосипедные походы, о которых он с удовольствием вспоминал, ещё не спорт, а так... физическая нагрузка. Он мог бы напомнить отцу, что тот сам лет шесть назад не пустил его в хоккейную школу. Не будучи болельщиком, отец не понимал прелести заморской игры, её таинственного флёра, которым окутана она для любого пацана от семи до семидесяти лет.

«Все великие поэты прошлого были далеки от спорта», – говорил Алик.

«Недоказательно, – говорил отец. – Время было против спорта. Он, как явление массовое, родился в двадцатом веке».

Отец злился, понимая, что сам виноват: что-то упустил, недопонял, учил не тому. Перебрать бы в памяти годы, да разве вспомнишь всё...

«И потом, мне надоело писать завучу объясниловки, почему ты прогулял физкультуру», – говорил отец.

Пожалуй, в том и заключалась причина душевительных разговоров. Алик переставал прогуливать, ходил в спортзал, пытался честно работать, но... Вчера Бим поставил точку, не так ли?

Точку? Ну нет, в пунктуации Алик был, пожалуй, посильнее Бима-физкультурника. Он хорошо знал, когда поставить запятую, тире или многоточие. И если уж вести разговор на языке знаков препинания, то сегодняшняя ситуация властно диктовала поставить двоеточие: что будет завтра? послезавтра? через месяц?

Алик встал, поднял кронштейны на стойках ещё на деление. Высота – сто пятьдесят. Ерунда для тренированного подростка. Алику она виделась рекордом, а по сути и была рекордной – для него. Ещё вчера он бы рассмеялся, предположи кто-нибудь – скажем, Фокин, лучший друг, – что полтора метра для Радуги – разминка. Сейчас он отошёл, покачался с носка на пятку (видел: так делают мастера перед прыжком), легко побежал к планке, взлетел, приземлился и... охнул от боли. Не сообразил: упал на руку.

Несколько раз согнул-разогнул: боль уходила. Он думал: есть желание, есть возможности, не хватает умения, техники не хватает. Надо бы просто посмотреть, как прыгают мастера, как несут тело, как ноги сгибают, куда бросают руки, как приземляются. А то и поломаться недолго, до собственного триумфа не дотянуть.

В том, что триумф неизбежен, Алик не сомневался, даже не очень-то размышлял о том. И что странно: триумф этот виделся ему не на Олимпийском стадионе под вспышками «леек» и «никонов», а в полутёмном спортзале родной школы – на глазах у тех, кто вчера мерзко хихикал над неудачником. На глазах у липового воспитателя Бима, который предпочёл отделаться от неудобного и бездарного ученика, вместо того чтобы дотянуть его хотя бы до среднего уровня. На глазах у лучшего друга Фокина, который сначала демонстрирует своё превосходство, а потом лицемерно звонит и здоровьем интересуется. На глазах у Дашки Строгановой, наконец...

– Здоровье поправляешь?

Резко обернулся, поднял голову. Дашкина мать возвышалась над ним этакой постаревшей Фемидой, только без повязки на глазах. Солнце ореолом стояло над её головой, и Алик аж зажмурился: казалось, ослепительное сияние исходило от этой дворовой богини правосудия, которое она собиралась вершить над малолетним симулянтом и прогульщиком.

– Что шуришься, будто кот? Попался?

– Куда? – спросил Алик.

– Не куда, а кому, – разъяснила Анна Николаевна. – Мне попался, голубчик. Руки не действуют, ноги не ходят, в глазах тоска... А прыгаешь, как здоровый. Родители знают?

– Что именно?

– Что прогуливаешь?

– Я, любезная Анна Николаевна, не прогуливаю, – начал Алик строить правдивую защитную версию. Не то чтобы он боялся Дашкину маман – что она могла сотворить, в конце концов? Ну, матери сообщить. Так мама и оставила Алика дома – факт. В школу наклепать? Алику так редко вызывает нарекания педагогов, что им, педагогам, будет приятно узнать о его небезгрешности: люди не очень ценят святых. Но Анна Николаевна любила гласность. Она просто жить не могла, не поделившись с окружающими всем, что знала, видела или слышала. А гласность Алику пока была ни к чему. – Как вы можете заметить, уважаемая мама Даши Строгановой, я прыгаю в высоту.

– Могут заметить.

– И сделать вывод, что я не случайно освобождён от занятий. Я готовлюсь к соревнованиям. – И это не было ложью: Алику твёрдо верил, что все соревнования у него впереди.

Тут Дашкина мать не удержалась, хмыкнула:

– Ты? – Однако вспомнила, что над подростком – в самом раннем возрасте – смеяться никак нельзя, непедagogично, о чём сообщает телепередача «Для вас, родители», спросила строго: – К каким соревнованиям?

– Пока к школьным.

– Да ты же сроду физкультурой не занимался, чего ты мне врешь?

– Ребёнку надо говорить «обманываешь», – не преминул язвительно вставить Алику, но продолжил мирно и вежливо: – Приходите завтра на урок – сами убедитесь.

– А что ты думаешь, и приду. – Она сочла разговор оконченным, пошла прочь, а Алику пустил ей в спину:

– Вам-то зачем утруждать? Дашенька всё расскажет...

Анна Николаевна не ответила – не снизошла, а может, и не услышала, скрылась в арке ворот. Алику подумал, что он не так уж и несправедлив к белокурому ангелочку: ябеда она. И всё это при такой ангельской внешности! стыдно... Больше прыгать не стал: в сад потянулись малыши, ведомые толстухой в белом халате. Сейчас они оккупируют яму для прыжков, раскидают в ней свои ведёрки, лопатки, формочки. Попрыгаешь тут, как же... Такова спортивная жизнь...

Стоило пойти домой и подготовиться к завтрашней контрольной по алгебре: сердце Алику чуяло, что мама не расщедрится ещё на один вольный день.

Так он и поступил.

И вот что странно: больше ни разу не вспомнил о своих снах, не связал их с внезапно появившимся умением «сигать, как кузнечик». А может, и правильно, что не связал? При чём здесь, скажите, мистика? Надо быть реалистом. Всё дело в силе воли, в желании, в целеустремлённости, в характере.

6

Контрольную он написал. Несложная оказалась контрольная. Дождался последнего урока, вместе со всеми пошёл в спортзал.

– А ты куда? – спросил Фокин, лучший друг. – Тебя же освободили.

– А я не освободился, – сказал Алику.

– Ну и дуб. – Лучший друг был бесцеремонен. – Человеку идут навстречу, а он платит чёрной неблагодарностью.

– В чём неблагодарность?

– Заставляешь Бима страдать. Его трепетное сердце сжимается, когда он видит тебя в тренировочном костюме.

– Да, ещё позавчера это было катахрезой, – щегольнул Алику учёным словом, услышанным от отца.

– Чего? – спросил Фокин.

– Тебе не понять.

– Твоё дело, – обиделся Фокин и отошёл.

И зря обиделся. Алик имел в виду то, что Фокину – и не только Фокину – будет трудно понять и правильно оценить метаморфозу, происшедшую с Аликом. Да что там Фокину: Алик сам недоумевал. Как так: вчера не мог, сегодня – запросто. Бывает ли?..

Выходило, что бывает. После вчерашней разминки-тренировки Алик больше не искушал судьбу и сейчас, сидя в раздевалке, побаивался: а вдруг он не сумеет прыгнуть? Вдруг вчерашняя удача обернётся позором? Придётся из школы уходить...

Вышел в зал, занял своё место в строю. Вопреки ожиданиям, никто не вспоминал прошлый урок и слова Бима. Считали, что сказаны они были просто так, не всерьёз. Да и кто из учеников всерьёз поверит, что преподаватель разрешает не посещать кому-то своих уроков? А что дирекция скажет? А что районо решит? Всё время вдалбливают: в школу вы ходите не ради оценок, а ради знаний, умения и прочее. А отметки – так, для контроля... Правда, хвалят всё же за отметки, а не за знания, но это уже другой вопрос...

Бим поглядел на Алика, покачал головой, но ничего не сказал. Видно, сам понял, что переборщил накануне. В таких случаях лучше не вспоминать об ошибках, если тебе о них не напомнят. Но Алик как раз собирался напомнить.

Побежали по залу, повисели на шведской стенке – для разминки, сели на лавочки.

– Объявляю план занятий, – сказал Бим. – Брусья, опорный прыжок, баскетбол. Идею уяснили?

– Уяснили, – нестройно, вразнобой ответили.

Строганова руку вытянула.

– Чего тебе, Строганова?

– Борис Иванович, а что девочкам делать?

– Всё наоборот. Сначала опорный прыжок, потом брусья. Естественно, разновысокие. Ещё вопросы есть?

– Есть, – сказал Алик.

Класс затих. Что-то назревало. Бим тоже насторожился, соорудил кислую физиономию.

– Слушаю тебя, Радуга.

– У меня к вам личная просьба, Борис Иванович. Измените план. Давайте попрыгаем в высоту.

Захихикали, но, скорее, по инерции. Вряд ли Радуга станет так примитивно подставляться. Ясно: что-то задумал. Но что? Надо подождать конца.

– А не всё ли тебе равно, Радуга, когда свой талант демонстрировать? – не утерпел Бим, уязвил парня.

– Не всё равно. – Алик решил не молчать, действовать тем же оружием. – Да и вам – из педагогических соображений – надо бы пойти мне навстречу.

Поймал округлившийся взгляд Фокина: ты что, мол, с катушек совсем слез? Не слез, лучший друг, качусь – не останавливаюсь, следи за движением.

Бим играет в демократа:

– Как, ребята, пойдём навстречу?

А ребят хлебом не корми, дай что-нибудь, что отвлечёт от обычной рутины урока. Оруг:

– Пойдём... Удовлетворим просьбу... Дерзай, Радуга...

Бим вроде доволен:

– Стойки, маты, планку. Живо!

Все скопом помчались в подсобку, потолкались в дверях, потащили в зал тяжеленные маты, сложили в два слоя в центре зала, стойки крестовинами под края матов засунули – для устойчивости.

– Какую высоту ставить? – спросил староста класса Борька Савин, хоть и отличник, но парень свой. К нему даже двоечники с любовью относились: и списать даст, и понять поможет – кому что требуется.

– Заказывай, Радуга.

Алик подумал секунду, прикинул, решил:

– Начнём с полутора.

– Может, не сразу? – усомнился Бим.

- А чего мучиться? – демонстративно махнул рукой Алик. – Помирать – так с музыкой.
- Помирать решил?
- Поживу ещё.

Сам подошёл, проверил: точно – метр пятьдесят.

- Начинай, Радуга.
- Пусть сначала Фокин прыгнет. Присмотреться хочу.
- Присматривайся. Пойдёшь последним.

Отлично. Посидим, поглядим, ума-разума наберёмся. Ага, при взлёте правую ногу чуть-чуть согнуть... Левая прямая... идёт вверх... Переворачиваемся... Руки – чуть в стороны, в локтях согнуты... Падаем точно на спину... Кажется: проще простого. Кажется – крестись. Джинн с бабой-ягой и Брыкиным сказали: прыгать будешь. А как прыгать – не объяснили. Халтурщики...

Он даже вздрогнул от этой мысли: значит, всё-таки – джинн, баба-яга, Брыкин? Вещий сон?

- Радуга, твоя очередь.
- Потом, потом додумать. Пора...

Побежал – как вчера, в саду, – оттолкнулся, легко взлетел, планку даже не задел, высоко прошёл, лёг на спину. Вроде всё верно сделал, как Фокин.

В зале тишина. Только Фокин, лучший друг, не сдержался – заплодировал. И ведь поддержали его, хлопали, кто-то даже свистнул восторженно, девчонки загалдели. А Алик лежал на матах, слушал с радостью этот весёлый гам, потом вскочил, понёсся в строй, крикнув на бегу:

- Ошибки были?
 - Для первого раза неплохо, – сказал Бим, явно забыв, что прыгает Алик не первый раз.
- Другое дело, что все прошлые попытки и прыжками-то не назвать...

- Поднимем планку?
- Не торопись, Радуга, освойся на этой высоте.
- Я вас прошу.
- Ну, если просишь...

Поставили метр шестьдесят. Все уже не прыгали. Девчонки устроились у стены на лавках, к ним присоединились ребята – из тех, кто послабее или прыжков в высоту не любит. Были и такие. Скажем, Гулевых. Один из лучших футболистов школы, как стопперу – цены нет, а прыгать не может. И, заметим, Бим к нему не пристаёт с глупостями: не можешь – не прыгай, играй себе в защите на правом краю, приноси славу родному коллективу. Славка Торчинский на вело педали крутит. За «Спартак». Ему тоже не до высоты. Лучше не ломаться зря, поглядеть спокойно, тем более что урок явно закончился, да и вообще не получился: шло представление с двумя актёрами – Бимом и Радугой, «злодеем» и «героем», да ещё Фокин где-то сбоку на амплу «друга героя» подвизается.

Не только Фокин. Ещё человек пять прыгало. По той же театральной терминологии – статисты. Метр шестьдесят взяли все. Двое – со второй попытки. У Бима азарт появился.

- Ставь следующую! – кричит.

Метр семьдесят. Немыслимая для Алика высота. Фокин взял, остальные не стали пробовать. Алик пошёл на планку, как на врага, взмыл над ней – готово!

- Ты что, притворялся до сих пор? – вид у Бима, надо сказать, ошарашенный.

А вопрос нелепый. С какой стати Алику притворяться, когда гораздо спокойнее таланты демонстрировать.

- Не умел я до сих пор прыгать, Борис Иванович.
- А сейчас?
- А сейчас научился, – потом объяснения, успеется. – Ставим следующую?

Метр семьдесят пять. Фокин не бросает товарища. Ну, он эту высоту и раньше брал, и сейчас не отступил. Ну-ка, Алик... Разбег. Толчок. Хо-ро-шо!

– Хорошо! – Бим даже руки от возбуждения трёт. О том, что Радуга «запоздал в развитии», не вспоминает. Да и зачем вспоминать о какой-то ерундовой оговорке, реплике, в сердцах сказанной, если неожиданно-негаданно в классе объявился хороший легкоатлет, будет

кого на районные соревнования выставить.

– Ставим метр восемьдесят, – решил Фокин.

Он не ведает, что у него роль «друга героя», а «герой» о такой высоте никогда в жизни не мечтал – смысла не было, мечты тоже реальными быть должны. Фокин, как и Бим, завёлся. Не было в классе соперника – появился, так надо же выяснить: кто кого.

– Хватит, Фокин. – Бим уже отошёл от «завода», не хочет превращать тренировку в игру.

– Последняя, Борис Иванович, – взмолился Фокин.

И Алик поддержал его:

– Последняя, – и для верности добавил: – Чтоб мне ни в жисть метр двадцать не взять...

Почему-то никто не засмеялся. Шутка не понравилась? Или то, что казалось весёлым и бездумным в начале урока, сейчас стало странным и даже страшноватым? В самом деле, не мог Радуга за такое короткое время превратиться из бездаря в чемпиона, не бывает такого, есть предел и человеческим возможностям и человеческому воображению.

И Алик понял это. И когда лучший друг Фокин с первой попытки взял свою рекордную высоту, Алик так же легко разбежался, взлетел и... лёг грудью на планку. Она отлетела, со звоном покатила по полу.

Было или почудилось: Алик услышал вздох облегчения. Скорее, почудилось: ребята далеко, сам Алик пыхтел как паровоз – попрыгай без привычки.

А может, и было...

– Дать вторую попытку? – спросил Бим.

– Не стоит, – сказал Алик. – Не возьму я её.

– Что, чувствуешь?

– Чувствую. Вот потренируюсь и...

Победивший и оттого успокоившийся Фокин обнял Алика за плечи.

– Ну, ты дал, старик, ну, отколол... Борис Иванович, думаю – в секцию его записать надо. Какая прыгучесть! – И, помолчав секунду, признался, добрая душа: – Он же меня перепрыгнет в два счёта, только потренируется.

Бим нашёл, что в словах Фокина есть резон – и в том, что тренироваться Радуге стоит, и что перепрыгнет он Фокина, если дело так и дальше пойдёт, – но вслух высказываться не стал, осторожничал.

– Поживём – увидим, – сказал он. – А что, Радуга, ты всерьёз решил прыжками заняться?

– Почему бы и нет? – Алик стоял – сама скромность, даже взор долу опустил. – Может, у меня и вправду кое-какие способности проклюнулись...

– Может, и проклюнулись, – задумчиво протянул Бим.

Что-то ему всё-таки не нравилось в сегодняшней истории, не слышал он никогда про спортивные таланты, возникшие вдруг, да ещё из ничего. А Радуга был ничем, это Бим, Борис Иванович Мухин, съевший в спорте даже не собаку, а целый собачий питомник, знал точно. Но факт налицо? Налицо. Считаться с ним надо? Надо, как ни крути.

– Если хочешь, придёшь завтра в пять в спортзал, – сказал он. – Посмотрим, попрыгаем... – не удержался, добавил: – Самородок...

И Алик простил ему «самородка», и тон недоверчивый простил, потому что был упоён своей победой над физкультурником, да что там над физкультурником – над всем классом, над чемпионом Фокиным, над суперзвёздами Гулевых и Торчинским, кто остальных в классе и за людей-то не считал, над ехидным ангелом Дашкой, которая сегодня же сообщит своей маман о невероятных спортивных успехах Алика, а та не преминет вспомнить, как вышеупомянутый лодырь и прогульщик тренировался в саду во время уроков.

– Приду, – согласно кивнул он Биму, а тот свистнул в свой свисточек, висевший на шнурке, махнул: конец урока.

И все потянулись в раздевалку, хлопали Алика по спине, отпускали весёлые реплики – к случаю. А он шёл гордый собой, счастливый: впервые в жизни его поздравляли не за стихи, написанные «к дате» или без оной, не за удачное выступление на школьном вечере отдыха, даже не за победу на районной олимпиаде по литературе. Нет – за спортивный успех, а он в юности ценится поболее успехов, так сказать, гуманитарных.

Сила есть, ума не надо – гласит поговорка. А тут и сила есть, и умом бог не обидел, не так

ли? Алик твёрдо считал, что именно так оно и есть. Теперь – так.

Одно мешало триумфу: воспоминание о снах. Ведь были же сны – чересчур реальные, чересчур правдивые. Всё сбылось, что обещано. Только, помнится, условие поставлено...

7

После уроков подошла Дарья свет Андреевна.

– Ты домой?

Ах, мирская слава, gloria мунди, сколь легки твои сладкие победы!..

– Домой. А что?

– Нам по пути.

Странный человек Дашка... Будто Алик не знает, что им по пути, так как живут они в одном подъезде: он – на шестом этаже, она – на четвёртом. Но самая наивысшая фраза в устах женщины звучит откровением. Кто сказал? Извольте: Александр Радуга сказал. Вынес из личного опыта.

– Пошли, если тебе так хочется.

Даша посмотрела на него с укоризной, похлопала крыльями-ресницами: груб, груб, неделикатен. Промолчала.

– Что ты будешь делать вечером?

Хотел было заявить: мол, намечается дружеская встреча в одном милом доме. Но вспомнил о «пограничных условиях» из сна, и что-то удержало, словно выключатель какой-то сработал: чирк и – рот на замке.

Сказал честно:

– Не знаю, Даш. Скорей всего, дома останусь.

– Дела?

– Сегодня отец из командировки прилетает.

– Ну и что?

Вот непонятливая! Человек отца две недели не видел, а она: ну и что?

– Ну и ничего.

– Алик, а почему ты мне всё время грубишь?

– С чего ты взяла?

– Слышу. Ты меня стесняешься?

– С чего ты взяла?

– Ну, заладил... Надо чувствовать себя легко, раскрепощенно и, главное, уважать женщину.

Алик и сам не понимал, почему с Дашкой он не чувствует себя «легко, раскрепощенно». Он – говорун и остроумец, не теряющийся даже в сугубо «взрослой» компании, оставаясь один на один со Строгановой, начинает нести какую-то односложную чушь, бычится или молчит. Ведёт себя как надувшийся индюк. Может, не «уважает женщину»? Нет, уважает, хотя «женщина» по всем данным – вздорна, любит дешёвое поклонение, плюс ко всему ничего не понимает в поэзии. Однажды пробовал он ей читать Блока. Она послушала про то, как «над бездонным провалом в вечность, задыхаясь, летит рысак», спросила: «А как это – провал в вечность? Пропать?» И Алик, вместо того чтобы немедленно уйти и никогда не возвращаться, терпеливо объяснял ей про образный строй, метафоричность, поэтическое видение мира. Она вежливенько слушала, явно скучала, а потом пришёл дылда Гулевых и увёл её на хоккей: они, оказывается, ещё накануне договорились, и Даша не могла подвести товарища. Товарищ! Гулевых, который в сочинении делает сто ошибок, но его правой ногой нет равных на территории от гостиницы «Украина» до панорамы «Бородинская битва»...

Видимо, Гулевых приелся. Нужна иная нога. Вот она: левая толчковая Алика Радуги. А то, что, кроме ноги, есть у него и голова с кое-каким содержанием, – это дело десятое. Не в голове счастье. Выходит, так?

– Я, Даш, уважаю прежде всего человека в человеке, а не мужчину или женщину. При чём здесь пол?

– При том. В женщине надо уважать красоту, женственность, грацию, умение

восхищаться мужчиной.

С последним, надо признать, трудно не согласиться...

– А в мужчине?

– А в мужчине – силу, мужественность, строгий и логический ум...

Хорошо, хоть ум не забыла...

– Даш, а ты меня уважаешь? – спросил и сам застыдил: вопрос из серии «алкогольных».

Но сказанного не воротишь.

– Уважаю, – она не обратила внимания на формулировку.

– А за что?

– Ну-у... За то, что ты человек с собственным мнением, за то, что следишь за своей внешностью. За сегодняшнее тебя тоже нельзя не уважать...

– Прыгнул высоко?

– Не так примитивно, пожалуйста... Нет, за то, конечно, что не смирился с поражением, потренировался – мне мама рассказывала, как ты в саду прыгал, – и доказал всем, что можешь.

Хорошая, между прочим, версия. Благодаря ей Алик будет выглядеть таким волевым суперменом, который, стиснув зубы, преодолевает любые препятствия, твёрдо идёт к намеченной цели. И ничто его не остановит: ни страх, ни слабость, ни равнодушие. Только она, эта версия, – чистая липа. Иными словами – враньё. А врать не велено. Баба-яга не велела. И джинн Ибрагим, ныне артист иллюзионного жанра. Как быть, граждане?

Один выход: говорить правду.

– Я не тренировался, Даш. Просто я вчера проснулся, уже умея прыгать в высоту.

– Скромность украшает мужчину.

Фу-ты, ну-ты, опять банальное откровение. Или откровенная банальность.

– Скромность тут ни при чём. Я во сне видел некоего джинна, бабу-ягу и профессора Брыкина. – Алик усмехнулся про себя: звучит всё полнейшей бредятиной. А ведь чистая правда... – И за мелкие услуги они наградили меня этим спортивным даром. Поняла?

Даша сморщила носик, губы – розочкой, глаза сощурила.

– Неостроумно, Алик.

– Да не шучу я, Даш, честное слово!

– Я с тобой серьёзно, а ты...

Быстро пошла вперёд, помахивая портфелем, и, казалось, даже спина её выражала возмущение легкомысленным поведением Алика.

– Даш, да погоди ты...

Никакой реакции: идёт, не оборачивается. Ну и не надо. Дружи с Гулевых: он свой футбольный дар всерьёз зарабатывал, без мистики. Сто потов спустил...

– Даш, а за что ты Гулевых уважаешь? Сила есть – ума не надо? – Эх, ну кто за язык тянул...

Она обернулась, уже стоя на ступеньках подъезда.

– Дурак ты! – вбежала в подъезд, дверь тяжко хлопнула за ней: любит домоуправ тугие пружины.

– А это уже совсем не женственно, – сказал Алик в пространство и подумал с горечью: и вправду дурак.

Сел на лавочку, поставил рядом портфель, вытянул ноги. Ноги как ноги, ничего не изменилось, никакой дополнительной силы в них Алик не чувствовал. Тощие, голенастые, длинные. Школьные брюки явно коротковаты, надо попросить маму, чтобы отпустила. Дашка сказала: «Следишь за своей внешностью». А брюки носков не прикрывают, позорище какое...

Итак, не в ногах дело. Как, впрочем, не в руках, не в бицепсах-трицепсах. Дело в бабе-яге. А что? Вещи сны наукой не доказаны, но и не отвергнуты. Помнится, сидел в гостях у родителей какой-то физик, заговорили о телепатии, так физик и скажи: «Я поверю в физический эффект лишь тогда, когда сумею его измерить». – «Чем?» – спросил Алик. – «Неважно чем. Линейкой, термометром, амперметром – любым прибором». – «Но ведь телепатия существует?» – настаивал Алик с молчаливой поддержки отца. – «Пока не измерена – не существует». – «А может существовать?» Тут физик пошёл на уступку: «Существовать может всё». – «На уровне гипотезы?» – «На уровне предположения».

И то хлеб. Предположим, что телепатия существует – когда-нибудь её «измерят». Предположим, что вещие сны тоже существуют. Теперь доведём предположение до уровня гипотезы. Вещий сон есть не что иное, как форма деятельности головного мозга, при коей в работу включаются те клетки, которые до сих пор задействованы не были. Этот процесс приводит к перестройке всего организма по определённой схеме. Вчера ходил – сегодня прыгаешь.

Красиво? Красиво. Вполне в стиле Никодима Брыкина из последнего сна. Много слов, много тумана, ясности – никакой. А как, дорогой товарищ Радуга, вы объясните указание не лгать «ни намеренно, ни нечаянно, ни по злобе, ни по глупости»? Проще простого: пограничные условия, Брыкин точно сформулировал. Когда врёшь, включается ещё одна группа клеток мозга, которые начисто парализуют работу той, новой группы – ведающей спортивными достижениями.

Во бред! Но и вправду красиво...

Можно, конечно, спросить у мамы, да только реакция на рассказ о снах будет примерно той же, что и у Дашки, не облечённой дипломом кандидата наук. Не в дипломе дело. В умении верить в Необычное, в Незнаемое, в Нетипичное. Давит, ох как давит нашего брата стереотип мышления. Любимая фраза: этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. Всё, видите ли, измерить надо! Пощупать и понюхать. Пожевать и выплюнуть: не годится, не стоит внимания. А что стоит? Всё, что внесено в квадратики определённой системы, вполне обеспечивающей душевное равновесие. Отец – уж на что передовой человек, а и то не поверит. Порадуется: мол, я говорил, есть в тебе огромные потенциальные возможности, да ленив ты, нелюбопытен... А в бабу-ягу не поверит. И в Ибрагима тоже. А мама приведёт в дом настоящего Брыкина, и тот вместе с родителями посмеётся над фантазиями Алика.

Но любая более или менее приемлемая версия будет лживой. Как тогда жить прикажете? Всё-таки говорить правду. С милой улыбкой. Ах, Алик, он такой шутник, спасу нет, вечно разыгрывает, вечно балагурит... Как прыгать научился? Да, знаете ли, нырял в реку, нашёл кувшин с джинном, а тот – в благодарность за освобождение – наградил талантишком... А если серьёзно? А серьёзно, знаете ли, такие вопросы не задают... И отойдёт вопрошающий, смущённый справедливым упрёком.

Но дар даром, а тренироваться не мешает. И ещё: волей-неволей придётся идти на мелкую ложь, но, помня о «пограничных условиях», стараться, чтобы она для тебя была правдой. Иначе всемогущее «так не бывает» вызовет кучу подозрений. Алик вспомнил насторожённое молчание класса, когда он наперегонки с Фокиным брал высоту за высотой. «Так не бывает!» Вовремя остановился, не стал прыгать дальше. Соврал, что не сможет взять метр восемьдесят? Отчасти соврал. Но и правду сказал: не сможет, потому что это вызвало бы антагонизм одноклассников, обиду лучшего друга, подозрения Бима. По моральным причинам не сможет, а не по физическим.

Так держать, Алик!..

Вечером, когда отец, уже отмытый от командировочной пыли, сытый и добродушный, уселся в кресло и задал традиционный вопрос: что происходило в его отсутствие? – Алик не удержался, похвастался:

– Сегодня Бима наповал сразил.

– Каким это образом? – спросил отец, не выясняя, впрочем, кто такой Бим. Несложная аббревиатура в доме была известна.

– Прыгнул в высоту на метр семьдесят пять, – сказал небрежно, между прочим, не отрываясь от книги.

Отец даже рассмеялся.

– Красиво сочиняешь.

– Кто сочиняет? – возмутился Алик. – Позвони Фокину, если не веришь.

– Алик, чудес не бывает. До моего отъезда ты не знал, с какой стороны к планке подходить.

– А теперь знаю.

– Ты потрясаешь основы моего мироощущения. – Отец любил высказываться красиво.

– Придётся тебе их пересмотреть. Факты – упрямая вещь.

– Так-таки взял?

– Так-таки взял.

– С третьей попытки? – отец ещё на что-то надеялся.

– С первой. – Алик безжалостно разрушал его надежды.

– Чудеса в решете! Слушай, а может, ты с Фокиным стоворился? – отец искал лазейку, чрезвычайно беспокоясь за своё мироощущение. Ему не хотелось пересматривать основы: лень и трудно.

Алик обиделся. Одно дело – не верить в бабу-ягу, другое – в реальное, хотя и удивительное явление. Тем более, свидетелей – навалом. И если Фокин не внушает доверия...

– Можешь позвонить Биму, Строгановым, отцу Гулевых – ты же с ним в шахматы играешь.

– Подтвердят?

– Трудно опровергнуть очевидное.

– Ну, ты дал, ну, молодец! – Тут отец повёл себя совсем как Фокин в спортзале. Даже встать не поленился, ухватил Алика обеими руками за голову, потряс от избытка чувств. – Как это ты ухитрился?

Предвкушая развлечение, Алик заявил:

– Понимаешь, сон вчера видел. Вещий. Будто выпустил джинна из бутылки, то есть из кувшина. А он мне, на радостях, говорит: будешь прыгать в высоту «по мастерам».

– Кто говорит? Кувшин?

– Да нет, джинн.

– Так-так. А как его звали? Омар Юсуф ибн Хоттаб?

– Можешь себе представить – Ибрагим.

– Редкое имя для джиннов... А что-нибудь пооригинальнее ты не придумал?

– Можно и пооригинальнее. Во втором сне я в турбинском лесу на бабу-ягу напоролся. Отгадал три её загадки – между прочим, плёвые, – она мне и говорит...

– «Будешь прыгать в высоту „по мастерам“... Понял». Третьего сна не было?

– Был, – сказал Алик, наслаждаясь диалогом. – Будто я в воскресенье попал в мамин институт. А там Брыкин меня отловил, усадил в какое-то кресло, подвёл датчики и перестроил мне это... как его... модуляционное биопсиполе в коммутационной фазе «Омега».

– И ты стал прыгать в высоту «по мастерам»?

– Ну, это уж – факт.

Отец упал в кресло и захохотал. Он всегда долго хохотал, если его что-то сильно сместило, всхлипывал, повизгивал, хлопал в ладоши, вытирал слёзы. Мама сердито говорила, что смеётся он крайне неинтеллигентно, но сама не выдерживала, начинала улыбаться: уж больно заразителен был «неинтеллигентный» смех отца.

Алик ждал, пока он отсмеется, сам похмыкивал. Наконец отец утомился, вытер слёзы, спросил:

– А если серьёзно? Тренировался?

Что ж, вчерашние прыжки в саду можно назвать тренировкой. Пойдём навстречу родителю-реалисту.

– Было дело.

– И прыгнул?

– И прыгнул.

– Я же говорил, что есть в тебе огромные потенциальные возможности, да только ленив ты до ужаса, ленив и нелюбопытен.

Алик отметил, что отец дословно повторил предполагаемую фразу. Отметил и похвалил себя за сообразительность и умение точно прогнозировать реакцию родителей. Это умение здорово помогает в жизни. Кто им не обладает, тот страдалец и мученик.

– Как видишь, я не только могу стихи писать...

Подставился по глупости, и отец тут же отреагировал:

– Стихи, положим, ты не можешь писать, а только пробуешь. А вот прыгать... Скажи, метр семьдесят пять – это очень много?

Вот тебе раз! Восхищался, восхищался, а чем – не понял.

– Достаточно много для первого раза.
– Будет второй?
– И второй, и десятый, и сотый. Я всерьёз решил заняться лёгкой атлетикой. Завтра в пять – тренировка. Бим ждёт.
Отец снова вскочил и запечатлел на лбу сына поцелуй – видимо, благословил на подвиги.
– Если не отступишь, буду тобой гордиться, – торжественно объявил он.
– Не отступлю, – пообещал Алик.
Да и куда отступать? Сказал «а» – перебирай весь алфавит. Кроме того, глупо обладать талантом – пусть с неба свалившимся – и не пользоваться им. Как там говорится: не зарывай талант в землю.

8

Когда Алик подошёл к школе, электрические часы на её фронто́не показывали шестнадцать пятьдесят. До начала тренировки оставалось десять минут. Чуток подумал: прийти раньше – посчитают, что рвался на тренировку, как восторженный пацанёнок; опоздать минуты на две, на три – рано записывать себя в мэтры. Пока размышлял, большая стрелка прыгнула на цифру одиннадцать.

Пробежал по холлу, где висели коллективные фотографии выпускников всех лет, красовалась мраморная доска с именами отличников, спустился по лестнице в подвал и... оказалось, что Бим уже выстроил в зале спортсменов. Наскоро переоделся, встал в дверях.

– Извините за опоздание, Борис Иванович.

Ребята бегали по залу, всё время меняя ритм. Бим посмотрел на часы, крикнул:

– Резвее, резвее... – подошёл к Алику. – Почему опоздал?

– Не понял: только прийти в пять или это – уже начало тренировки.

– Запомни на будущее: если я говорю – в пять, в три, в семь, значит, в это время – минута в минуту – ты должен стоять в строю. Идею уяснил?

– Уяснил.

– Всё. Марш в строй!

Пробегавший мимо Фокин махнул рукой. Алик рванулся за ним, пристроился сзади. Думал: зачем ненужная и выматывающая беготня, если он пришёл сюда прыгать в высоту? А Бим, словно нарочно, покрикивает:

– Темп, темп... Радуга, нажми, еле ноги переставляешь.

Ясное дело: еле переставляет. Хорошо, что двигаться способен, впору – язык на плечо, брякнуться на маты где-нибудь в тёмном уголке и подышать вволю.

Фокин обернулся:

– Крепись, старикашка. Ничто не вечно под луной...

Каков орелик! Побегаеть так – поверишь, что и ты не вечен, несмотря на твои щенячьи пятнадцать лет.

А Бим знай шумит:

– А ну, ещё кружочек... В максимальном темпе... Наддали, наддали... Радуга, не упади...

Смеются... Откуда у них силы смеяться? У Алика не было сил даже обидеться, своё уязвлённое самолюбие потешить. Но именно оно не позволяло ему выйти из строя, плюнуть на всё и умотать домой. Бежал, как и все. Помирал на ходу, но бежал. Сила воли плюс характер... Берите пример с Александра Радуги, не ошибётесь...

– А-атставить бег! – зычно командует Бим.

Наконец-то... Алик обессиленно плюхнулся на лавку: передохнуть бы. Как же, ждите!

– Радуга, почему расселся? Быстро в строй!

Вскочил как ужаленный, зашагал вместе со всеми. Подлый Фокин смеётся, подмигивает. Подножку Фокину... Так тебе и надо, не будешь злорадничать.

– Радуга, прекратить хулиганство. На подножки силы есть, а на тренировку – извини-подвинься?

– Я нечаянно, Борис Иванович. С непривычки ноги заплетаются.

– А ты расплети, расплети. А я помогу.

Интересно – как поможет?

– Всем на корточки! Па-апрыгали!..

Ох, мука... А Бим-то, оказывается, садист, компрачикос, враг подрастающего поколения, достойной смены отцов. На что сгодится поколение, которое ещё в отрочестве отдало все силы, прыгая на корточках? Чёрт, икры будто и не свои... А негодяй Фокин коленкой норовит в зад пихнуть.

– Борис Иванович, Фокин ведёт себя неспортивно.

– Фокин, веди себя спортивно.

– Борис Иванович, я Радуге помогаю, подталкиваю, а он – неблагодарный...

– Радуга, разрешаю один раз тоже повести себя неспортивно.

Благородно со стороны Бима. Не будем торопиться, подловим моментик, отметим неразумным хозарам. То бишь Фокину.

– Закончили прыжки. Сгруппировались у дверей... По трое, через зал – прыжками... Па-аши!.. Левая нога, правая нога, левая нога, правая... Радуга, шире мах!..

Раз, два, левой, канареюшка жалобно поёт...

– Следите за Радугой... Радуга, а ну-ка, сам, в одиночестве... Левая нога, правая нога, левая нога... правая... Вот такой шаг должен быть, а вы всё ляжки бережёте, натрудить боитесь. Начали снова... Левая нога, правая нога...

Алик прыгал и чувствовал нечто вроде гордости. Впервые в жизни его поставили в пример, и не где-нибудь – в физике там или в литературе – в спо-о-орте! Не фунт изюму, как утверждает отец. В своё время фраза показалась элегантно-загадочной, начал вовсю щеголять, потом как-то наткнулся в словаре Даля: фунт – четыреста граммов; всё сразу стало будничным и скучным.

– Радуга, о чём думаешь?

– О разном, Борис Иванович.

– То-то и плохо, что о разном. Думать надо о том, что делаешь. В данном случае – об упражнении. Отвлёкся – уменьшил шаг.

Вот тебе и раз! Алик до сих пор считал, что бег, прыжки или там плавание не требуют сосредоточенности. Оказывается, требуют, иначе ухудшаются результаты. Но зачем об этом знать ему, если он прыгает, так сказать, по доверенности: он – исполнитель, сколько надо, столько и преодолел, и думать-то не о чём. Выходит, есть о чём, если Бим говорит: уменьшил шаг. Может, сие самих прыжков в высоту не касается? Проверим впоследствии...

– Стоп! Кончили упражнение. Три минуты – перерыв. Расслабились, походили... Не останавливаться, Радуга...

Никто и не останавливался. Алик ходил вдоль стены, чувствуя смертельную усталость. Почему-то саднило горло: глотаешь – как по наждачной бумаге идёт. Ноги гудели, и покалывало в боку. Стоит ли ломаться ради полной показухи? – думал Алик. Ведь он и так прыгнет выше всех, кто пришёл на тренировку, и выше Фокина распрекрасного. Ишь – вышагивает, дыхание восстанавливает... Алик попробовал походить, как Фокин, – вроде в горле помягче стало. И всё-таки: зачем ему эта выматывающая тренировка? Плюнуть на всё и – прыгать, как получается. А получиться должно, Алик свято уверовал в силу джинна, бабы-яги и брыкинского инверсора-конвергатора.

– Борис Иванович, частный вопрос можно?

– Валяй спрашивай.

– Может, я без тренировок прыгать буду?

– Без тренировок, парень, ещё никто классным спортсменом не стал.

– А если я самородок?

– Любой самородок требует ювелирной обработки, слышал небось?

– А в Алмазном фонде лежат золотые самородки, и никакой ювелир им не требуется.

– Потому и лежат, Радуга. Камень и камень, только золотой. Как говорится, велика Федора... А вот коснётся его рука мастера, сделает вещь, заиграет она, заискрится, станет людям радость дарить. Это и есть искусство, Радуга. Так и в спорте, хотя аналогия, мягко говоря, натянутая... Идею уяснил?

– Уяснил.

А у Бима-то, оказывается, голова варит. Ишь какую теорию развернул. Демагогия, конечно, но не без элегантности. Пожалуй, Алик к нему был несправедлив, когда считал его «человеком мышцы вместо мысли». И мышцы налицо, и мысли наблюдаются. Что-то дальше будет?

А дальше придётся ходить на тренировки. Бим – человек принципиальный, ему «лежачие самородки» не нужны. Выгонит из зала за милую душу, и останется Алик при своих волшебных способностях на бобах. Можно, конечно, явиться в Лужники, разыскать тренера сборной, упросить его, чтобы посмотрел Алика. Не исключено – оценит, возьмёт в команду. Только опять-таки тренироваться заставит. Талант – талантом, а труд – трудом. Не поверит же он в версию «бабы-яги»?

Ладно, придётся стиснуть зубы и потерпеть – до той поры, пока признают. Станет знаменитым – начнёт тренироваться «по индивидуальному плану». И пусть тогда попробуют вмешаться в этот «план», пусть сунутся...

– Закончили перерыв. Подготовить сектор для прыжков. – Бим засёк время и ждал, пока выташат маты, поставят стойки. – Быстрее надо работать, копаетесь, как жуки... Вот что, ребяточки, в воскресенье – районные соревнования по лёгкой атлетике. Сейчас попрыгаем, посмотрим, кто из вас будет защищать честь школы. Контрольный норматив – метр шестьдесят. Идею уяснили?

Попрыгать – это дело душевное, можно и себя показать и к другим присмотреться. Прыгнул – передохнул, посидел...

А у Бима – иное мнение.

– Для разминочки установим высоту метр сорок и – пошли цепочкой через неё. Темп, темп, ребяточки...

Опять – двадцать пять! Бегом – к планке, перелететь через неё (высота – детская!), прокатиться по матам, бегом обратно, снова – к планке, снова – взлёт, падение (больно падать: маты – не вата...), снова бегом...

– Резвее, резвее, Радуга, ты же – самородок, не отставай, в породе затеряешься...

Запомнил Бим, змей горыныч, не простил вопроса. Всё-таки не любит он Алика, старается уколоть. Ничего, Алик ему покажет, что такое «модуляционное биопсиполе в четвёртом измерении», дайте только срок, будет вам и белка, будет и свисток.

– Стоп! Закончили... Подготовиться к прыжкам.

А как готовиться? Как Фокин: приседая, с вытянутыми руками. Сил нет. Лучше посидеть, расслабиться... Ох, до чего же приятно...

Бим пошёл к планке, проверил рейкой высоту.

– Итак, метр шестьдесят. Начали!

Кто прыгнет? Фокин. Соловьёв из девятого «б». Двое парней – тоже из девятого. Алик был не знаком с ними, видел на переменках, но даже не здоровался. Двое – из седьмого, «олимпийские надежды».

Высоту все взяли с первой попытки, семиклашки тоже. Поставили метр шестьдесят пять. Все взяли, семиклашки завалились. Один, что подлиннее, со второй попытки перемахнул. Другой не сумел. Пошёл на третью попытку – опять сбил планку.

– Отдохни, Верхов, – сказал ему Бим.

Фамилия – Верхов, а верхов взять не может. Сменить ему за это фамилию на Низов.

Метр семьдесят. Фокин – с первой попытки. Радуга, Соловьёв – тоже. Двое девятиклассников прыгали трижды, один – взял, другой – отпал. Семиклашка тоже сдался. Гроссмейстерская высота!

Метр семьдесят пять. Фокин – вторая попытка. Соловьёв – третья. Радуга – из тактических соображений – вторая. Безымянный девятиклассник – побоку.

– Прекратим на этом, – сказал Бим.

– Борис Иваныч, давайте ещё... – взмолился Фокин.

– Успеешь, Фокин, напрыгаться. Объявляю результаты. От нашей школы в команду прыгунов включаю Радугу, Соловьёва и Фокина. Думаю, что на соревнованиях наши шансы будут неплохими. Метр восемьдесят – метр восемьдесят пять: надо рассчитывать на такую высоту, Фокин и Соловьёв вполне её могут осилить. Ну, а тебе, Радуга, задача: для первого раза

попасть в командный зачёт.

«Невысоко ж ты меня ценишь», – подумал Алик и спросил не без ехидства:

– А если я в личном выиграю, что тогда?

– Честь тебе и слава.

– Думаете, не сумею?

– Не думаю, Радуга. Всё от тебя зависит. Пока нет у тебя соревновательного опыта – ну, да это дело наживное. Не гони картину, Радуга, твои рекорды – впереди.

Спасибо, утешил. Алик и без него знал всё о своих рекордах. Можно, конечно, выждать, не рыпаться сразу, уступить первенство на этих соревнованиях кому-нибудь – тому же Фокину, лучшему другу. Но снисходительная фраза Бима подстегнула Алика. Сам бы он сказал так: появилась хорошая спортивная злость. Какая она ни хорошая, а злость компромиссов не признаёт. Нет соревновательного опыта? Он и не нужен. Будут вам рекорды, Борис Иванович Мухин, будут значительно раньше, чем вы ждёте, если ждёте их вообще от нескладного и нахального (по вашему мнению) парня, которого вы вчера ещё и за человека-то не держали.

Шли с Фокиным домой, купили мороженое за семь копеек в картонном стаканчике – фруктовое, лучшее в мире. Фокин сказал невнятно, не выпуская изо рта деревянной лопатки-ложки:

– Ты на Бима не обижайся.

Получилось: кы на кина не окикася. Алику не впервой, понял.

– За что? – он сыграл недоумение, хотя прекрасно знал, что имел в виду Сашка Фокин.

Фокин доскреб палочкой остатки розовой жижицы, проглотил, причмокнул, с сожалением выбросил стаканчик в урну.

– Ну, Бим сказал: командный зачёт. Это он в порядке воспитания, ты ж понимаешь.

Алик пожал плечами, помолчал малость, но не стерпел всё-таки:

– А воспитывать меня поздновато. Да ещё таким макарком. Человек, брат Фокин, любит, чтобы его хвалили. У него от этого появляется стимул ещё лучше работать, учиться или там прыгать-бегать.

– Не у всякого появляется. Кое-кто нос задерёт.

– Но не я, брат Фокин, не я, не так ли?

– Чёрт тебя разберёт, Алька, – в сердцах сказал Фокин. – Мы с тобой два года дружим, как ты в нашу школу поступил. И до сих пор я тебя до конца не раскусил.

Алику польстила откровенность друга. Выходило, что он, Алик Радуга, личность загадочная, неясная, местами демоническая. Но для приличия решил отменить сомнения.

– Не такой уж я сложный. Парень как парень. И оттого, что прыгаю чуть лучше других, нос задирать не буду. Не в том счастье, Сашка... Вот ты спортом всерьёз занимаешься. А зачем?

– Как зачем? – не понял Фокин.

– Очень просто. Хочешь стать чемпионом? В тренеры готовишься? В институт физкультуры двинешь?

– Ты же знаешь, что нет.

– Верно, ты на физтех пойдёшь, у тебя физика – наиглавнейшая наука. Тогда зачем ты нервы в спортзале тратишь?

Фокин усмехнулся. Сейчас он чувствовал себя намного мудрее друга, который – хоть и считает себя гигантом мысли – вопросы задаёт наивные и нелепые.

– Если бы я нервы тратил, бросил бы спорт. Я, Алька, ради удовольствия над планкой сигаю, о чемпионстве не думаю. Да и возможности свои знаю: не чемпионские они.

– С чего ты так решил?

– Посуди сам. Знаменитый Джон Томас в шестнадцать лет прыгал на два метра и два сантиметра. Какую высоту он брал в пятнадцать – не знаю, не нашёл данных, но, думаю, не меньше ста девяноста пяти. Мне пятнадцать. Мой потолок сегодня – сто восемьдесят. Ну, одолею я через пару лет двухметровый рубеж – что с того? А ведь Томас давно прыгал, сейчас планка заметно поднялась...

Алику захотелось утешить друга.

– Неужели среди чемпионов не было таких, которые «распрыгались» не сразу, не с

пелёнок?

– Были. Брумель, например. В наши пятнадцать он брал только сто семьдесят пять, и всерьёз в него мало кто верил.

– Вот видишь. А ты, дурочка, боялась.

– Так то Брумель, Алька...

– А чем хуже Фокин?

Он только рассмеялся, но без обиды – весело, легко, спросил неожиданно:

– В кино смотаемся? В «Повторном» «Трёх мушкетёров» крутят.

– Идёт, – сказал Алик.

И они пошли на «Трёх мушкетёров», где обаятельный д'Артаньян показывал чудеса современного пятиборья: фехтовал, стрелял, скакал на лихом коне, бегал кроссовые маршруты. Только не плавал. И чемпионские лавры его тоже не прельщали, он искал первенства на дворцовом паркете и мостовых Парижа.

Алик смотрел фильм в третий раз (если не в пятый), но мысли его были далеко от блистательных походов бравого шевалье. Алик считал, прикидывал, сравнивал.

Джон Томас – сто девяносто пять. Вероятно, нынешние чемпионы в свои пятнадцать лет прыгали метра на два – не меньше. Что ж, чтобы не шокировать почтеннейшую публику, установим себе временный предел: два метра пять сантиметров. С таким показателем ни один тренер мимо не пройдёт. Другой вопрос: сумеет ли Алик преодолеть двухметровую высоту? Он надеялся, что сумеет, верил в надёжность вещих снов. Пока они его не подводили. Да и он не подвёл своих «дароносцев»: никого не обманул «ни намеренно, ни нечаянно, ни по злобе, ни по глупости». И условие это сейчас казалось Радуге нехитрым и лёгким: зря он его опасался.

9

До стадиона Алик добрался на троллейбусе, закинул за плечи отцовскую «командировочную» сумку, поспешил к воротам, над которыми был вывешен красный полотняный транспарант: «Привет участникам школьной олимпиады!»

«Стало быть, я – олимпиец, – весело подумал Алик. – Это вдохновляет. Вперёд и выше».

Взволнованный Бим пасса у входа в раздевалку под трибунами, мерил шагами бетонный створ ворот, поглядывал на часы.

– Явился, – сказал он, увидев Алика.

– Не буду отрицать очевидное, – подтвердил Алик, спустил на землю сумку.

Бим тяжело вздохнул, посмотрел на Алика, как на безнадежно больного: диагноз непреложен, спасения нет.

– Язва ты, Радуга. Жить тебе будет трудно... – Счёл на этом воспитательный процесс законченным, спросил деловито: – Ты в шиповках когда-нибудь прыгал?

– Борис Иваныч, я не знаю, с чем это едят.

– Плохо. – Бим задумался. – Ладно, прыгай в обычных тапочках. Результат будет похуже, да только неизвестно: сумеешь ли ты с первого раза шиповки обуздать? Не стоит и рисковать...

– А что, в шиповках выше прыгается? – заинтересовался Алик.

– Повыше. Ничего, потом освоишь спортивную обувь. Иди переодевайся и – на парад.

Форма школы: белые майки, синие трусы с белыми лампасами. Алик вообще-то предпочитал красный цвет: с детства за «Спартак» болел. Но ничего не поделаешь: Бим в своё время стрелял по «бегущему кабану» за команду «Динамо», отсюда – пристрастие к бело-синему...

Прошли неровным строем вдоль полупустых трибун, где пёстрыми островками группировались болельщики – папы, мамы, бабушки, школьные приятели и скромные «дамы сердца», приглашённые разделить триумф или позор начинающих рыцарей «королевы спорта». Родители Алика тоже рвались на стадион, но сын был твёрд. «Через мой труп», – сказал он. «Почему ты не хочешь, чтобы мы насладились грядущей победой? – спросил отец. – Боишься, что мы ослепнем в лучах твоей славы?» – «А вдруг поражение? – подыграл ему Алик. – Я не хочу стать причиной ваших инфарктов».

Короче, не пустил родителей «поболеть».

– И правильно сделал, – поддержал его Фокин. – Я своим тоже воли не даю. Начнутся ахи, охи – спасу нет...

Постояли перед центральной трибуной, выслушали речь какого-то толстячка в белой кепке, который говорил о «сильных духом и телом» и о том, что на «спортивную смену смотрит весь район». Под невидимыми взглядами «всего района» было зябко. Набежали мелкие облака, скрыли солнце. Время от времени оно выглядывало, посматривало на затянувшуюся церемонию. Наконец избранные отличник и отличница подняли на шесте флаг соревнований, и он забился на ветру, захолопал.

- Трудно прыгать будет, – сказал Фокин.
- Почему? – не понял Алик.
- Ветер.
- Слабый до умеренного?
- Порывистый до сильного.
- Одолеем, – не усомнился Алик.
- Твоими бы устами... – протянул осторожный Фокин.

Он надел тренировочные брюки и куртку, медленно-медленно побежал по зелёной травке футбольного поля вдоль края. Алик тоже «утеплился» – слышал, что нельзя выстуживать мышцы. С трудом преодолевая чёткое желание посидеть где-нибудь в «теплышке», последовал за Фокиным: если уж держать марку, так до конца. Посмеивался: Бим сейчас зрит эту картину и радуется – был у него лодырь Радуга, стал Радуга-труженик, отрада сердцу тренера.

Впрочем, долго «отрадой» побыть не удалось. Фокин досеменил до сектора для прыжков, притормозил у длинного ряда алюминиевых раскладных стульев, именуемых в просторечии «дачной мебелью».

- Садись, Радуга.
- А разминка? – спросил удивлённый Алик.
- Береги силы.
- Ну уж дудки, – возмутился Алик. Как так: он с Фокина берёт положительный пример, тянется за лидером, а лидер – в кусты?

Отошёл Алик в сторонку, начал приседать. Потом к наклонам перешёл. Видит: кое-кто из прыгунов тоже разминается. Кое-кто, как Фокин, силы бережёт. Нет в товарищах согласия. Поодаль за алюминиевым столом судейская коллегия расположилась. Две женщины и Бим. Ещё два парня, по виду – десятиклассники, у стоек колдуют, начальную высоту устанавливают. Положили планку, на картонном табло цифры умостили: один метр шестьдесят сантиметров. Сакраментальная высота!..

На старте бега судья из пистолета выстрелил – понеслись шестеро, отмахали сто метров. Предварительные забеги. В секторе для метания ядра о землю бухают.

- Начали и мы, – сказал Бим.

На груди у Алика пришит номер – седьмой. У Фокина – шестой. У Соловьёва, соответственно, – пятый. Всего участников – Алик посчитал – двадцать три.

Фокин и Соловьёв – в шиповках, Алик – в полужедах. Посмотрел по сторонам: ага, не один он такой сиротка, есть и ещё «полужедники». Все они, ясное дело, считаются резервом главных сил – набраны для полного комплекта. «А вот мы покажем им полный комплект», – злорадно решил Алик, не зная, впрочем, кому это «им» собирается показывать.

Прыгнули. Мама родная, сразу девять человек отсеклось, метр шестьдесят одолеть не смогли. И даже один в шиповках все три попытки смазал, наобнимался с планкой. А трое «полужедников», напротив, остались, включая Алика. Алик невольно начал болеть за свой «антишиповочный клан». Кто в нём? Один – рыжий, длинный, рукасто-ногастый, на чём только майка держится. Дал ему Алик – про себя, разумеется, – прозвище «Вешалка». Второй – тоже не лилипут, но поменьше Вешалки, крепыш в красной майке – «Спартаковец».

Десятиклассники повозились у стоек, приладили картонки: метр шестьдесят пять. Ещё трое «сошли с круга». Вешалка и Спартаковец продолжают соревнования, хорошо. Правда, Спартаковец три попытки использовал, чтобы планку укротить.

- Кто такие? – спросил про них Алик у Фокина.
- Первый раз вижу, – презрительно ответил Фокин, опытный волк районных

соревнований, знающий в лицо всех основных конкурентов.

Значит – не конкуренты. Но, тем не менее, прыгают. Вешалка метр семьдесят с первой попытки взял. А Спартаковец не сумел, завалил планку. Будь здоров, Спартаковец, не поминай лихом...

Метр семьдесят пять – уже серьёзный рубеж. Прыгают восемь человек. Бим за столом, вероятно, рад до ужаса: вся его команда уцелела, не споткнулась ни об одну высоту. А кстати: имеет ли Бим право судить соревнования, если в них участвуют его питомцы?

Алик спросил об этом у многоопытного Фокина.

– Не имеет, но пусть тебя это не волнует, – объяснил многоопытный Фокин. – Да здесь все такие: преподаватели физкультуры из разных школ. Кто бег судит, кто метания. А ученики соревнуются.

– Семейственность развели, – проворчал Алик.

– Попадёшь на городские соревнования, такого не увидишь. Там – уровень!

Алик кивнул согласно, будто проблемы попасть на городские соревнования для него не существовало. И вправду не существовало...

Вероятно, там и стадион будет получше, и обстановка поторжественней. И попадут туда только самые сильные, самые талантливые – элита! И среди них – Александр Радуга, надежда отечественного спорта...

Размечтался и – свалил планку. Прав Бим, нельзя отвлекаться от дела. Спокойнее, Алик, сосредоточься... Вон она, милая, застыла в синем небе, чуть-чуть облако дальним концом не прокалывает. Высота!.. Пошёл на неё, толкнулся левой, перенёс послушное тело – сделано!

– Ну, ты меня испугал, старичок, – сказал Фокин.

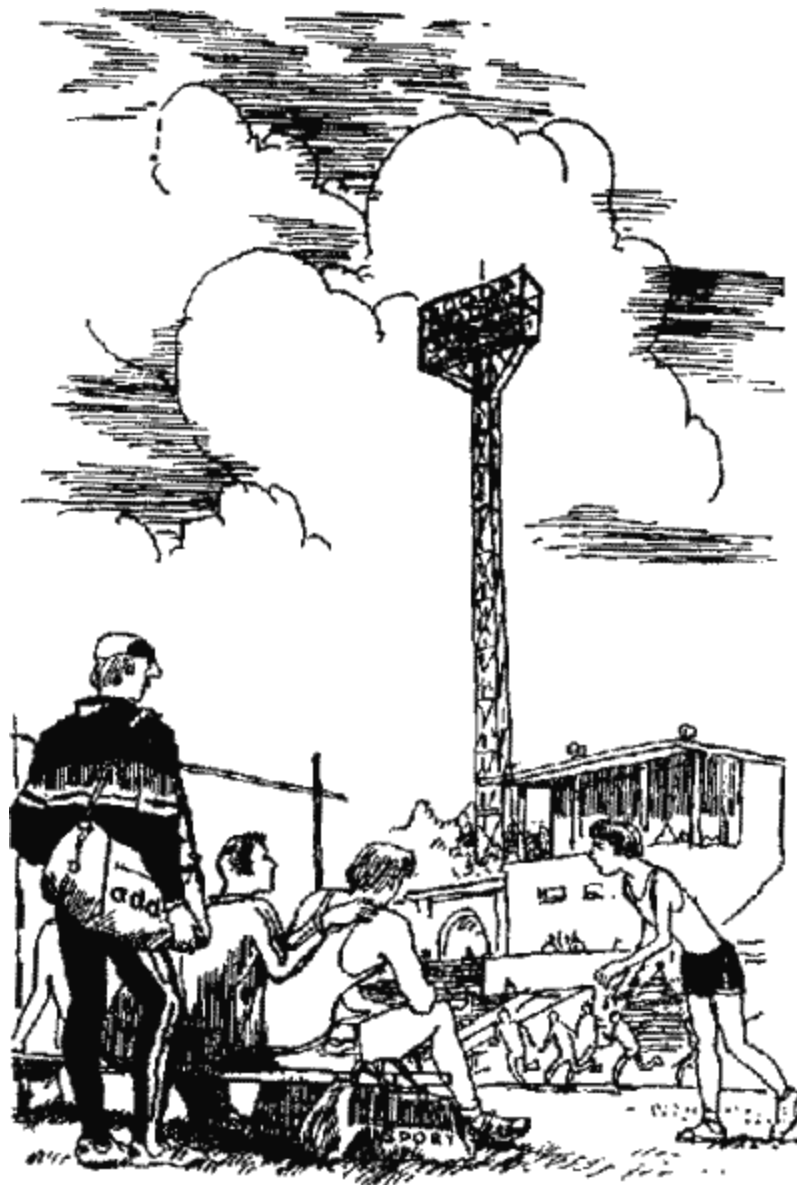
– Бывает.

– Чтоб не было больше.

– Есть, генерал!

Больше не будет. Надо поставить за правило: любую высоту – с первой попытки. Не думать ни о чём постороннем, не отвлекаться. Есть цель – звенящая планка над головой. Есть и другая цель – подальше, побольше... Не будем о ней.

Бим за судейским столом даже не смотрел в сторону своих учеников, что-то чертил на листе бумаги. Характер показывал. Холодность и беспристрастность. Валька Соловьёв развалился на стуле, вытянул ноги, закрыл глаза, руки на груди скрестил, и будто бы ничего его не касается – ни накал борьбы, ни страсти на трибунах. Завидная выдержка. Алик подумал, что такой стиль поведения можно и перенять без стеснения: и сам отдыхаешь, «выключаешься», и на соперников твоё спокойствие влияет не лучшим образом.

Метр восемьдесят. Шестеро в секторе. Соловьёв, Фокин, Радуга. Ещё двое и... Вешалка. Вот вам и резерв главных сил. Молодец, «полукедник»!

Первый – Соловьёв. Пошёл на планку, сначала – шагом, потом всё быстрее, толчок... Лежал, смотрел вверх. Планка, задетая ногой, дрожала на кронштейнах, позванивала – удержится ли? Нет, свалилась – то ли ветерок подул, то ли добил-таки её Соловьёв. Он встал, невозмутимо подошёл к стулу, натянул штаны, куртку, сел, закрыл глаза – ждал второй попытки.

Очередь Фокина. Разбежался... Есть высота? Подлая планка опять дрожит... Устоит? Устояла!

– «Облизал» планочку, – сказал кто-то позади Алика. Он обернулся: Вешалка.

– Что значит «облизал»?

– На одной технике прыгнул. Больше не возьмёт.

– Сначала сам прыгни, потом каркай.

– Я-то прыгну. Сейчас твоя очередь.

Обозлившийся за друга Алик время не тянул, не ломал комедии. Быстренько преодолел высоту, даже, кажется, с запасом. Проходя мимо судейского столика, наклонился к Биму:

– Борис Иванович, кто этот парень? Рыжий, длинный, под пятнадцатым номером...

Бим ответил шёпотом: неудобно судье с участником на посторонние темы разговаривать.

– Пашенко. Сильный спортсмен. Чемпион Краснопресненского района.

– Чего же он в нашем районе делает?

– Переехал с родителями. Теперь у Киевского вокзала живёт.

Алик вернулся на место, сказал Фокину:

– Плохо конкурентов знаешь. Этот рыжий – чемпион.

– Фамилия? – Фокин был лаконичен. Видно, расстроил его последний прыжок.

– Пащенко. Слышал?

– Приходилось. Он же из другого района?

– Переехал.

– Понятно. Ты не отвлекайся и меня не отвлекай, – сел, уставился на сектор. А там как раз Пащенко готовился.

Не хочет Фокин разговаривать – не надо. Обиделся Алик. Как и Валька Соловьёв, натянул тренировочный костюм, уселся, закрыв глаза: чёрт с ним, с Пащенко, пусть прыгает. Однако не утерпел, приоткрыл один глаз – щёлочкой. Вешалка зачистил в своих полукедах-сороходах, каждый шаг – километр, прыгнул – планка не шелохнулась. И верно – ас. Ишь вышагивает, оглобля рыжая...

– А почему он не в шиповках? – забыв об обиде, спросил Алик.

– Значит, так ему удобнее.

«Может, и мне так удобнее? – подумал Алик. – В шиповках я, чего доброго, и прыгать-то разучусь...»

Соловьёв так и не взял метр восемьдесят – ни со второй, ни с третьей попытки. Невозмутимо оделся, сунул туфли в спортивную сумку с белой надписью «Адидас» – чемпион! – ушёл, не попрощавшись.

– Не заладилось у него сегодня, – сказал Фокин, будто извиняясь за невежливость коллеги. – Случается такое, имей в виду.

«Ну уж фигушки, – решил Алик, – если я ещё от нервов зависеть буду, от погоды или от настроения родителей, то к чему вся эта волынка с даром? Прыгать так прыгать, а переживать другим придётся...»

Установили метр восемьдесят пять. В секторе – уже четверо. Фокин побежал – сбил. Бим Алику машет: твоя, мол, очередь.

И тут Алик принял неожиданное – даже для себя – решение. А может, повлияло на него поведение заносчивого Пащенко, проучить чемпиона вздумал.

Встал, крикнул судьям:

– Пропускаю высоту!

И, ликуя, поймал изумлённый взгляд Вешалки.

Бим вылез из-за стола, направился к Алику.

– Подумал, что делаешь? – даже голос от негодования дрожит.

– Подумал, Борис Иванович. – Алик – сама смиренность. – Я и так уже в зачёт попал. Возьму я или нет эту высоту – бабушка надвое сказала. А рыжий пусть поволнуется.

Бим усмехнулся:

– Твоё дело.

– Конечно, моё, Борис Иванович. – Это чтобы последнее слово за ним было, не любил Алик в «промолчавших» оставаться.

Так и есть, верная политика: сбил Вешалка планку. Побежал по футбольному полю – разминается, готовит себя ко второй попытке. А Алик ноги вытянул, руки скрестил, глаза зажмурил. Как раз солнышко выглянуло – тепло, хорошо. Прыгайте, граждане, себе на здоровье, тренерам на радость.

Решил проверить волю: пока все не отпрыгают на этой высоте, глаз не открывать. Мучился, но терпел.

– Опять пропустишь?

Открыл глаза: Вешалка рядом стоит, посмеивается. А в секторе следующую высоту устанавливают: метр девяносто.

– Кто остался?

– Ты да я, да мы с тобой.

– Годится.

– Ну, держись.

– И ты не упади. – Опять последнее слово за Аликом.

Взглянул на Бима. Тот выглядел явно расстроенным, хотя судье и не пристало показывать эмоции. Рано рыдаете, Борис Иваныч, ещё не вечер. Фокин молчит, амуницию свою собирает. Тоже считает, что Радуга подвёл команду. Если бы взял предыдущую высоту – поделил бы первенство с Пащенко. А так – Пащенко на коне, а Радуга, выходит, сбоку бежит, за стремя держится. Да только не знает милый Фокин, лучший друг, что у Алика есть некий волшебный дар, а у Вешалки его и в помине нет.

– Ты на всякий случай имей в виду, что Пащенко – кандидат в юношескую сборную страны, – сказал Фокин, не поднимая головы от сумки, сосредоточенно роясь в ней.

– Ну и что?

– Ну и ничего.

То-то и оно, что ничего. Был Пащенко кандидат, станет Радуга кандидатом. А пугать товарища накануне ответственного прыжка негоже. У товарища тоже нервы есть.

С первой попытки высоту брать или чуток поиграть с Вешалкой? Решил: с первой. Не стоит мучить Бима и Фокина. Разбежался, сильно оттолкнулся и – словно что-то приподняло Алика в воздух, перенесло над планкой: в самом деле волшебная сила! Упал на маты, поглядел вверх: не шелохнётся лёгкая трубка, лежит, как приклеенная.

Аплодисменты на трибунах. Интересно, кому? Вскочил, понёсся, высоко подняв руки, как настоящий чемпион, – видел такое в кинохронике, по телику. А стадион аплодирует, орёт. Фокин сбоку вынырнул – куда обида делась? – обнял, зажал лапищами.

– Сломаешь, медведь... Погоди, ещё рыжий не прыгал.

Рыжий потоптался на старте, пошёл на планку... Нет, звенит она, катится по земле.

– Сломался соперник, – заявил Фокин.

– У него ещё две попытки.

– Поверь моему опыту, вижу.

И Бим улыбается во весь рот, опять забыв о своей должности. Не рано ли?

Нет, не рано. И во второй раз планка летит на маты. Рыжий подошёл к судьям, что-то сказал. Бим встал, объявил:

– Пащенко, пятнадцатый номер, от третьей попытки отказывается. Соревнования закончены.

– Подождите. – Алик сорвался с места. – Я ещё хочу.

– Может, хватит? – с сомнением спросил Бим.

– Почему хватит? – В разговор вступил какой-то мужчина в тренировочном костюме, куртка расстёгнута, под ней – красная водолазка, а сверху секундомер болтается. Алик до сих пор его не замечал, видно, недавно подошёл. – Участник имеет право заказать следующую высоту.

– Факт, имею, – подтвердил Алик.

– А возьмёшь? – улыбнулся мужчина.

– Постараюсь, – вежливо ответил Алик.

Стадион замер. Даже метатели к сектору для прыжков подтянулись, стояли, держа в могучих пятернях литые ядра. Судьи с других видов тоже здесь собрались: соревнования подошли к концу, один Алик остался. Скажешь отцу – не поверит, опять придётся к свидетельству Фокина взывать.

Давай, Алик. Сосредоточься, построй в воображении кругую траекторию, нарисуй в воздухе гипотетическую кривую – уравнение прыжка. Икс равен ста девяноста пяти сантиметрам...

Пошёл, как выстрелили... Рраз и – на матах! Ах ты, чёрт, задел планку второпях... Ну, поддержи, поддержи, родная... Стадион молчит, замер – тоже ждёт... Лежит, лежит голубушка... Наша взяла!

Что тут началось! Фокин с матов встать не дал, прыгнул сверху, навалился, норовит поцеловать, псих ненормальный. Еле выбрался Алик, соскочил на землю, а тут Бим навстречу:

– Поздравляю, Радуга.

– Не ожидали, Борис Иваныч?

– Честно – не ожидал.

– А я знал: точно буду первым. Всегда первым буду!

- Не торопись, Радуга.
- Наоборот, Борис Иваныч, поспешать надо.
- Парень верно говорит: поспешать надо...

А это кто такой в разговор встрял? Тот же мужик в красной водолазке. Ему-то что за дело?

– Давай познакомимся. Тебя Александром зовут? Значит, тёзки. Я – Александр Ильич. Тренер юношеской сборной по лёгкой атлетике. Давно прыжками занимаешься?

Держитесь, Александр Ильич, не падайте...

– Уже неделю.

И глазом не повёл. Решил, что шутит Алик – пусть глупо, но что не простишь новому чемпиону района?

– Солидный срок. На каникулы куда собираешься?

– На дачу, наверно.

– А может, к нам, на сборы?

– Не знаю...

– Подумай. Я ещё о себе напомним.

И ушёл, помахивая секундомером на длинной цепочке. Пообещал конфетку и скрылся. Интересно, не забудет?

– Ну, Радуга, считай, повезло тебе, – сказал Бим.

– А ему?

– Не знаю, – засмеялся Бим. Он уже перестал обращать внимание на мальчишескую задиристость Алика. – Ему, надеюсь, тоже... Давай, давай, пьедестал почёта ждёт чемпиона, на самом верху стоять будешь.

И началось награждение победителей.

10

Когда награждали, вручали хрустящую грамоту со множеством витиеватых подписей, а также звонкий будильник, красивый будильник в полированном деревянном футляре, когда по-взрослому жали руку и поздравляли с победой, не до того было.

А потом вспомнил.

Бим подошёл, по плечу похлопал, сказал:

– Так держать, Радуга.

А Сашку Фокина, занявшего третье место, обнял за плечи, увёл в сторону, и они долго сидели прямо на траве, на футбольном поле, о чём-то говорили. Бим блокнот вытащил, рисовал в нём какие-то шутки. Так долго сидели, что Алик не стал дожидаться Фокина, переоделся, влез в троллейбус и прибыл домой – с победой.

Всё было, как положено: ахи, охи, кило сомнений и тонна восторгов, обед в столовой, а не в кухне, сервиз парадный, «гостевой», скатерть крахмальная, отец по случаю победы от сухого вина не отказался, и Алику домашней наливочки из летних запасов предложили, но он-то – спортсмен, чемпион, «режимник», сила воли плюс характер – отверг с негодованием нескромное предложение.

Как сказал поэт: «Радость прёт, не для вас уделить ли нам? Жизнь прекрасна и удивительна...»

Всё так, но точил червячок, портил праздничное настроение: чем он, Алик Радуга, Биму не угодил? Выиграл первенство – слава Б. И. Мухину, воспитавшему чемпиона. Но Б. И. Мухин – человек честный, не нужна ему чужая слава, не воспитывал он феноменального Радугу. Но тогда можно просто порадоваться за ученика, который ещё вчера был бездарь бездарем, но переломил себя, не прошёл ему даром горький урок, преподанный Б. И. Мухиным, талантливым педагогом – куда там Макаренко... Ах, не урок это был, не ставил Б. И. Мухин никаких далеко идущих целей, выгоняя Радугу из зала и обещая ему твёрдую «четвёрку» за год: переполнилась чаша терпения Б. И. Мухина, и сорвал он злость на нерадивом ученике. И не надо вешать на него тяжкие лавры великого педагога, оставьте Б. И. Мухина таким, какой он есть: бывший спортсмен, волею судьбы пришедший в школьный спортзал, любящий тех, кто

любит спорт, и не любящий тех, кто, соответственно, спорт не любит.

Пусть так. Но ведь человек же он – этот загадочный Б. И. Мухин, есть у него сердце, душа! Должен же он понять, что пареньку, впервые вкусившему сладость победы, впервые узнавшему, что спорт может быть не в тягость, а в радость, этому до чёртиков счастливому пареньку очень нужна похвала того, кто всегда ругал его, смеялся над ним.

А вдруг Бим просто не верит в победу Алика?

Как так не верит? Вот же она, победа, ясная для всех, убедительная, осязаемая, можно потрогать, понюхать, в руках подержать – весомая! Но не похож ли Бим на тех скептиков, что некогда смотрели в телескоп Галилея, вежливо поддакивали старику и уходили, убеждённые в реальном существовании слонов, китов и черепахи, на коих покоится их мир? Их, а не Галилея.

Сравнение натянуто? Смещены масштабы? Ничего, в несоответствии масштабов – наглядность сравнения. Ведь воскликнул же кто-то из древних: «Умом приемлю, а сердце протестует!» Воскликнул так и был по-своему прав. По-своему...

И Бим по-своему прав, если влезть в его шкуру. Что такое – преподаватель физкультуры? Одна из самых неблагодарных профессий. Очень многие всерьёз считают – даже учителя! – что физкультурнику и делать-то в школе нечего. Подумаешь, занятие: помахал руками, попрыгал, побегал.

Но ведь «помахать, побегать, попрыгать» – для этого педагогом быть не надо. Такого учителя и не запомнить. А Фокин Бима явно запомнит, хотя и не станет спортсменом. Запомнит как педагога, а не «учительскую единицу», потому что сумел Бим что-то расшевелить в Фокине, стать ему близким человеком, с которым можно и горем поделиться, и радостью. Как они на поле устроились – голубки!

И Вальке Соловьёву Бим на всю жизнь запомнится, и Гулевых, и Торчинскому. Смешно сказать, но и для Алика Бим – не просто «один из преподавательской массы». В конце концов, хотел того Бим или нет, а вещие сны пришли к Алику как раз после того – наипечальнейшего! – урока. А вот Алик для Бима по-прежнему – «один из...». И все его спортивные доблести – мимо, мимо, Фокинское третье место Биму дороже.

Что ж, наплевать и забыть?

Наплевать, но не забыть. Кто для кого существует: Бим для Алика или Алик для Бима? Факт: Бим для Алика.

Подумал так Алик и застыдился. Никто ни для кого не существует, каждый сам по себе живёт. И ничего-то Бим ему не должен. А коли случай представится, Алик вспомнит, что именно Борис Иваныч Мухин привёл его в Большой Спорт. В переносном смысле, конечно, не за ручку...

Решил так и успокоился. Вздумал пойти погулять. Воскресенье, день жаркий, к неге располагающий. Наверняка кто-то из знакомых во дворе шляется, на набережной лавочки полирует, гитару мучает.

Вышел во двор – Дашка Строганова навстречу плывёт. Узкая юбка, на батнике – газетные полосы нарисованы, волосы распущены, лёгкий ветерок поднимает их, бросает на плечи. Гриновская Ассоль.

– Далёко собрался? – спрашивает.

Вот она – суевренная вежливость: не «куда» а «далёко ли», ибо «закудыкивать» дорогу почему-то не полагается. Тысячелетний опыт предков о том говорит. Вздор, конечно...

– Куда глаза глядят, – сказал Алик, да ещё и ударение над «куда» поставил.

– Я слышала, тебя можно поздравить?

– Можно.

– От души поздравляю.

Ах, ах, «от души». Бывает ещё – «от сердца». Или – «искренне». Как будто кто-то признается в «неискреннем поздравлении»...

– Спасибоочки.

– А чем тебя наградили?

Обычная женская меркантильность – не больше. Говорит: «от души», а душа её жаждет золота. Прямо-таки алкает...

– Должен огорчить вас, Дарья Андреевна, золотого кубка не дали. Вручили будильник на шашнадцати камнях, деревянный, резной, цена доступная.

– А за второе место?

– Автомобиль «Волга» с прицепом. Владелец живёт у Киевского вокзала, но он тебе не понравится.

– Почему?

– Худ, рыж, самоуверен.

– Ты тоже не из робких.

– Я – другое дело.

– Что так?

– Ты в меня влюбилась без памяти.

Фыркнула как кошка – только спину мостом не выгнула, глаза сузила, сказала зло:

– Дурак ты, Радуга! На себя оглянись...

«Дурак» – это уже было, отметил Алик. И ещё отметил, что и тогда, и теперь Дашка, кажется, права. Неумное поведение – прямое следствие смятения чувств. А чего бы им, болезным, метаться? Уж не сам ли ты, Алик, равнодушен к юной Ассоль с Кутузовского проспекта? Способность трезво оценивать собственные поступки Алик считал одним из своих немногочисленных достоинств. Похоже, что и вправду равнодушен. А посему не надо всюду показывать это, бросаться в нелепые крайности. Ровное вежливое поведение – вот лучший метод.

– Прости меня, Даша, сам не ведаю, что несу.

Простила. Заулыбалась.

– Погуляем?

Ох, увидят ребята – пойдут разговоры, шутки всякие из древнего цикла «тили-тили тесто». Ну и пусть идут. У каждого чемпиона должны быть поклонницы. Они носят за ним цветы, встречают у ворот стадиона, пишут умильные записки, звонят по телефону и молча дышат в трубку.

– Погуляем.

Двинулись вдоль газона, провожаемые любопытными взглядами пенсионеров – местных чемпионов по домино, их досужих болельщиц, восседающих на скамье у подъезда. По странному стечению обстоятельств среди них не присутствовала мама Анна Николаевна. Уж она бы «погуляла» своей дочечке, уж она бы ей позволила беседовать с «нахалом и грубияном» из ранних... А, впрочем, почему бы нет? Времена меняются. Был Алик для мамы Анны Николаевны персоной «нон грата», стал – вполне «грата». Одно слово – чемпион. Завидное знакомство...

– Что-то твоей мамы не видно. Ей, кажется, прогулки прописали?

– У неё сердце больное, верно. Они с папой на дачу поехали, там воздух дивный. Никаких канцерогенов.

Эрудиция – болезнь века. Гриновская Ассоль слова «канцерогены» не знала. А Дашка знает. Но зато Дашка не знает, как пахнет мокрая сеть, брошенная на морской берег; как прозрачен рассвет, заглянувший в иллюминатор каюты; как опасен свежак, задувший с моря. Показать бы ей всё это, забыла бы она о «канцерогенах»... Но, если честно, Алик и сам не тащил в шаланду полную скумбрийей сеть, не встречал рассвет на палубе гриновского «Секрета», не подставлял хилую грудь крепкому черноморскому свежаку. Он вообще ни разу не был на море, и вся романтика его школьной поэзии родилась из книг, которых к своим пятнадцати годам он прочёл уйму – тонны две, по мнению мамы. Но у романтики не принято спрашивать «паспортные данные». Да и какая разница, где она родилась, если чувствовал себя Алик опытным, пожившим, усталым человеком, и чувство это было ему отрадно, потому что шла рядом прекрасная девушка, добрая девушка, лучшая девушка класса, и майский вечер был сиренев и душен, и Москва-река внизу чудилась Амазонкой или, на худой конец, Миссисипи в её девственных верховьях.

– Ты знаешь, – сказала Дашка, – мама как-то показывала твои стихи одному писателю – он к ним в министерство приходил, просил о чём-то, – и писатель сказал, что из тебя может получиться настоящий поэт.

– Какие стихи? – быстро спросил Алик. Мнение писателя было ему небезразличным.

– Про Зурбаган.

– Откуда они у твоей мамы?

– Они же были в нашей стенгазете в прошлом году. Ну, я их и переписала...

Вот тебе и раз!.. Сразу два шоковых момента. Первый: Дашка переписала стих. А Алик её считал абсолютно глухой к поэзии. К его, Алика, тем более. Второй: Дашкина маман показывает кому-то стихи «нахала и грубияна». А раз дело происходило в министерстве, где

Анна Николаевна работает референтом, значит, она специально носила их туда. А Алик её считал старой сплетницей, «жандармской дамой», которая его, Алика, и на дух не принимает. Поневоле придёшь к выводу, что ничего в людях не понимаешь... С одной стороны – обидно разочаровываться в себе, с другой – приятно разочаровываться в собственном гнусном мнении о некоторых небезынтересных тебе объектах.

– Какому писателю? – хрипло спросил Алик. Лучшего и более уместного вопроса в тот момент он не нашёл.

– Не помню, – сказала Дашка. – Я его не читала, поэтому фамилию не запомнила. Мама знает.

– Мама на даче...

– А тебе обязательно сегодня знать надо? Потерпи до завтра, я выясню и скажу.

Алик наконец полностью пришёл в себя, обрёл способность рассуждать здраво. И немедленно устыдился идиотского вопроса.

– Нет, конечно, не обязательно. Главное, что они тебе нравятся. Ведь нравятся?

Конечно же, это было главным. Дашкино мнение, а не мысли вслух какого-то неведомого писателя, который мог только из расчётливой вежливости похвалить слабенькие стихи: ему ведь в министерстве что-то нужно было...

И мнение не заставило себя ждать.

– Нравятся, – сказала Дашка, сказала просто, без обычного «взрослого» выламывания.

И тогда Алик, сам не зная отчего, начал читать стихи. Чуть слышно, словно про себя.

– ...Заалеет влажный, терпкий день... в полумраке зыбком и неверном... И на бухту маленькой Каперны... упадёт заветной сказки тень... Пристань серебристая седа... Полумрак раскачивает реи... Засыпают фантазёры Греи... о чужих мечтая городах...

– Влажный, терпкий день... – повторила задумчиво Дашка. – Знаешь, Алик, я ни разу не была на море. А ты?

Он помедлил немного, но желание казаться многоопытным и мудрым, бывалым, просоленным – наивное желание выглядеть, а не быть – оказалось сильнее.

– Был, – и ужаснулся: соврал. Но его уже несло дальше, и для остановки времени не предусматривалось. – Как бы я написал о море, если бы не видел его? Знаешь, как пахнет мокрая сеть, брошенная на морской берег? Знаешь, как прозрачен рассвет, заглянувший в иллюминатор каюты? Знаешь, как опасен свежак, задувший с моря?

– А ты знаешь?

– Конечно.

– Счастливый... Как здорово ты говоришь об этом. Алик, тот писатель не прав: ты уже настоящий поэт.

Ради этих слов стоило жить.

И даже соврать стоило.

И вообще: какой замечательный день выпал сегодня Алику, просто волшебный день!..

11

А ночью ему опять приснился странный сон.

Будто бы идёт он по Цветному бульвару мимо старого цирка и видит у входа огромную цветную афишу. На ней изображён неуловимо знакомый субъект в ослепительно белом тюрбане с павлиньим пером. У субъекта в руках – золотая палочка и тонкогорлый кувшин, из которого идёт белый дым. И надпись на афише: «Сегодня и ежедневно! Всемирно знаменитый иллюзионист и манипулятор Ибрагим-бек. Спешите видеть!»

«Батюшки, – думает Алик, – да ведь это хорошо известный джинн Ибрагим. Устроился-таки, шельмец, в иллюзионисты. Ну, да ему всё доступно...»

И возникает у Алика естественное желание: зайти в цирк, навестить знакомого, рассказать о том, что дар действует безотказно, а заодно расспросить его о новом цирковом житье-бытье.

Заходит. И ведь что странно: ни разу в цирке за кулисами не был, а видит всё так реально и точно, будто дневал там и ночевал... Проходит мимо спящего дежурного, крохотного старичка, уткнувшегося носом в ветхий стол, идёт по пустынному фойе – спектакль ещё

впереди, время репетиционное, – упирается в фанерную стенку с дверью. На двери надпись: «Посторонним вход воспрещён». Толкает без страха эту заколдованную местным администратором дверь и шествует по темноватому бетонному коридору, уставленному ящиками, какими-то стальными ажурными коstructionами, тумбами, на которых слоны стоят на одной ноге, и другими тумбами, на которых суперсилачи выжимают свои гири, штанги и ядра. Поднимается по широкой лестнице на второй этаж, среди множества дверей безошибочно находит нужную, стучится.

Слышит из-за двери:

– Входите. Не заперто.

Входит. Перед трёхстворчатым зеркалом типа «трельяж» за маленьким столом, на котором бутылочки, баночки, кисточки, лопаточки, парички, гребешочки, вазочки с бумажными цветочками – пёстрое, пахучее, блестящее, игрушечное на вид, среди всего этого хрупкого добра сидит джинн Ибрагим, ныне всемирно знаменитый иллюзионист и манипулятор Ибрагим-бек, спокойно сидит и читает книгу. Пригляделся Алик – знакомая книга: «От магов древности до иллюзионистов наших дней» называется. Видно, набирается творческого опыта новоиспечённый артист цирка, не пренебрегает классическим наследием.

– Привет, Ибрагимчик, – говорит Алик.

Джинн отрывается от книги, смотрит без интереса.

– А-а, – говорит, – явился спаситель. Чего тебе?

– Шёл мимо, дай, думаю, загляну, проведу...

– Контрамарку хочешь?

Опешил Алик.

– Зачем она мне? Я и билет могу купить, если что.

– Купил один такой. Аншлаг в кассе. Билеты продаются за год вперёд.

– Из-за чего такой бум?

Грудь выпятил Ибрагимчик, чёрный крашенный ус подкрутил – не без гусарской лихости.

– Немеркнувшее иллюзионное искусство всегда влекло людей к магическому кругу арены.

– Из книжки цитата? – спрашивает с ехидцей Алик.

– Язва ты, Радуга, – говорит Ибрагим, как давеча Бим. – Мои слова. Нет мне равных в искусстве фокуса.

– А Кио?

– Слаб, слаб, всё у него на технике, никакого волшебства.

– А как вы своё волшебство дирекции объяснили?

Джинн морщится. Похоже, что воспоминания об этом удовольствия ему не доставляют.

– Запудрил я им мозги. Слова разные употреблял.

– Какие слова?

– Умные. Говорю: всем управляет конвергационный инверсор, препарирующий мутантное поле по функции «Омега» в четвёртом измерении.

«Не хуже Никодима Брыкина шпарит», – изумляется Алик и с интересом спрашивает:

– А где инверсор взяли?

– Это мне – плёвое дело. Я его на минуточку из института мозговых проблем телетранспортировал.

– Брыкинский аппарат?

– А хоть бы и брыкинский, мне без разницы. Показал я его дирекции и обратно вернул.

– Поверили?

– Как видишь.

– Вы, Ибрагим, настоящий талантливый джинн, – с волнением произносит Алик. – Всё вам доступно. – Уж очень его потрясла история с телетранспортировкой прибора. Или – нуль-транспортировкой, как утверждают иные писатели-фантасты.

– Будто раньше не понял, – пыжится джинн. – Как прыгучесть? Не подводит?

– Исключительная вам благодарность, – витиевато закручивает Алик. – Вчера как раз чемпионом района стал с результатом один метр девяносто пять сантиметров.

Джинн кисточку со стола берёт, в баночку с пудрой окунает, по усам ведёт – приняли они благородный кошачий седоватый колер.

– Пустьшная высота, – говорит. – Ради неё и трудиться не стоило. Потренировался – сам бы осилил, без моей помощи. Ноги-то у тебя вона какие – чисто ходули...

– Что вы, Ибрагиша? – удивляется Алик. – Я до нашей встречи вообще прыгать не умел.

– Всё мура, – заявляет джинн и примеривает к лысинке чёрный паричок с кудряшками. – Знаешь песни: «Тренируйся, бабка, тренируйся, Любка...», «Во всём нужна сноровка, закалка, тренировка...», «Чтобы тело и душа были молоды...» – И несколько невпопад: – «Не думай о секундах свысока».

Хотя, может, и не совсем невпопад: секунды всё-таки, в спорте ими многое измеряется.

– По вашему, прыгнул бы? – настаивает Алик.

– По-моему, прыгнул бы, – упорствует джинн.

– Но не сразу?

– Ясно, не сразу.

– А мне надо было сразу.

– А если надо было, почему условие не соблюдаешь? – сварливо спрашивает джинн.

«Знает, – с ужасом думает Алик. – Кто донёс?»

– Откуда узнали?

– От верблюда. Я бы – и вдруг не узнал! Шутишь, парень. Всё мне про тебя доподлинно известно: как ешь, как спишь, как прыгаешь, как учишься, с кем дружишь, что врёшь, о чём думаешь. Ты теперь под моим полным контролем. Зачем Дашке сочинил про море?

Алик ёжится под его цепким взглядом.

– Для форсу.

– Ах, для форсу... Плохо.

– Нравится она мне.

– Уже лучше.

– Как будто вы, Ибрагимчик, никогда девушкам не заливали, – храбрится Алик.

– Не наглей, – строго говорит ему джинн. – Обо мне речи нет. А женишься ты на ней, попадёте вы на море, как ты ей в глаза глядеть будешь?

– Ну, уж и женюсь, – смущается Алик, даже краснеет, но мысль о женитьбе ему не слишком неприятна.

– Это я гипотетически, – разъясняет джинн.

– А-а, гипотетически, – с некоторым разочарованием тянет Алик.

– Тебе хоть стыдно? – спрашивает Ибрагим.

– Есть малость.

– Если честно, дар у тебя теперь навек исчезнуть должен, как не было. Но уж больно симпатична мне Дашка, можно тебя понять. Ладно уж, останется твой дар с тобой, но наказать – накажу.

– Как? – пугается Алик.

– Не соврал бы – в следующий раз на два метра сиганул бы. А теперь погодить придётся.

– Долго?

– Как вести себя будешь. А там поглядим... – Тут он взглядывает на часы над дверью, ужасается: – Мать честная, курица лесная, уже звонок дали. Выматывайся отсюда, парень, мне к выступлению готовиться надо, – вскакивает, бесцеремонно выталкивает Алика за дверь.

И Алик уходит. Спускается по лестнице, идёт всё тем же бетонным коридором с тумбами и ящиками. И сон заканчивается, растекается, уплывает в какие-то чёрные глубины, вспыхивает вдалеке яркой точкой, как выключенная картинка на экране цветного «Рубина».

И ничего нет. Покой и порядок.

Баба-яга и Никодим Брыкин в эту ночь Алику не снятся.

12

Если Ибрагим сказал: не прыгнешь! – значит, прыгнуть не удастся. Джинн, как давно понял Алик, слову не изменяет. Тут бы смириться, послушаться, не лезть на рожон – к чему? Бесполезно...

Бесполезно? Ну, нет! Пять сантиметров – величина не бог весть какая. Сто девяносто пять

Алику обеспечены. Что ж, пять сантиметров он прибавит сам. Есть кое-какой опыт – мизерный, но уже не будет пугать неизвестность. Главное: есть желание. Есть злость – та самая, спортивная. Есть самолюбие – его Алику всегда хватало с избытком, и мешало оно ему, и помогало. Пусть сейчас поможет. А все эти качества, помноженные на постоянную величину «сила воли плюс характер», не могут не дать кое-каких результатов. Да и надо-то – тьфу! – пять сантиметров...

Аксиома, выведенная тёмными суеверными предками, – «вещие сны сбываются» – требовала корректив. Алик назвал бы их «переменной Радуги» или «поправкой на упрямство». В конечном виде аксиома должна звучать так: «Вещие сны сбываются в той степени, в какой позволяет разрешающая способность сновидца».

Красиво. Рассказать Николаю Филипповичу, школьному математику, – одобрит терминологию. Но суть его возмутит, не оценит он сути. Скажет: «Вы бы, Радуга, лучше на логарифмы навалились, чем антинаучный вздор множить». А чего на них наваливаться? Они для Алика – открытая книга. Сам Никфил пятёрку вклеил...

«Никфил – вклеил» – прескверная рифма. Деградируешь, Радуга, – подумал Алик. А в голове уже вертелось начало нового стихотворения...

«Откуда шло вдохновение... К Моцарту или Верди?.. – напряжённо сочинял Алик – Верди, Верди, Верди... Вертер! Попробуем... Так-так... А потом – о сне... Смысл: сон – ерунда, ложь, пусть даже и вещей, всё делается наяву вот этими руками...» – посмотрел на руки. Руки как руки, ничего ими толком не сделано, много сломано, немало напортачено, но всё ещё впереди.

«Откуда шло вдохновение... К Моцарту или Верди?.. Где же родился Вертер... в яви или во сне... Или ещё на рассвете... когда, ничего не ответив... сон отлетает, как ветер... рванув занавеску в окне?»

Ещё раз повторил про себя придуманные строки, восхитился: здорово! Ай да Радуга! Ай да сукин сын! Не останавливаться, не тормозить, пока вдохновение не покинуло. Подлая штука – вдохновение, так и норовит сбежать. Надо его – цоп! – и придержать...

«Но сон – это только туманность... несобранность, непостоянность... намёк на одушевлённость... а в общем, не злая ложь...»

Точно сказано: не злая ложь. Ибрагим – существо доброе, но с твёрдыми принципами. А мы его принципы опровергнем...

«Если картины – смутны... если идеи – путанны... распутица и распутье... не знаешь, куда идёшь...»

«Ложь – идёшь» – тоже не Пушкин. Ну, да ладно: шлифовкой потом займёмся. Сейчас – костяк идеи и формы...

«Не знаешь, чему поверить...»

И в самом деле: чему верить? Слишком много таинственного – уже рутина. Привычная и надоедливая. Верить в сказочное без всякого восторга, скорее – по привычке, по надобности...

«И что отобрать без меры... и что полюбить без веры... запомнив и записав...»

«Полюбить без веры» – это какая-то катахреза, как отец изъясняется. Явная несовместимость. Любишь – значит, веришь... Да и рифма-то опять – «верить – веры»... Детский сад... Потом, потом исправим...

«Но я снов не записываю...»

Вот она – главная мысль высокохудожественного произведения, добрались до неё, наконец...

«Не помню, не перечитываю...»

Так их всех! Не помню никаких снов!

«Я вижу живую и чистую... не в сонном наплыве явь».

Точка. Всё! Вижу явь. И наяву – два метра. Пусть Ибрагим кусает локти.

Время было позднее, и Алик помчался в школу, задержавшись лишь на минутку, чтобы записать так внезапно и здорово родившиеся строки. Вечером он прочитает их отцу, тот раздолбает стихи в пух и прах, выделив, впрочем, одну-две строки, «достойные мировых стандартов». А пока стихи нравились Алику целиком, и он даже подумал: а не показать ли Дашке? Решил: рано. Доведём, домучаем, тонкой шкуркой отшлифуем, лаком покроем –

любуйтесь.

Отец разобрал стихи по косточкам, спросил напоследок:

– Тебя, сын, в последнее время на «сонную» тематику потянуло. То ты прыгать во сне научился и доказывал мне с ценой у рта, что сон – лучшая школа жизни. Теперь сам себя опровергаешь: «Я снов не записываю, не помню, не перечитываю»? Где истина?

– Как всегда, посередине, – туманно ответил Алик. – Хороший вещий сон нуждается в реальной надстройке.

– Ну-ну, – сказал отец. – Валяй надстраивай. И поработай над виршами, есть над чем. Может неплохо получится... – И спросил между прочим: – А где это ты сегодня допоздна шлялся? С верным Фокиным небось?

– Без Фокина. Тренировался.

– На большие высоты замахиваешься?

– На задуманные, – сказал Алик.

Слово с делом у него не расходилось. После занятий он, переодевшись, бегал по набережной, пугая юных матерей и молодых бабушек, управляющих детскими колясками. Подтягивался на перекладине в саду: сначала – восемь раз, потом – шесть. А через час неожиданно тринадцать раз подтянулся. Так это Алика обрадовало, что он пропрыгал на корточках вокруг всего сада, не обращая внимания на вопли малышек, гулявших здесь после дневного сна. Толстая воспитательница отгоняла от него своих настырных питомцев, приговаривая: «Не видите: дядя тренируется. Дядя – чемпион».

В её словах для Алика было два приятных момента. Во-первых, его не часто пока называли дядей. Во-вторых, его ещё никогда – кроме воскресенья – не нарекали чемпионом.

Дядя-чемпион нашёл здоровенный булыжник, уложил его на плечо и, придерживая рукой, начал приседать. Присел так двадцать раз – больше сил не хватило, да и на двадцатый раз булыжник с плеча свалился, «выпал из обессиленных рук» – как писали в старинных романах.

На сём Алик вечернюю тренировку завершил, оставив прыжки в высоту на завтра, вернулся домой, пообедал, приготовил уроки, тогда и состоялся разговор с отцом, описанный выше.

На следующий день перед занятиями Алик побегал по набережной, даже к реке спустился – как раз там, где во сне выловил со дна пленённого Ибрагима. Попробовал рукой воду – ха-ала-ди-на!.. Нет, к водным процедурам он ещё не был готов. По крайней мере – морально. А после уроков, подсмотрев, что Бим ушёл из школы, Алик спросил у дежурной нянечки разрешение, заперся один в спортзале и прыгал через планку до изнеможения. Ибрагим не соврал: два метра Алик взять не мог. Метр девяносто пять – пожалуйста. Плюс пять сантиметров – уже заколдованная высота. Поступил иначе: прибавил к освоенной высоте один сантиметр. Разбежался – сбил. Ещё раз... Разбежался – сбил.

Сел на лавку – анализировать происходящее. Что мешало прыгать? Припоминал: правая маховая нога переходит планку точно... дальше понёс тело... Лёвой сбивает? Нет, раньше, раньше...

Спустил планку на метр восемьдесят, трижды перепрыгнул, стараясь следить за каждым движением. Техника, конечно, оставляла желать лучшего, но грубых ошибок вроде не было. Так, во всяком случае, казалось. Хорошо бы кто-нибудь со стороны посмотрел. Скажем, Бим. Но Бим в преддверии конца учебного года тренировок не назначал, даже любимчика Фокина в спортзал не пускал; сидел бедолага Фокин дома, штудировал учебник по литературе, готовился к итоговому сочинению. А самому Алику напрашиваться не хотелось. Хотя Бим не отказал, пришёл бы в зал... Но нет, нет, гордость не позволяла, то самолюбие, которое заставляло Алика тягаться даже не с высотой – с хитрым и коварным запретом Ибрагима.

Поставил метр девяносто пять. Прыгнул. Облизал планку, как сказал бы Вешалка. А поначалу брал – даже не дрожала она. Устал?

Плюнул, решил уходить. Напоследок выставил метр девяносто семь, разбежался... Мама родная: лежит железка на своих кронштейнах, не шевелится. Взял! Взял!

Хотел на радостях ещё раз опробовать высоту, но одумался. Не стоит искушать удачу, да и действительно устал. Прыгнул на одних нервах. Убрал стойки, маты, планку – чтоб никто не заподозрил! – ушёл домой.

На следующий день опять прыгал. Метр девяносто семь стабильно брал. Дальше – ни в какую. Удивлялся себе: откуда взялось упорство? Никогда им не отличался: не получалось

что-нибудь – бросал без сожаления. А сейчас лезет на планку, как бык на красную тряпку...

Нет, нужен перерыв. Хотя бы на денёк. Тем более что к сочинению кое-что подчитать следует. Из пропущенного. Засел дома, как Фокин, а наутро в школу явился – лучший друг новость преподносит:

– На тебя бумага пришла из сборной.

– Какая бумага! – не понял сразу.

– Запрос. У них сборы с первого июня. Требуют ваше легкоатлетическое величество.

Та-ак... Не забыл мужик в водолазке о своём посуле, прислал-таки обещанную конфетку. А в ответ показать ему – увы! – нечего. Как нечего? А метр девяносто семь – шутка ли? Не шутка, но и не та высота, с которой Алик хотел прийти в сборную. Наверняка в ней есть ребята, которые и повыше прыгают. А быть последним Алик не хотел.

– Не ко времени бумага пришла, – с искренним сожалением сказал он.

– Почему не ко времени? – Фокин даже опешил. – Каникулы же...

– Ох, да причём здесь каникулы? С чем я в сборной появлюсь?

– Ну, брат, ты зажрался, – возмутился Фокин. – Прыгаешь чуть ли не «по мастерам», а всё ноешь: мало, мало...

– И верно мало.

– Сколько же тебе надо? Два сорок?

– Хорошо бы... – мечтательно протянул Алик, представив себе и эту огромную рекордную высоту, и рёв стадиона, и кричащие заголовки в газетах: «КТО ПРЫГНЕТ ВЫШЕ РАДУГИ?»

– Сколько тебе лет? – ехидно спросил лучший друг.

Вопрос риторический, ответа не требует. Но Алик любил точность. Спросили – получите ответ.

– Пятнадцать, с твоего позволения.

– То-то и оно, что пятнадцать. Помнишь, я тебе говорил, что Джон Томас в твои годы тоже сто девяносто пять брал?

– А мне Джон Томас не в пример. Его давным-давно «перепрыгнули».

– Алик, две недели назад ты ещё не знал, что такое высота.

Вот это был хороший аргумент в споре, не то что про Томаса...

– Ладно, уговорил. Поеду на сборы.

– А я тебя не уговаривал, – фыркнул лучший друг. – Не хочешь – не езжай, тебе же хуже.

А потом, вопрос ещё не решён. Ехать на сборы – значит, практику на заводе пропускать. Что директор скажет?

– Отпустит, – уверенно сказал Алик.

И зря так уверенно. Он не знал, что происходило в кабинете у директора – позже, после уроков, когда в школу пришла вызванная телефонным звонком мама.

– Ваш Алик начал проявлять незаурядные способности в лёгкой атлетике, – сказал директор.

– Знаю, – осторожно кивнула мама. Она не догадывалась, зачем понадобилась директору: учиться сын неплохо, ведёт себя – тоже вроде нареканий нет...

– Он стал чемпионом района по прыжкам в высоту. – Директор шёл к цели издали.

– Слышала.

– Его наградили почётной грамотой и ценным подарком.

– Ценный подарок хорошо будит его по утрам.

– Почитайте-ка. – Директор прервал затянувшееся вступление и решительно протянул маме бумагу с могучей круглой печатью в правом нижнем углу.

Мама быстро её пробежала. Гриф спорткомитета и фиолетовая печать не произвели на неё особого впечатления.

– А как же практика? – спросила она.

– В том-то и проблема, – сказал директор. – С одной стороны, глупо не отпускать парня на сборы: может, это начало большой дороги в спорте. А с другой стороны, кто нам позволит учебный процесс ломать?

Мама оглянулась по сторонам, ища поддержки. На неё смотрели учителя Алика.

Преподаватель литературы – с улыбкой. Преподаватель математики – сурово. Преподавательница истории – безразлично. Преподаватель физкультуры – с любопытством. И это любопытство, ясно читающееся на лице Бима, особенно разозлило маму.

– А как считает Борис Иванович Мухин? Отпускать или не отпускать? – громко спросила она, но не у Бима, а у директора.

Директор взглянул на Бима, но тот как раз перевёл глаза на потолок, рассматривал там трещину явно вулканического происхождения и отвечать не собирался. Спросили директора – пусть он и выкручивается.

– На практике мальчик приобретёт полезные трудовые навыки, – сказал директор.

– А на сборах он повысит спортивное мастерство, – гнула мама в стиле директора. Для неё вопрос был решён.

– А что скажет районо? – упорствовал директор.

– Районо я беру на себя, – быстро вставил преподаватель литературы, он же – заведующий учебной частью школы.

– Ну, если так... – мямлил директор, не желая принимать окончательного решения.

И тогда Бим прекратил изучение трещины.

– Спорим о ерунде, – веско сказал он. – Такое выпадает раз в жизни. Пусть Радуга едет на сборы, если кого-то интересует моё мнение... – Помолчал и вдруг добавил: – Правда, я лично не верю в его стремительный взлёт.

– Это почему? – ревниво спросила мама, а всё педагоги изумлённо уставились на Бима: как так «не верю», когда взлёт – вот он, парит Алик Радуга выше всех, ловите...

– Слишком быстро всё получилось. Спорт – это, прежде всего, огромный труд. Ежедневный, до пота. А на одном таланте чемпионом-рекордсменом не станешь... Хотя, – тут Бим такое лицо соорудил, будто чего-то кислого проглотил, – разведка доносит мне, что Радуга этот пот потихоньку выжимает из себя...

Вот так: разведка доносит. Выходит, нельзя верить нянечке, продала она Биму вечерние бдения Алика.

Но вопрос решён: едет Радуга на сборы под Москву. Первого июня отходит автобус от станции метро «Киевская». Осталось только написать сочинение, собрать чемодан, попрощаться с родными и близкими и – пока!

Но о сочинении забывать не стоило.

13

Завуч объявил: сочинение на вольную тему.

Абсолютно вольная тема: хочешь – пиши о прочитанном, анализируй книги, которые «проходил» по литературе, хочешь – пиши о себе, о друзьях, о своих мечтах, замыслах...

– Радуга может написать стихи – если получатся, – сказал завуч.

Он был в превосходнейшем настроении: учебный год позади не только для школьников. Учителям летние каникулы радостны гигантским – двухмесячным! – отпуском, отдыхом от тетрадей, контрольных, опросов, отметок, прогульщиков, отличников, сбора металлолома и макулатуры, родительских собраний и педсоветов. В эти вольные два месяца педагог может позволить себе никого не воспитывать, никого не учить, никому не читать нотаций, спать по ночам и бездельничать днём. Завидная перспектива!

Она маячила перед довольным жизнью завучем, и он захотел напоследок почитать в тонких ученических тетрадках не стандартные блоки «на тему», списанные из учебников или – в лучшем случае – почерпнутые из умных литературоведческих фолиантов, а собственные мысли своих учеников, двадцати пяти индивидуумов – зубрил, тихонь, заводил, остряков, ябед, задр, пай-мальчиков и пай-девочек, маленьких мужчин и маленьких женщин.

– Пишите, о чём хотите, – повторил он и, поставив стул у открытого окна, принялся рассматривать лето, всю хозяйничающее в городе.

Сашка Фокин в тоске закрипел зубами: стоило почти неделю корпеть над учебниками, если тема – вольная. Но не пропадать же благоприобретённым знаниям! Он раскрыл тетрадь и недрогнувшей рукой написал заголовок: «Тема труда в поэме В. В. Маяковского „Хорошо“».

Даша Строганова тоже раскрыла тетрадку, подложила под правую руку розовую промокашку, вытерла шарик своей авторучки чистой суконкой, попробовала его на отдельном листке бумаги – не мажет ли? – и только тогда написала ровным круглым почерком: «Что для меня главное в дружбе?» Выбирая тему, она думала об Алике, но писать о нём Даша не собиралась: даже вольная тема школьного сочинения не предполагала, на её взгляд, полной откровенности.

А Гулевых, ликуя от собственной предусмотрительности, осторожно выложил на крышку парты вырезку из журнала и, поминутно заглядывая в неё, написал: «Пеле – футболист века».

Только Алик не спешил заполнять тетрадку. Что-то мешало ему писать, отвлекало от создания очередного стихотворного шедевра. Как будто витала рядом какая-то мысль, а ухватить и укротить её Алик не мог и мучился оттого, даже злился.

Завуч отвлёкся от законного вида, спросил:

– Из-за чего задержка, Алик?

– Сей минут, сей секунд, – забормотал Алик, не слыша, впрочем, себя: он ловил порхающую мысль. Вот, вот она – совсем рядом, накрыть её сачком, как яркую бабочку, просунуть под сетку руку, зажать в ладони – здесь!

Схватил ручку и написал, словно кто-то подталкивал его: «Фантастический рассказ». А вернее, рука сама написала эти два слова, а Алик только смотрел со стороны, как его собственная правая пишет то, о чём он, Алик, никогда бы и не подумал: не любил он фантастики, не понимал её тайных и явных прелестей, не читал ни Бредбери, ни Ефремова, ни Лема, ни Кир. Булычёва.

Но, не вдаваясь в механику странного явления, начертал строчкой выше ещё два слова: «Таинственный эксперимент». Это было название рассказа, который Алику предстояло создать за сорок пять минут урока плюс десять минут перемены. Именно так: предстояло создать. Или даже высокопарнее: предначертано свыше. И Алик не противился предначертанию, даже не пытался догадаться – откуда свыше поступило дурацкое предначертание, гонял ручку по строкам, создавал «нетленку».

«Было раннее летнее утро. Солнце вставало с востока, озаряя своими жаркими лучами всё окрест. Конус солнечного света медленно и неуклонно двигался по стене Института мозговых проблем. Вот он добрался до закрытого наглухо окна лаборатории инверсионной конвергации, и сумрачное помещение ожило, заиграли, заискрились приборы, вспыхнули стёкла. Профессор Никодим Брыкин распахнул настежь окно и воскликнул, дыша полной грудью:

– Да будет свет!

Конечно же, профессор имел в виду свет знаний, яркий свет небывалого научного открытия, озаривший недавно скромное, но достойное помещение лаборатории.

Добровольный помощник профессора, юный лаборант Петя Пазуха, сидел за столом и считал в уме. Ещё неделю назад он сидел не за столом, а в огромном сурдокресле, и его ладную голову охватывали датчики импульсной пульсации, соединённые с аппаратом профессора, названным им инверсионным конвергатором. Поле, создаваемое аппаратом, проникало посредством датчиков в мозг юного лаборанта и, генерируясь там, перестраивало функциональную деятельность мозга по задуманному профессором плану.

Ещё неделю назад Петя Пазуха с трудом мог в уме умножить 137 на 891, а сегодня с лёгкостью невероятной множил, делил, складывал, извлекал корни, брал логарифмы; и числа, которые фигурировали в этих действиях, пугали даже профессора Брыкина, привыкшего и не к таким передрягам.

Уже через сутки после эксперимента они проверили на Пете всю книгу таблиц Брадиса, и результат превзошёл самые радужные ожидания: юный гений Пазуха не ошибся ни разу.

Однако эксперимент поставил милейшего П. Пазуху в крайне неудобное положение. То ли контакты на аппарате были плохо зачищены, то ли напряжение на входе конвергатора несколько отличалось от напряжения на выходе, то ли конденсатор пробило, то ли искра в землю ушла, но эксперимент получился нечистым. „Поле Брыкина“ задействовало группу клеток, ведающих устным счётом, – это так. Но то же поле почему-то задействовало группу клеток, что ведаёт реверсивной системой „правда – ложь“. Говоря человеческим языком, Петя больше не мог врать. А если врал, то система „правда – ложь“ включала реверсивный

механизм, срабатывала заслонка, и группа клеток, ведающих устным счётом, прекращала свою полезную деятельность.

– Я никогда не буду врать! – вскричал Петя Пазуха, не желавший потерять свой чудный дар, гарантирующий ему безбедное существование где угодно: то ли на эстраде в роли математического гения, то ли в науке в должности арифмометра типа „Феликс“.

И всё было бы расчудесно, но минувшим воскресным вечером Петя катался в парке на лодке со своей подругой Варей.

– Сколько будет шестью семь? – спрашивала Варя.

– Сорок два, – безошибочно отвечал Петя.

– А корень квадратный из шестисот двадцати пяти?

– Двадцать пять.

И Петя таял под лучистым взглядом синих глаз Вари.

Но уже прощаясь, Варя спросила:

– Скажи, Петя, а мог бы ты для меня прыгнуть с десятого этажа в бурное море?

И Петя ответил, не задумываясь:

– Мог бы!

Стоит ли говорить, что его ответ был чистой ложью, ибо кто в здравом уме станет нырять в море с десятого этажа? Верная смерть ожидает внизу безрассудного смельчака, и ни одна девушка не стоит такой бессмысленной жертвы. Да ни одна девушка и не потребует от своего возлюбленного подобной глупости. Всё это лишь „слова, слова“, как говаривал принц Гамлет в бессмертной пьесе В. Шекспира.

Но за словами Пете теперь следовало следить неусыпно: любое изречённое слово могло оказаться пусть невольной, но ложью. Так и случилось.

И на завтра Петя не мог взять даже пустячного кубического корня из 1.397.654.248...

А мог только квадратный...

Из этого профессор заключил, что дар не исчез вовсе, но сильно ослаб. Этот вывод подтвердило и испытание на вибро-эмоцио-седуксенном стенде типа „Гамма-пси“.

– Я верну себе своё умение! – вскричал Петя.

– Но как? – вопрошал убитый горем профессор.

– Терпение и труд, профессор. Упорство и усидчивость.

И Петя начал считать сам. Он считал днём и ночью, утром и вечером, и в снег, и в ветер, и в звёзд ночной полёт. Тренировки сделали своё дело. Сегодня утром он явился в лабораторию и сказал гордо:

– Спрашивайте, профессор.

Профессор, конечно, спросил, и ответы Петра Пазухи были безошибочны.

Тогда Никодим Брыкин вновь подверг лаборанта тщательному исследованию на стенде „Гамма-пси“, и оно показало, что дар вернулся к обладателю.

Недаром русская пословица утверждает: терпение и труд всё перетрут.

– Но лгать вам, Петя, по-прежнему не стоит, – сказал профессор. – Эффект Брыкина восстановлен, но опасность не миновала.

– Знаю, профессор, – отвечал Петя. – Я буду говорить только правду, всегда правду, одну правду.

И слово своё сдержал.

Открытие профессора Брыкина переворачивало науку, то есть делало в ней переворот. Солнце напрямую било в широкое окно лаборатории».

Алик положил ручку, взглянул на часы. До конца урока оставалось пять минут.

– Я готов, – сказал Алик, закрывая тетрадь.

– Как следует проверил? – поинтересовался завуч.

– Как следует всё равно проверите вы.

– Что верно, то верно, – засмеялся завуч. – Гуляй, Радуга.

Алик вышел в коридор – пустой и гулкий от его шагов. Когда шли уроки, коридор, казалось, обретал свой микроклимат, отличный от климата в классе или в том же коридоре, но на перемене. Во время уроков здесь всегда было прохладно – и зимой, когда к батарее не притронешься, у окна стоять невозможно; и летом, в жару, когда через открытые окна в школу

проникали циклоны, забежавшие в Москву из Африки. В который раз Алик снова подивился этому необъяснимому физическому явлению, пошёл вдоль стены, размышляя о сочинении.

Что было? Явная подсказка со стороны. Как будто некто «свыше» вложил в голову дурацкий сюжет про Брыкина с соответствующим выводом: упорством верни свой талант. Другое дело, что фантазия Алика чувствовала себя достаточно свободно и в рамках заданного сюжета неплохо порезвилась. Во всяком случае, Алик был доволен собой. И ошибок вроде не сделал. Орфографических – точно, а за синтаксическими мог не уследить. Ну, да ладно, последнее сочинение, отметка за год уже выставлена...

Но главное, понял Алик, состояло в том, что этот «некто свыше» таким хитрым и изощрённым способом сообщал Алику, что его усилия в тренировках даром не пропали, замечены благосклонно, и с сего момента он может по-прежнему пользоваться своим даром. Но не врать.

Кто обещал ему вернуть дар? Джинн, ставший иллюзионистом. Но откуда джинн знает про Брыкина? Знает, он сам говорил про инверсор-конвергатор, телетранспортированный для убеждения цирковой дирекции. Да и связаны все три сна одной верёвочкой, нет в том сомнений. А где ж тогда уважаемая баба-яга, костяная нога? Забыла Алика? Ох, думалось Алику, не забыла, ещё заявит о себе, пригрозит сварить в щах за непослушание. Придётся слушаться...

Хотелось тут же мчаться в сад, выставлять планку и проверять: вернулся ли дар. Но началась перемена, школьный народ повалил в сразу потеплевший коридор, вышла Дашка, спросила:

– О чём писал, Алик?

– Да так, рассказик. Вроде пародии на фантастику.

– А я не стала рисковать напоследок. Проверенная тема: «Что для меня главное в дружбе?» А ошибок, ты знаешь, я почти не делаю.

– Раз про дружбу, значит, обо мне?

– Какой ты самоуверенный... Нет, о тебе я не стала писать.

– А могла бы...

– Зачем завучу знать о наших с тобой отношениях?

– Значит, есть отношения?

– А как бы ты хотел?

Типично женское коварство: отвечать вопросом на вопрос. Алик хотел отношений – вполне определённых, и не знал: есть они или только намечаются. Да и как вообще Дашка к нему относится? Тогда, в воскресенье, он сморозил глупость, ляпнул о её влюблённости, чуть было не поссорился с девочкой...

– Дац, а как ты в самом деле ко мне относишься?

Склонила голову набок, глаза широко-широко раскрыла.

– А как бы ты хотел?

Тот же ответ на примерно тот же вопрос. Вредное однообразие...

– Хотел бы, чтоб положительно.

– Ну, так я очень положительно к тебе отношусь. Пошли в класс, звонок...

Так и остался в прискорбном неведении. А после уроков явился завуч, уже успевший прочитать несколько сочинений, похвалил Алика, сказал:

– Неплохую пародию написал, Радуга. Будем печатать её в стенгазете, если не возражаешь.

Алик не возражал.

14

Что рассказывать о поездке на базу сборной? Сел у Киевского вокзала в красный «Икарус», уместился на заднем сиденье у окна, смотрел на дачные посёлки, пробегавшие мимо со скоростью восемьдесят километров в час, на негустые леса, бесстрашно выходившие прямо к автомобильно-бензиново-угарному шоссе. Два часа ехали, а никто в автобусе и не заметил присутствия Алика. Сел человек и сидит себе. Значит, так надо. Да и не все ребята, ехавшие на

сборы, знали друг друга. Кто постарше – семнадцати-восемнадцатилетние, – те встречались на соревнованиях. Они уселись рядом впереди, негромко говорили о чём-то. Ровесники Алика виделись впервые, робели, больше помалкивали. Заметил Алик и Вешалку Пашенко, и тот его сразу узнал. Однако оба почему-то сделали вид, что незнакомы.

Доехали наконец. Давешний мужик в водолазке встречал их у высоких тесовых ворот с резными столбами, крашенными под золото. К золотым столбам чья-то безжалостная рука гвоздями присобачила полинявший от времени транспарант с традиционной надписью: «Добро пожаловать!» Надпись эта, по-видимому, встречала не одно поколение спортсменов.

Мужик в водолазке – тренер сборной – был на этот раз в синих трикотажных шароварах, оттянутых на коленях, и в пёстрой ковбойке. Он дождался, когда все ребята вышли из автобуса, столпились рядом, сложив на землю свои чемоданы, сумки, рюкзаки, оглядел их скептически, зычно гаркнул:

– Здорово, отцы!

«Отцы» отвечали вразнобой, и это тренеру не понравилось.

– Что за базар? – недовольно спросил он. – А ну, построиться!.. – Встал у забора, вытянул вбок левую руку.

«Отцы» выстроились слева от него, постарались по росту. Тренер отошёл, наблюдал построение со стороны, раз-другой на часы глянул. Снова сказал:

– Здравствуйте, товарищи спортсмены!

Отсчитали про себя положенные для вдоха три секунды, ответили:

– Здра жла триц трен!

Вышло здорово – стройненько, громко. Тренер улыбнулся.

– Так и держать, отцы... Сейчас я вам тронную речь скажу. Я – ваш тренер. Зовут меня Александр Ильич, кое-кто со мной уже познакомился. Вы прибыли на базу сборной. Но сие вовсе не означает, что вы уже – члены лучшей юношеской команды. Пока мы к вам приглядываемся, прицениваемся. Оценим – возьмём, если подойдёте. Оценивать будем две недели. За это время лично я выжму из вас все соки – и морковный, и яблочный, и желудочный. – Кто-то в строю хихикнул, но тренер грозно посмотрел на весельчака: мол, нишкни, время для шуток ещё не пришло. – Прыгаете вы высоко, но плохо. За две недели ничему серьёзному не выучить, но кое-что показать сможем. Лодырей, симулянтов, зазнаек не потерплю. Выгоню в шею. Распорядок дня объявлю после завтрака. А сейчас – марш в корпус!

Речь тренера Алику показалась толковой – краткой, ясной, без слюнтяйства, без ненужных посулов. Не понял он лишь это – «прицениваемся». Странная терминология. Рыночная. Но торопиться с выводами не стал: у каждого есть свои любимые словечки, привычный жаргон. У Алика в речи – тоже немало слов-паразитов. Отец говорит: «Поэт и жаргон – понятия чужеродные. Жаргон – это улица, а поэт – это студия». Но Алик не согласен с отцом. Студия – это камерность, замкнутость. А поэзия – это душа народа. Пусть звучит высокопарно, зато верно. Ну, а народ по-разному изъясняется...

Народ в лице тренера изъяснялся кратко и афористично. В речи его изобиловали тире и восклицательные знаки. Говорил – как стрелял.

– Работать будете в поте лица, – сказал он, когда ребята закончили завтрак. – Подъём – в семь утра! Зарядка! Кросс! Завтрак! Тренировка – до двенадцати! Вода! Душ, если холодно! Пруд, если тепло! Час – отдых! Обед! Полчаса – отдых! Тренировка – до семнадцати тридцати! Вода! Полчаса – отдых! Кросс! Ужин! Кино, телевизор, книги, шахматы! Сон! Впрочем, сами грамотные – прочтаете. Расписание висит в столовой на стене. Сейчас быстро – по комнатам, занять койки, переодеться и – на плац. Побегаем, разомнёмся, а то растряслись в автобусе, жиры развесили, смотреть на вас тошно.

В большой комнате, похожей на классную, двумя рядами стояло десять кроватей с деревянными спинками и панцирными сетками. Спать на такой кровати, Алик знал, было мукой мученической: сетка слушалась любого движения тела, прогибалась, норовя сбросить спящего на пол. Подумалось: при таком спартанском расписании стоило завести деревянные топчаны с хлипкими матрасиками поверх досок. Кстати, на даче Алик спал как раз на таком топчане и прекрасно себя чувствовал. А родители скрипели панцирными сетками, и по утрам на них больно было смотреть.

Кроме вышеупомянутых «коек» в комнате размещались тумбочки – по одной на брата, десять шпук; четыре платяных шкафа и фикус на табуретке, развесистый фикус – мечта бабы-яги из второго сна Алика. Алик ухитрился занять кровать у окна, уложил на неё чемоданчик, щёлкнул замочками, достал синий тренировочный костюм – недавний подарок мамы, новенький, коленки ещё не оттянуты. Переоделся, побежал вон, краем глаза углядев, что Вешалка попал ему в соседи.

Выскочил на площадку перед корпусом, а тренер Александр Ильич уже прогуливается, на часы поглядывает. Увидел Алика.

– Кто такой?

– Радуга я, Александр Ильич. Из пятидесят шестой школы.

– Да помню я, – отмахнулся тренер. – Метр девяносто пять, Киевский район. Не о том речь. Почему так оделся? Холодно?

– Нет, – пожал плечами Алик. – Скорее жарко.

– То-то и оно. Форма одежды – одни трусы.

– Босиком? – не утерпел Алик.

Но тренер не заметил иронии.

– Босиком тяжко будет. Да и ноги посбиваете. В тапочках.

Помчался снимать костюм. В коридоре встретил Вешалку в таком же костюмчике, позлорадствовал про себя: сейчас назад побежит. Так и есть: на обратном пути опять встретились, Вешалка сердито на Алика глянул, и Алик подумал, что зря злорадствовал, мог бы и предупредить парня. Всё-таки две недели бок о бок жить, не два часа...

Минут через десять все наконец выстроились.

– Копайтесь, – сказал тренер. – Чтобы первый и последний раз... На построение – минута. С переодеванием – четыре. Побежали...

И потрусил впереди всех по дорожке, ведущей за ворота в лес.

Лес берёзовый, осиновый, еловый, таинственный, просвечивающий насквозь. Под ногами мягкая, усыпанная хвойными иголками земля, пружинит, помогает бежать. Тропинка неширокая, утоптанная, лёгкая тропинка. И темп бега невысок, прогулочный темп, Алик дома по набережной куда быстрее носился. Лёгкий ветерок упруго ударяет в разгорячённое жарой лицо, холодит грудь. Впереди, шагах в двух, машет ходулями Пашенко – как он ухитрился рядом попасть, вроде кто-то другой стоял. Как бы то ни было, а за Вешалкой хорошо бег вести: он не частит и не семенит, бежит ровно. Отдых, а не бег.

Увы, недолго так «отдыхать» пришлось.

Тренер в голове колонны, видно, припустил, потому что Пашенко чаще ногами заработал, и Алик, чтоб не отстать, тоже прибавил ходу. Стало потруднее. Местность пересечённая, то подъём, то спуск, поворотов – не счесть. Ветер уже не охлаждал лицо – жёстко бил по нему, пот тёк в глаза, слепил, ел солью. Солнце пропиралось сквозь кроны деревьев, норовило достать бегунов, ошпарить на ходу, поддать жару. Откуда-то взялись ветки по бокам тропинки – не было их раньше! – ударили по телу. Всё как в бане: жара, пот, берёзовые веники. Но Алик баню терпеть не мог, не видел в ней удовольствия, не сумел отец приучить его к парной.

Бежал из последних сил, ждал второго дыхания, а оно не являлось, и неизвестно было – существует ли оно на самом деле или это – выдумка досужих репортёров, которые сами не бегают, не прыгают, не плавают, не крутят педали, а лишь пишут о том, как «на двадцать пятом километре к нему пришло долгожданное второе дыхание». Где оно, долгожданное?

Так и не пришло.

Зато тренер темп сбавил, и Алик почувствовал, что ещё может бежать, ещё не падает. Пожалел, что майки не было. Сейчас бы сорвать её, вытереть на бегу пот... Рукой вытирать приходится. А рука – сама мокрая, как из воды.

Интересно, сколько они бегут? Часы не взял, оставил на тумбочке... А бежать-то полегче стало, и ветерок опять холодит. Что за чудеса? Ах, ёлочки какие красивые – словно ныряют в овражек. За ними, за ними... А тренер – железный он, что ли? – опять темп взвинтил, и замелькали по сторонам ёлочки. Красивые? Чёрта с два, не до красоты больше. Вверх по

склону, носом чуть землю не пашут. Вдоль оврага – быстрее. Сердце колотилось так, что казалось – выскочит, не удержится в грудной клетке. Алик прижал его рукой, но тут же убрал руку: труднее бежать, дыхание сбивается. Хватит ли его – дыхания? А Пащенко ещё быстрее помчался, и Алик опять попытался удержаться за ним, но понял, что не удастся, отстанет он от длинноногого Вешалки. И вдруг – как знамение – увидел впереди знакомый забор с золотыми воротами, жёлтенькие корпуса базы за ним и понял с облегчением: конец мукам.

Да, это был конец, но – первой серии. Без передышки железный тренер повёл их на задний двор, где они яростно пилили на козлах еловые стволы, кололи поленья. Впервые в жизни – если не считать сна с бабой-ягой – Алик взял в руки топор и, памятуя «сонный опыт», тюкнул, размахнувшись, по свежеспиленному кругляку. Топор со свистом рассёк воздух и воткнулся в землю рядом с поленом. Оно даже не шевельнулось. Алик озлился, повторил замах и попал-таки в дерево. Топор вошёл в него на полполотна, застрял – ни туда, ни сюда.

– Так дело не пойдёт, – сказал Александр Ильич, заметив тщетные потуги ученика. – Сегодня вечером вместо отдыха будешь тренироваться с топором. А пока не теряй темпа, иди попили. Это проще...

Не так-то и просто оказалось. Звенящее полотнище двуручной пилы гнулось и застревало в стволе. Напарником у Алика был Вешалка Пащенко. Алик ждал насмешки, но Вешалка только сказал:

– Не толкай пилу. Тяни её. Ты – на себя, я – на себя. Раз-два, раз-два... Поехали.

Поехали. Выходило толково. Рука уставала, но уже не от беспорядочной суетни, а от чёткого ритма: раз-два, раз-два. И усталость эта была приятной.

– Где ты пилить научился? – спросил Алик Вешалку.

– У деда в деревне. Мужчина должен уметь делать всё, иначе – грош ему цена.

– Всего не охватишь.

– Создай себе базу. Ты сейчас пилой помахал, навык появился. Попадётся тебе завтра другая работа, где без пилы не обойтись, справишься. Справишься?

– Не знаю...

– Справишься, справишься – база есть. Так и во всём. Научись чему-то одному, другое само получится.

– Научись бегать кроссы, прыжки сами пойдут. Так, что ли? – с иронией спросил Алик.

– А что ты думаешь? Бег – основа спорта. Как раз та самая база...

– А пилка-рубка – тоже основа спорта?

Тут серьёзный Пащенко позволил себе улыбнуться, даже пилу бросил, выпрямился, утёр пот.

– У каждого тренера свой метод. Знаешь, как спортсмены нашего Александра Ильича зовут? Леший... – засмеялся. – Да и то, как на его метод посмотреть: с одной стороны – блажь, а с другой – большие физические нагрузки на свежем воздухе. Группы мышц задействованы – те, что нужно. Ты подожди, то ли ещё будет...

Многое было. Находили тяжёлые валуны и таскали их на плечах по оврагу – вверх, вниз. Пащенко обозвал упражнение – «сизифов труд». Лазили по деревьям. (По классификации Пащенко – «игра в Маугли».) На скорость рыли ямы. («Бедный Йорик».) В позиции «ноги вместе» выпрыгивали из ям на поверхность. («Кенгуру».) До одурения скакали на одной (толчковой) ноге кроссовым маршрутом. («Оловянные солдатики».) И снова рубили дрова, бегали – уже на двух ногах – знакомой лесной тропинкой, подтягивались на ветках деревьев.

К середине срока Алик легко раскалывал топором внушительное полено, бегал кросс почти без одышки и начисто опережал Вешалку в рытье ям. Оказалось, что Валерка Пащенко – не зазнайка и не гордец, а отличный «свой» парень, много читавший, много знающий, весёлый и остроумный. Вообще Алик пришёл к выводу, что нельзя оценивать людей по первому впечатлению. Зачастую ошибочно оно, вздорно. А копни человека, поговори с ним по душам, заставь раскрыться – совсем другим он окажется. Как Вешалка. Как Дашка. Да и маман её Алик тоже за «формой» не углядел...

Алик начал присматриваться к окружающим и понимать, что негромогласный Леший, строгий Александр Ильич, не прощающий никому ни слабости, ни лени, распекающий виновного так, что ветки на деревьях дрожали, по вечерам один играет на баяне, напевает

тихонько, чуть ли не шёпотом, старинные романсы; лицо его в эти минуты становилось мягким, рыхловатым, глаза – мечтательные.

Да и извечная поза Алика: томный, скучающий поэт, любимец публики: «Ах-ах, вы меня всё равно не поймёте...» Где она, эта поза? Забыта за недостатком времени и сил: надо колоть дрова, скакать на одной ножке, бегать до посинения. Тренер не наврал: соки из своих питомцев он выжимал деятельно и умело.

Но, между прочим, прыгать не давал.

Говорил:

– Успеете, сперва мясца накопите...

В воскресенье поутру привёл всех на спортплощадку за футбольным полем, усадил на траву рядом с сектором для прыжков.

– Теперь и попрыгать можно, – сказал, потирая руки. – Наломались вы, как черти. Хорошо, если по полтора метра возьмёте.

И вправду взять бы... Алик твёрдо считал, что не перепрыгнет планку даже на привычной высоте сто восемьдесят сантиметров. И у Пашенко сомнения имелись. Шепнул Алику:

– Впору три дня трупом лежать...

Ошиблись оба. Сам Пашенко метр восемьдесят пять перемахнул, метр девяносто свалил. А Алик его на десять сантиметров обошёл, чуть в первачи не выбился. Большую высоту – два метра ровно – взял только Олег Родионов.

Но ему – восемнадцать, он на первом курсе Инфизкульты учится, за ним не утонишься... И то: сел, в затылке почесал.

– Где мои два десять? – говорит.

А тренер доволен.

– Сегодня вы без подготовки показали приличные результаты. Обещаю: через неделю каждый из вас прибавит к личным рекордам по три – пять сантиметров. Поспорили?

Поспорили. Никто не отказался. Если выигрывает тренер, все в последний день перед отъездом бегут двойной кросс. Проиграет Леший, освобождает ребят от бега, зато сам дистанцию дважды бежит.

Лесные тренировки Александр Ильич не отменил вовсе, только сократил, выделив вечером по два часа на прыжки. Прыгали тоже по его методе: до упаду. Результаты потихоньку росли. Алик прыгал, не вспоминая о джинне Ибрагиме, и о его условии не вспоминая: врать было незачем и некогда. По вечерам с Пашенко уходили в лес – благо погода не подводила, жарой одаривала, – болтали о разном. Возвращались к отбою или к вечернему фильму по телику, по четвёртой программе, проходили мимо «лесопилки», как окрестил Пашенко дровяной склад. Алик лихо хватал топор, взмахивал – напололам разлеталось полешко.

– Кое-какой бицепс наличествует, – скромно говорил Алик, щупая мышцы.

Пашенко с завистью смотрел на него.

– А мне всё не впрок, – досадовал. – Кругом мускулистые, а я жилистый, как из канатов связан.

– На результаты комплекция не влияет, – успокаивал его Алик и был прав: у обоих показатели в прыжках, отмеченные красным карандашиком на листе ватманской бумаги, в столовой на стене, выглядели неплохо.

Стоит ли говорить, что в последний день сборов Алик преодолел планку на высоте два метра три сантиметра, а Пашенко сто девяносто восемь сантиметров осилил.

– Придётся вам, братцы, бежать, – злорадно сказал Александр Ильич. – Долг чести не прощается...

И побежали как миленькие. Дважды кроссовым маршрутом прошли. Хотели в запале третий раз уйти на дистанцию, да тренер остановил:

– Хватит, хватит... А то, может, до Москвы своим ходом? Так я автобус отпущу...

Раздал каждому по тонкой тетрадке, в которой – индивидуальный план тренировок на лето.

– Будете тренироваться больше, чем я требую, – будет лучше. Каши маслом не испортить. Кто живёт высоко, лифтом не пользоваться! О трамваях-троллейбусах забыть! Не ходить – бегать! В магазин – бегом! В кино – бегом! С девушкой гуляете – бегом!

– С девушкой бегом – неудобно, – сказал Родионов. Он про девушек знал всё, сам рассказывал.

– Много ты понимаешь, салага! Быстрее бежишь – быстрее роман развивается. Всё на бегу! Жизнь – бег!

– И прыжки, – вставил Алик.

– Вестимо дело, – согласился Александр Ильич. – А ты, голуба душа, далеко не исчезай. Через две недельки – городские соревнования в твоей возрастной группе. Будете участвовать вместе с Пашенко. Так что, кому сейчас отдых, а вам – самая работёнка.

– Практика у нас, – сказал Алик.

– Где?

– На стройке.

– Отлично! – обрадовался тренер. – Таскать поболее, кидать подальше! А по утрам-вечерам – работать, работать. И чтоб пот не просыхал...

Напутствовал так и в автобус отправил. Стоял у ворот, махал рукой, пока не скрылся «Икарус» за лесной стеной. Ехали иначе, чем в первый раз: гомон стоял в автобусе, пение, ор, шутки. А Алик думал с удивлением, что за минувшие две недели его ни разу не посетили вешие сны. Ведь джинн с Брыкиным, хотя и разными способами, но явились Алику, а бабулька-яга игнорирует, не кажет носа. Или не достоин он высокой чести? А может, повода не было, чтоб сон показывать, ни в чём не провинился? Скорее всего, так. Ну, это и к лучшему: городские соревнования на носу.

15

Утром Алик привычно бежал по набережной Москвы-реки и сам себя спрашивал: зачем он надрыгается? Зачем этот бег, если он свято блюдет «пограничное условие», а значит, умение высоко прыгать его не покинет и без тренировок? Казалось бы, глупость. Но Алик ловил себя на том, что не может он жить без утреннего «моциона», без каждодневных физических нагрузок, даже без хождения пешком на шестой этаж – как и велел Леший. Привычка – вторая натура. Коли так, вторая натура Алика была особой настырной и волевой. Она начисто забила первую – томную, изнеженную, ленивую, которая по утрам не хотела вставать, а холодный душ для неё был равносителен инквизиторским пыткам. Алик легко мирился с новой расстановкой сил, давил в себе лень, что нет-нет, а заявляла о своём существовании.

«А может, не стоит идти в спортзал?» – спрашивал он себя.

И сам отвечал: «Отчего же не пойти? Хуже не станет, а для разнообразия – приятно».

И шёл. И прыгал на тренировках на двести пять сантиметров. Правда, впритык к планке, но ни джинн, ни Брыкин, ни пропащая бабуля и не обещали ему чемпионских результатов. Помнится, разговор шёл о прыжках «по мастерам». А двести пять сантиметров и есть тот предел, который Алик себе поначалу установил. Конечно, аппетит приходит во время еды, но и он не должен быть слишком зверским...

Алик не афишировал своих тренировок и по-прежнему занимался один – по тетрадке Александра Ильича. Бим знал об этом, но по молчаливому уговору не вступал. Спросил только однажды:

– Тебе не помочь?

Алик отрицательно помотал головой.

– Не стоит. Я сам.

Да и зачем ему помощь Бима, если весь тренировочный комплекс – лишь дань обнаглевшей второй натуре, а вовсе не первейшая необходимость. Прыгает он и так – будь здоров, а тренируется по вечерам только затем, чтобы из хорошей формы не выйти, здоровью не повредить. А то были нагрузки и – нет их. Так и растолстеть можно, сердце испортить. Видел он старых спортсменов, которые резко бросили тренироваться. Смотреть на них противно...

Бим руководил практикой девятиклассников на строительстве жилого многоквартирного дома. Дом огромный, длиннющий, одних подъездов – двенадцать штук. И этажей двенадцать.

«Упавший на бок небоскрёб», – шутил лучший друг Фокин, и Алик отмечал, что сам Пашенко не сострил бы лучше.

Он сравнивал Фокина и Пашенко. Вешалка – остряк, умница, с ним интересно потрепаться. Алик, считавший себя начитанным «под завязку», рядом с Валеркой терялся, больше слушал, меньше говорил, и это немного мешало ему – он привык быть первым. С Сашкой Фокиным значительно легче. Здесь Алик первенствует заслуженно и безоговорочно. Что он скажет, то и закон. Зато Фокин – надёжнейший человек, не подведёт никогда. С таким, как говорится, хоть в разведку иди, хоть в атаку. И ни в кого не играет. Он – Сашка Фокин, и никто иной.

Пашенко тоже не особо актёрствует – по крайней мере, с Аликом, – но поза в нём чувствуется. Поза такого доброго хорошего малого, который только чуть лучше друга, чуть умнее, чуть образованнее. Но это «чуть» никому не заметно, не выказывает он своё «чуть», прячет глубоко-глубоко. А всё же у Алика зрение стопроцентное: как глубоко ни прячь, а углядит...

И вот ведь что: он сам себя с Фокиным точно так же ведёт. И точно так же думает, что Фокин того не замечает. А если замечает? Не надо недооценивать лучшего друга...

Алик старался цепко ловить «миги ложного превосходства», как он называл их, быть естественным, самим собой.

Фокин как-то сказал ему:

– Здорово ты изменился, пока на сборах был.

– В чём изменился?

– Меньше выпендриваться стал, – охотно и просто объяснил лучший друг.

Значит, видел он, что «выпендривался» Алик, видел и не обращал внимания: первому всё прощительно. А может, прощал он Алику его фортели, потому что сам сильнее был. Не физически, нет – характером. Недаром мама Алику всегда в пример Фокина ставила: «Саша занимается, а ты ленишься... Саша – человек целенаправленный, а у тебя – ветер в голове...»

Что ж, так и было. А нынче «ветер в голове» поутих, и Сашка это почувствовал. И сказал про «выпендрёж», потому что увидел в Алике характер. Равным себе признал – опять-таки по характеру. А что Алик книжек побольше его проглотил – не считается. Дело наживное. Так что Пашенко тоже пусть не шибко задаётся...

Между прочим, виделись они с Пашенко пару раз, принёс Вешалка воспоминания об Анатоле Франсе. Алик прочитал – скучной книжица показалась...

И Дашка уловила в Алике перемены.

– Ты стал каким-то железным, – сказала она.

– Много звону? – пошутил Алик.

– Слово «надо» для тебя значит больше, чем слово «хочу».

– Это плохо, по-твоему?

– Не плохо, но странновато. Ты или не ты?

– Я, я, – успокаивал он Дашку, а сам подумал: «Быть железным не так уж скверно. Мужское качество».

И всё-таки Дашка ему льстила: не такой он железный, как хотелось бы. Суровое «надо» далеко не всегда перевешивало капризное «хочу». И с этой точки зрения Алик не слишком изменился. Во всём, кроме тренировок.

Но слово сказано. И Алик невольно поглядывал на себя со стороны не без гордости: и когда нёс кирпичи по качающимся дощатым мосткам на последний этаж (хотя мог воспользоваться грузоподъёмником), и когда тащил на плече чугунную мойку для кухни (хотя Фокин предлагал помощь), и когда остервенело рыл траншею для кабеля (хотя все ждали юркий тракторок «Беларусь» с экскаваторным ковшиком). Всё это было нужно и не нужно Алику. Нужно, потому что Александр Ильич не зря советовал «брать больше, кидать дальше» – такая строительная формулировка тренировочного метода Лешего. Не нужно, потому что нагрузки эти сильно пахивали показухой. Не мог-таки Алик избавиться от роли, которую нравилось ему играть, от красивой роли железного человека, для кого «нет преград ни в море, ни на суше», как пелось в старой хорошей песне.

А почему, собственно, роль? Разве Алик не был именно таким человеком? Разве не

преодолел он себя, своё безволие, свою мягкотелость? Захотел стать первым – стал им.

И странная штука: он совсем не вспоминал о своих вещих снах. А в первых-то он оказался лишь благодаря их загадочной и неодолимой мощи – и только так. Но пропали они, не снились больше, спал Алик без сновидений, уставал за день – ужас как, влезал вечером под одеяло, обнимал подушку и отключался до утра. И ночь пролетала, как миг: только-только заснул, а уже пора вставать, пора бежать на Москву-реку, пора отмахивать свои километры, а потом лезть под довольно противный, но крайне необходимый организму прохладный душ. Словом, всю доказывать свою замечательную «железность».

Короче говоря, забыл он о первоисточнике своих грандиозных достижений, поверил в себя, и только в себя. Ещё бы: сила воли плюс характер, как уже не однажды было отмечено.

Но в этой выведенной Аликом прекрасной математической формуле имелось ещё одно слагаемое. «Сказка», «небыль», «миф», «фантастика», «сверхъестественная сила» – как угодно назовите, не ошибётесь. И не учитывать его – для вычисления конечного результата – опасно. Говорят же: чем чёрт не шутит...

Как-то после работы, ближе к вечеру, поехали они с Дарьей свет Андреевной в Сокольнический парк – покататься на аттракционах, поесть мороженого, побродить по лесным дорожкам. Скинулись наличными, почувствовали себя миллионерами. По нынешним временам аттракционное веселье стоит недёшево: тридцать копеек за три минуты сомнительной радости. На всё хватило. Поахали на «Колокольной дороге», протряслись на «Лохнесском чудовище», промокли под фонтанными брызгами на «Музыкальном экспрессе», в кегельбане выиграли для Дашки блестящее самоварное колечко с ярким пластмассовым самоцветом. В «Пещеру ужасов» не попали: очередь в неё казалась ужаснее самого аттракциона. Купили по стаканчику шоколадного, двинули в лес. Хоть и невелик он в Сокольниках, зато тих, веселящая публика не бродит по его тропинкам, сюда больше влюблённые парочки забредают. А чем Даша с Аликом от них отличались? Ничем. Разве тем, что скрывали они друг от друга свою робкую влюблённость, так старательно скрывали, что всем вокруг она ясна была. Всем, кроме них.

Как непохож он был – этот парковый чистенький лесок, ухоженный горожанин, старательно притворяющийся диким и грозным, на тот лес в двух часах езды от Москвы, где Алик на своих двоих познавал тяжкую науку «быть первым». Как, тем более, не похож он был и на тёмный, грибной да ягодный трубинский лес, где тропки не утопаны, трава не примята, где жила весёлая баба-яга, большая любительница человечины.

Лес-притворяшка ничем никого не пугал, потому что отовсюду слышались совсем не девственные, не лесные звуки: автомобильный гуд, запрещённый звон клаксонов, отдалённое пение репродукторов в луна-парке и близкое пение гуляющей публики, нестройное пение «Подмосковных вечеров», «Уральской рябинушки» и «Арлекино».

Парк гулял.

Но Алику с Дашей все эти посторонние звуки были, как говорится, до лампочки, ничего они не слышали, и лес в их присутствии сразу почувствовал себя настоящим дремучим бором, каким, собственно, они и хотели его видеть. Шли они, шли, ели мороженое, говорили о пустяках: о практике, о грубом прорабе, который «девочек за людей не считает»; о Биме, который трижды вступал в справедливый спор с грубияном и выходил из него победителем; о стихах, которые Даша прочла, пока Алик «рубил дрова» на спортивной базе; о дровах, которые Даша видела только в кино, ибо никуда из Москвы не выезжала дальше пионерлагеря, а там, как водится, паровое отопление. Шли они так и чувствовали себя если не на седьмом, то – не ниже! – на шестом небе.

И вдруг – сюрприз. Неприятный. На полутёмной аллею образовалась компания подростков – не старше Дашы с Аликом. Трое парней-волосатиков, две русалочки в джинсах, непременная гитара – семиструнная «душка», непременная же бутылочка на скамейке, заветная полулитровочка с дешёвым крашеным портвейном. Подрастающее поколение ловило «кайф». И видать, словило оно этот не ведомый никому «кайф», потому что дрожали струны гитарные, тренькали под неумелыми пальцами, качали бедрышками русалки в такт струнам, тянули хриловатыми «подпитыми» голосами нечто заграничное, влекущее, вроде: «Дай-дай-гоу-бай. Бай-бай-лоу-лай». Или что-то похожее.

– Алик, давай повернём, – прошептала Даша. Ей стало страшновато.

– Почему? – твёрдо спросил Алик. Ему тоже было страшновато.

– Я тебя прошу, – настаивала Даша.

– И не подумаю, – сказал Алик, и сказал это довольно громко, потому что гитарист перестал брэнчать, русалки умолкли, и все повернулись к Даше с Аликом.

– Смотри-ка, – удивлённо произнёс один из парней. – Влюблённые.

Судя по тону, он был потрясён тем, что увидел. Или, скорее, вошёл в роль. Роль паркового супермена, повелителя аллей, Джека-потрошителя-почтеннейшей-публики – не из последних любителей «кайфа». Согитарники не желали уступать премьерства в этом амплуа.

– У них глубокое чуйство, – сказал второй супермен, сложив губы трубочкой.

– Ромео и Джульетта, – не остался в стороне третий, видимо самый начитанный.

Девицы хихикали. Поворачивать было поздно, и Даша поспешила дать ещё один совет:

– Не обращай внимания, Алик.

Алик и рад был бы не обратить внимания, пройти мимо с независимым видом: ну, поиздеваются, позлословят – что за беда! Так он и поступал когда-то, случались с ним подобные приключения раза два или три, и ничего – чистеньким из них выбирался. Но тогда не было Дашки... Мелькнула мыслишка: а не дёрнуть ли отсюда? Схватить Дашку за руку и – ходу. Дашка поймёт и простит: она сама перепугана до смерти, поджилки трясутся – на весь лес слышно.

Дашка-то простит, верно, но простит ли он себе сам? Сумеет ли он встретиться с ней завтра, послезавтра, через месяц? Он – железный человек, «сила воли плюс характер»? Может быть, и сумеет, да только тошнѐхонько будет...

И всё-таки шёл молча, держал Дашку за локоть, чувствуя, как напряглась её тоненькая рука. Вдруг пронесёт?

– Парень, закурить у тебя не найдётся? – Это была уже классика, знакомая Алику по книгам и фильмам, да и парням этим по тем же источникам знакомая. «Литературщина», – сказал бы отец.

– Не курю, – ответил Алик проверенной фразой.

– А девчонка?

– И она не курит, – стараясь говорить твёрдо, объяснил Алик, сильно сжав Дашкин локоть.

– А это мы щас проверим, – произнёс один из суперменов, но неуверенно произнёс. Знал, что роль требует продолжения, требует крепких слов и красивых действий, но нечасто он играл эту роль, не обтёрся в ней. И Алик почувствовал неуверенность парня, осторожно шествующего к Дашке, почувствовал, и легко ему стало, легко и пусто, как перед самым первым прыжком – тогда в саду, всего на метр сорок.

– Осади назад, – сказал он парню.

– Повтори, не слышу, – старательно смягчая гласные – о, всесильная роль! – потребовал супермен.

– Осади назад.

– Поучи его, Кока, – капризно протянула русалка.

Кока шагнул к Алику, но Алик не стал дожидаться «урока». Он ударил первым. Ударил так, как видел в десятках фильмов. Ударил в нахально выдвинутый подбородок Коки, вложив в удар всю тяжесть своего тела. И Кока упал. И остался лежать. Это был чистый нокаут, выключивший супермена из действительности по меньшей мере на минуту. Впору бежать за нашатырём, махать мокрым полотенцем, – делать искусственное дыхание. Две недели истязаний по методу Лешего, две недели рубки и пилки дров, таскания булыжников и рытья траншей сделали своё дело. На это Леший и рассчитывал, хотя в его расчёты явно не входила встреча с суперменами.

Алик не стал дожидаться, пока Кока очухается или же его малость остолбеневшие кореша придут ему на помощь. Он перешагнул через нокаутированного соперника, подхватил массивную садовую урну, стоящую около скамейки, рывком поднял её.

– Убью, сволочей! – надрывно заорал он и пошёл на изумлённую компанию, держа урну перед собой.

И супермены дрогнули. Не то чтобы они испугались явно сумасшедшего влюблённого.

Просто их ни разу в жизни не били урнами, а неизвестность всегда пугает. И когда Алик, не в силах больше удерживать вонючую громадину, по-извозчичьи ухнув, метнул её в прямо лежащую на земле гитару, и гитара треснула, как взорвалась, зазвенели порванные струны – тут уж супермены дали дёру.

– Бежим, – шепнул Алик Дашке.

И они помчались. Супермены через некоторое – очень небольшое – время придут в себя, поймут, что их одурачили, заметят, что их всё-таки трое против одного, пусть даже боксёра (удар-то техничным вышел, кого угодно смутит...), вернутся мстить. А мстить некому: обидчики скрылись. И скрываться не показалось им стыдным: первая победа осталась за Аликом, первая и теперь окончательная.

Алик бежал легко – привычка! – тащил за собой Дашку. Когда они выскочили на центральную аллею, ведущую к выходу, Дашка взмолилась:

– Алик, я не могу больше...

Он притормозил. Далее нестись как угорелым было бессмысленно. Супермены с русалками затерялись позади, топота погони не слышать, да и погоня здесь обречена на провал: вон милиционеры на мотоцикле проехали, вон дружинники газировку с сиропом пьют, по сторонам поглядывают.

– Хочешь, посидим, передохнем? – спросил Алик. Он уже ничего не страшился.

– Ой, что ты, поехали домой. Я вся дрожу.

«Я вся дрожу» – явно из чьего-то репертуара. То ли леди Гамильтон, то ли Бекки Тэтчер из великой книги Марка Твена. Но Алик не пытался обнаружить источник реплики, он просто обнял Дашку за плечи – впервые в жизни! – прижал её к себе, почувствовав, что она и вправду дрожит – скорее от испуга, чем от холода. Да и какой холод – под тридцать по Цельсию, несмотря на вечернее время...

Так они и дошли до метро. И в вагоне он не убрал руку, а Дашка не протестовала. Ехали – молчали, не вспоминали о происшедшем. И только когда шли от метро к дому по яркому и людному Кутузовскому проспекту, Дашка рассмеялась.

– Ты что? – спросил Алик.

– Как ты их... урной... – Она уже и говорить не могла – от смеха.

И Алик охотно вторил ей, вспоминая, как возвышался таким Гераклом, швырял чугунный сосуд, как взрывалась гитара, не привыкшая к столь грубому обращению.

Отсмеявшись, сказал:

– Перетрусил я – стыдно признаться.

– А вот врать не надо, – строго сказала Дашка.

– Я не вру, – опешил Алик. Стоит правду сказать, как тут же во лжи обвиняют. А соврёшь – верят без оглядки. Где справедливость?..

– Врёшь, и бесстыдно. Если бы перетрусил, я бы чувствовала. А ты шёл, как статуя Командора, ни жилочка не дрогнула. Говорю: железным стал. Прямо стальным.

А в подъезде на лестнице у своей двери встала на цыпочки, быстро поцеловала его в щёку, шепнула:

– Спасибо тебе, – и скрылась за дверью.

Когда она только отпереть её сумела? Чудеса...

Алик остался на площадке – дурак дураком. За что спасибо? За то, что «спас её из лап разъярённых хулиганов», как пишется в переводных детективных романах? Или за неудачный вечер?

Неправда, удачным он был. Неожиданным. Счастливым. И «спасибо» вовсе не Алику адресовано, точнее, не только Алику. Спасибо суперменам за то, что они позволили ему выяснить, наконец, отношения с Дашкой. Спасибо им за то, что он поверил в себя...

Подведя итог вечеру столь высоким «штилем», Алик потопал на свой шестой этаж. Размышлял: верно, что не пропали даром трудовые деньки на спортивной базе. И на практике не зря мойки взад-вперёд носил, кирпичи на двенадцатый этаж втаскивал. Кое-какая силушка появилась. А с ней – и умение той силой пользоваться.

Но Дашка-то: «врать не надо»... Алик даже головой покрутил от удовольствия. Эдак, охулкой, и дара можно лишиться. Слышал бы джинн сие обвинение...

Пришёл домой, поужинал, родителям про драку не стал рассказывать. Сообщил только, что катались на аттракционах, ели мороженое: отчитаться следовало, поскольку деньги на парк ссужали они. И лёг спать.

И спал опять без всяких сновидений.

16

Стройка – дело суетное. По утрам стоит шум в прорабской, ругаются бригадиры: то не так, это не так. Прораб лениво отругивается – скорее по привычке, чем по злобе. Накричавшись, успокаиваются, наскоро курят, расходятся: работать надо. Монтажники довольны: дом собран, стоит коробка, шерится целыми окнами. Теперь трудятся отделочники – маляры, штукатуры, сантехники.

Алик пробирался по утрам в прорабскую, сидел тихонько, слушал – дивился. Казалось, не устоять стройке: раствор не подвезли, трубы дождём мочены, рукавицы рваные, монтажники нахалтурили – в швах ветер свистит. Но держится дом. Запущен в ход дневной механизм работ, аукаются в пролётах девчонки-маляриши, спят синим пламенем сварщики – «зайчика» не поймай, не ослепни, пылят колёсами МАЗы и ЗИЛы. И раствор откуда-то взялся, и трубы, оказывается, дождём не погублены, и рукавицы справные, а что до швов – держатся швы, свой срок выстоят.

Живёт стройка особой жизнью. Крику много, а работа идёт: крик – не помеха работе.

Алика определили учеником слесаря-сантехника. Он пришёлся в бригаде ко двору, заимел кепку с пуговкой – как у бригадира, вечно таскал за поясом комбинезона разводной «газовый» ключ – для форсу, как тяжёлый знак профессии. Пользоваться им пока не приходилось. Сварщики варили трубы, а бригада устанавливала батареи центрального отопления – деликатная работа, куда ученика не допускали. Смотреть смотри, а ключиком не лезь.

Смотрел. Помнил пащенковское: мужчина должен уметь всё. Мама вызывала слесаря, когда тёк кран или засорилась труба, вся семья взирала с благоговением на великого умельца, ничего не понимая в его деле. Теперь не придётся «варяга» звать, Алик сам справится. Он – мужчина.

Дашка работала в бригаде маляров, и ей уже доверялся даже краскопульт. Девчонки в бригаде – немногим старше Дашки, только-только из профтехучилища. Бригадирше, пожилой женщине, всё равно, кого учить: их или Дашку. Дашка прослыла способной, удостоилась лестного бригадиршиного предложения:

– Закончишь школу – айда ко мне в бригаду. К делу ты с душой относишься, а заработки у нас хлебные.

Дашка обещала подумать, чтобы не обижать бригадиршу. Сама для себя всё давно решила: станет геологом. Или географом. В общем, путешественником. Горячили ей лоб вольные ветры дальних странствий. Одно теперь останавливало: как с Аликом быть? Он в Москве, она в экспедиции – нехорошо. Утешалась: школу надо закончить, в институт поступить, почти шесть лет проучиться – срок немалый. Там видно будет.

Алик знал о её мечтах, но всерьёз к ним не относился. Его не волновали завтрашние заботы, нынешних по горло хватало. Через несколько дней – городские соревнования. Бим подходил, напоминал, и Александр Ильич домой звонил, спрашивал: как успехи? А какие успехи? Двести пять – ни сантиметром выше. Да и этот результат не очень стабилен. Нет-нет – а собьёт планку. Понимал, что у каждого возраста есть свой предел. И так он свой предел с помощью «нечистой силы» легко приподнял. Такая высота в его годы – почти сенсация. Из молодёжной газеты корреспондент на стройку приходил, интервьюировал Алика. В воскресном номере появилась заметка под названием: «Есть смена мастерам!» Корреспондент не утерпел, воспользовался подсказанной Аликом фразой-каламбуром, написал в конце: «Кто прыгнет выше Радуги?» По всему выходило, что – никто. Но Алик нервничал: не шла высота. Похоже, что у дара оказалось ещё одно «пограничное условие» и выполнялось оно без исключений: двести пять сантиметров, дальше – потолок, как ни изнурял себя Алик тренировками.

И не соревнования тревожили Алика. Соревнования – ерунда! Выиграет он их. Но что дальше будет? Прибавит ли он когда-нибудь толику к заколдованным двумстам пяти? Прыгнет

ли «выше Радуги»?

Поделится заботами с Дашкой:

– Тренируюсь, как псих, сама знаешь, а с места не сдвигаюсь.

– Может, стоит отдохнуть? – сердобольно посоветовала Дашка. – Есть такой термин в балете – «затанцеваться». То есть – переработаться. Мне кажется, ты затанцевался.

Похоже, Дашка права. Буркнул нехотя:

– Отдохну. Отпрыгаю соревнования и месяц к планке не подойду. Гори она ясным огнём...

Они сидели на подоконнике в квартире на втором этаже. Широкий подоконник, жильцы загорать смогут. Дашка обняла двадцатилитровый бидон с краской, который какой-то умник забыл на окне. Алик мельком подумал: снять бы его, переставить на пол, не ровен час – загремит вниз. И ещё подумал: лучше бы Дашка не бидон обнимала, а его, Алика. Но не сказал о том вслух, постеснялся. Только накрыл своей ладонью Дашкину – узенькую в белых пятнах краски. Так и сидели.

– А Фокина мне жалко, – сказала Дашка.

– Почему? – удивился Алик.

– Был первым прыгуном, в ус не дул, а лучший друг ему такую свинью подложил.

– Какую такую?

– Вот такую, – осторожно высвободила ладонь, широко развела руки, показав, какую свинью Алик Фокину подложил, а потом опять аккуратно просунула свою ладошку под Аликову – на место. Засмеялась, довольная шуткой.

Алик возмутился её словами. При чём здесь он? Если Фокин завтра начнёт писать стихи лучше Алика, то выходит, называть его предателем? Вздор!

– Не я, так другой. Прыгать лучше надо.

– Он неплохо прыгает. Бим так считает.

– Бим с ним и носится, на меня – ноль внимания.

– А ты и обиделся. Ой, сиротка...

– Думаешь, не обидно? Я как спортсмен сильнее, мне знания тренера необходимы.

– Он их слабому отдаёт.

– Помогут они слабому как мёртвому припарки...

И ведь понимал, что глупость говорит, гадкую глупость, а не мог остановиться, несла его нелёгкая: злость подавила разум. И откуда она взялась – чёртова злость? Копилась подспудно: злость на неудачи (не идёт высота...), злость на Бима (даже не заглянет в спортзал, как будто не существует никакого Радуги). Пустая и вздорная злость – от непривычной усталости, от постоянного нервного напряжения. И подавить бы её, посмеяться вместе с Дашкой над не слишком ловкой шуткой, забыть... Поздно.

– Знаешь, о чём я думаю? Завидует мне Фокин. И Бим завидует, – вскочил, заходил по комнате. – Один – успеху, а другой – тому, что не он этот успех подготовил...

– Алик, ты с ума сошёл! – закричала Дашка. – Прекрати сейчас же! Ты сам не веришь в то, что говоришь.

Не верил. Конечно, не верил...

– Не верю? Ещё как верю. А если ты Фокина с Бимом жалеешь, не по пути нам с тобой.

Сказал и увидел, как наливаются слезами Дашкины синие глаза-блюдца.

– Не по пути? И пожалуйста! – резко соскочила с подоконника, оттолкнувшись от него руками, и, видно, задела бидон – непрочный он стоял, сдвинутый к самому краю. Алик так и замер на мгновение с открытым ртом, увидев, как покачнулся тяжёлый бидон. Потом рванулся к окну, оттолкнув Дашку, и – не успел. Только упал грудью на подоконник, обречённо смотрел вниз: бидон медленно, как в рапидной съёмке, перевернулся в воздухе – только плеснулась по сторонам белая масляная краска из широкого горла – и грохнулся на ящик внизу у стены. И в немую доселе картину нежданно ворвался звук: мерзкий хруст раздавленного стекла. Алик вспомнил: в ящике хранились оконные стёкла, с трудом «выбитые» прорабом на складе управления. Вчера утром на планёрке он с гордостью сообщил о том бригадирам. Алик тоже был на планёрке, слышал.

– Что я наделала? – Дашка лежала рядом на подоконнике.

Слёзы, что грязноватой дорожкой прошлись по её щекам, мгновенно высохли – от испуга. Алик взял её за руку, притянул к себе, погладил по волосам – осторожненько. И она опять заплакала – в голос, по-бабьи, прижалась лицом к замасленному комбинезону Алика. Алику было не очень удобно: разводной ключ за поясом больно впился в живот. Но он стоял не шелохнувшись.

Забыты все слова, только что сказанные, зачёркнуты напрочь – не было их. И ссоры не было. А был только день, обычный летний день, а посреди дня – двое. Он и она. Как в кино.

Ну и, конечно, – разбитое стекло внизу. Этого не зачеркнёшь, как ни старайся.

Алик нехотя отодвинул Дашку.

– Перестань реветь. Подумаешь, стекло. Не человека же ты убила?

– Да-а, «поду-умаешь», – всхлипывала Дашка, вытирала грязными ладошками слёзы. Скорее – размазывала по щекам. – Что теперь будет?

– Ничего не будет. Слушай меня. Я – железный, сама говорила, – и подтолкнул её к выходу. – Пошли вниз. Там уже хватились.

У ящика со стеклом стояла, казалось, вся стройка. Стоял прораб. У него было лицо человека, только что приговорённого к повешению: верёвка намылена и спасения нет... Стояли бригадиры, вполголоса переговаривались, соболезнующе поглядывая на приговорённого прораба... Стоял Бим, явно взволнованный. Во всех неполадках на стройке он тайно подозревал своих учеников и панически боялся, что подозрения когда-нибудь оправдаются. До сих пор он ошибался – до сих пор... Стоял Фокин, тяжело задумавшись о собственном будущем. Он работал со стекольщиками, и с завтрашнего дня они как раз собирались приступить к замене расколотых стёкол в квартирах. Теперь придётся передохнуть... Стояли Торчинский с Гулевых. Этим было просто любопытно знать, как развернутся события: шутка ли – такое ЧП!..

Алик протиснулся сквозь плотную толпу любопытствующих и подошёл к прорабу. Громко, чтобы все слышали, сказал:

– Моя работа, товарищ прораб.

– Не мешай, парень. Не до тебя, – отмахнулся прораб.

– Как раз до меня, – настаивал Алик. – Это я сбросил бидон со второго этажа.

Тут до прораба дошёл наконец смысл слов Алика. Он оторвал взгляд от любезного ему ящика и уставился на школьника, как будто впервые увидел.

– Каким образом? – только и спросил, потрясённый откровенным признанием.

– Нечаянно. Какой-то идиот оставил его на подоконнике, окно было раскрыто. Я хотел переставить бидон на пол – от греха подальше – и не удержал.

– Ты-ы... – прораб глотнул воздух, словно ему его не хватало, хотел добавить что-то крепкое, солёное, но сдержался, только рукой махнул.

– Я найду деньги, – быстро сказал Алик. – Я заплачу.

– Деньги... – сказал прораб. – При чём здесь они? Ты мне стекло найди. Последний ящик со склада выбил, надо же... Чем теперь окна забивать? Фанерой?

– Подождите, стойте! – к месту действия продиралась зарёванная Дашка, до которой (далеко стояла, не решалась подойти ближе) только сейчас дошёл смысл происходящего. – Это не Алик! Это я толкнула.

– Нечаянно? – с издёвкой спросил прораб.

– Нечаянно.

– Тоже переставить на пол хотела?

– Нет, я с подоконника спрыгнула, а он упал.

– Подоконник?

– Да бидон же...

– Не слушайте её, товарищ прораб, – твёрдо вмешался Алик. – Несёт чушь. Дев-чон-ка! – постарался вложить в это слово побольше презрения. – Я свалил и – точка, – и подмигнул Фокину: мол, уведи Дашку.

И верный Фокин мгновенно понял друга, схватил плачущую Дашку в охапку, потащил прочь, приговаривая:

– А вот мы сейчас умоемся... А вот мы сейчас слёзки вытрем...

Дашка вырывалась, но Фокин держал крепко. Ещё и Гулевых с Торчинским вмешались –

помогли Сашке: тоже не дураки, сообразили, что Дашка Алику сейчас – помеха в деле.

– погоди, прораб, – вмешался бригадир слесарей, руководитель практики у Алика. – У смежников на доме третьего дня я видел такой же ящик. А они, как ты знаешь, сдавать дом не собираются. Кумекаешь?

Прораб взглянул на бригадира с некой надеждой.

– Точно знаешь?

– Не знал бы – не лез.

– Бери мою машину и – пулей к ним. Проверишь – позвонишь. А с их прорабом я договорюсь, – потёр в волнении руки. – Неужто есть спасение?

Публика потихоньку расходилась. Прораб строго посмотрел на Алика, сказал:

– Хорошо, что честно признался, не струсил. А заплатить, конечно, придётся. В конце практики твой заработок подсчитаем и вычтем, что положено. Понял?

– Понял, – с облегчением ответил Алик.

Он был искренне рад: история заканчивалась благополучно. В том, что у смежников стекло найдётся, не сомневался даже прораб: знал, что бригадир впустую не говорит, не обнадёживает. И Алик это давно понял: не первый день с бригадиром трудится.

Бим к нему подошёл.

– Скажи честно, Радуга, взял грех Строгановой на себя?

– А если бы и так? – запетушился Алик.

– Если так, то неплохо. Мужчина должен быть рыцарем.

Что это всё стараются Алику объяснить, каким должен быть мужчина? То Пащенко свой взгляд на сей счёт доложил, теперь Бим. А Алик, выходит, – копилка: что ни скажут – собирает и в себе суммирует.

А Бим – с чего бы? – похлопал его по плечу, бросил, уходя:

– Растёшь в моих глазах, Радуга. Не по дням – а по часам.

Как будто Алику так уж и важно, растёт он в глазах Бима или нет. А всё-таки приятными показались Алику последние слова педагога. Что за примитивное существо – человек: обычной лестии радуется...

Потом к Фокину подошёл, спросил:

– Куда Дашку дел?

– Домой отвёл.

– Брыкалась?

– Не то слово. Просто психическая...

– Спасибо тебе.

– Рады стараться, ваше благородие!

И всё. Ни слова больше. Старая и крепкая дружба не терпит лишних слов, боится их. Гласит поговорка: сказано – сделано. У Сашки с Аликом – всё наоборот: сделано – значит, сказано.

Разошлись по рабочим местам: ещё целый час до звонка. Алик думал с раскаянием: «Подонок ты, Радуга. Заподозрил друга чёрт знает в чём, наговорил Дашке с три короба. Выдумал тоже: завидуют тебе... Скорее ты Сашке завидовать должен: это он – настоящий мужик, а ты – истеричная баба...»

Таскал на этаж радиаторы центрального отопления, представлял, как позвонит вечером Дашке, что они скажут друг другу.

17

Под городские соревнования отвели Малую спортивную арену в Лужниках. Каков уровень! Поневоле зазнаешься... Наро-оду на трибунах – пропасть! Места бесплатные, погода отличная, зрелище любопытное – отчего же не посетить. Свистят, орут знакомым на поле, едят мороженое. Репродукторы надрываются: «Мы хотим всем рекордам наши звонкие дать имена...»

Алик вышел из раздевалки, посмотрел по сторонам, послушал – даже поёжился. Привык он бороться один на один с планкой, в пустом школьном зале, куда только нянечка иногда

заглянет, скажет: «Ещё не отпрыгался, болезненький?» И никого больше. А тут – зрители. Хлеба и зрелищ им подавай. Хлеба они дома поели, а за зрелищами сюда явились. Будет им зрелище.

На футбольном поле возле ворот одиноко сидел Пащенко. Алик увидел его, закричал обрадованно:

– Валерка! – помчался к нему.

Обнялись, похлопали друг друга по спинам – давно не виделись, нынче уже третий день пошёл, как Алик к Вешалке домой заезжал, книгу отвозил.

– Как самочувствие? – строго спросил Пащенко.

– Жалоб нет.

– Какие прогнозы?

– Думаю всем рекордам дать моё звонкое имя.

– «Имя рекорда – Радуга». – Пащенко произнёс это и прислушался: как звучит? Звучало красиво. Заметил с сожалением: – Не то что – «Имя рекорда – Пащенко». Скучная у меня фамилия.

– Прыгнешь на двести сорок – зазвучит царь-колоколом.

– Лучше ростовскими колоколами. Царь-колокол никогда не звонил, если ты помнишь.

Алик засмеялся. Опять уел его всезнайка Пащенко. Знал Алик историю самого большого колокола, который так и не удалось повесить в звоннице, знал, да запомнил. А Пащенко ничего не забывает, тягаться с ним бессмысленно.

– Где Леший?

Пащенко огляделся по сторонам.

– Только что был здесь... Придёт, куда денется. Он помнит, что у вас, сэр, сегодня дебют.

– И у вас дебют, сэр, – в том же стиле отвечивал Алик.

– Куда нам, грешным... Вы, сэр, – премьер, а мы – статисты в вашем спектакле.

– Валерочка, не лицедействуй, – опять смеялся Алик, но шутивное замечание Вешалки было ему приятно. «Мания грандиоза», – сказал бы в таком случае отец.

Невесть откуда вынырнул Александр Ильич в своём «соревновательном» костюме: синяя куртка и красная водолазка, на шее – секундомер болтается.

– Готовы, отцы?

– Немного есть, – ответил Алик.

– Плохо, – поморщился Леший. – Скромность, конечно, украшает, но злоупотреблять ею не следует. Какой последний результат на тренировке?

– Сто девяносто восемь, – ответил Пащенко.

– Отлично. А у тебя?

– Двести пять, – сказал Алик.

Леший даже присвистнул.

– Ну, отец, ты дал! Никак, на рекорд мира замахнулся?

– Не буду злоупотреблять скромностью.

– И правильно. Если не остановишься, годика через три-четыре начнём штурмовать. А пока с осени – оба в мою группу. Возражения есть?

Возражений не было.

– Кто из сильных сегодня выступает? – спросил Алик.

– Советую присмотреться к двоим, – сказал Леший. – Номер семь – Баранов и номер одиннадцать – Файн.

– Ты их знаешь? – обратился Алик к Пащенко.

– Фаина знаю. Длинный такой, в очках. Стилем «фосбюри» прыгает.

– Спиной к цели, – презрительно протянул Алик.

– Когда цель не видишь – не так страшно, – пошутил Леший и, посоветовав напоследок: – Бойтесь Фаина, опасный конкурент, – умчался дальше – другим советам раздаривать.

Репродуктор потребовал участников соревнований к построению на парад. Построились. Под гремющий металл марш прошествовали мимо трибун, встали на футбольном поле. Выслушали три кратких речи, вытянулись по стойке «смирно», пока флаг поднимали. Всё как в районе, только поторжественнее. Разошлись кто куда. Бегуны – к месту старта. Метатели – к

своему бетонному кругу. Прыгуны – в сектор для прыжков. Судей на сей раз за алюминиевым столом было побольше, знакомых среди них что-то не видно. Обеспечено максимальное беспристрастие. У Алика – семнадцатый номер, у Вешалки – третий.

– Не повезло, – посетовал Валерка.

– Не бери в голову, – утешил его Алик. – Борись не с соперником, а с планкой. Она без номера.

Начальная высота – сто шестьдесят сантиметров. Детские игрушки...

Никто не сбил планку. Даже вторая попытка никому не понадобилась. Сразу видно: собрались лучшие в городе.

Сто шестьдесят пять. Ветерок откуда-то возник, нагонял тучу.

– Как бы дождь не полил, – сказал Валерка.

Вот когда придётся пожалеть о том, что не в шиповках прыгаешь. Размоет сектор, начнут тапочки по грязи елозить – разве прыгнешь? Станешь думать, как бы не упасть... Нет, зря Алик шиповками пренебрёг. Говорил ему Александр Ильич: пожалеешь, намаешься в тапочках, не в зале прыгаем. Кто не в зале, а Алик как раз в зале тренируется. Решил: с завтрашнего дня переходит на шипы. Просит у отца деньги, едет в магазин «Динамо» и отоваривается. Хватит кустарничать! А тренировки перенесёт на свежий воздух, на площадку в саду. И плевать на малышню: пусть смотрят на «дядю чемпиона», не сглазят...

Сто семьдесят на табло. Осмотрелся: борьбу продолжают все, никто не вылетел. Однако новая высота пошла труднехонько. Кому-то три попытки для её одоления потребовалось, а кому-то и трёх не хватило.

– Меньше народу – больше кислороду, – пошутил Пашенко, и по неожиданно плоской шутке Алик догадался, что друг волнуется.

– Всё будет тип-топ, Валера, держи хвост трубой.

Самому Алику тревожиться не о чём. Прыжки идут, как отрепетированные. Да они и вправду отрепетированы.

Сто семьдесят пять.

А занятно Файн прыгает. Разбегается по дуге к планке, взвинчивается в воздух штопором, зависает на долю секунды, прогнувшись, и – взял высоту. С первой попытки. Пижонит: толчковая нога – в шиповке, правая – в одном носке.

Алик примерился к высоте, отсчитал шаги до места начала разбега, пошёл на планку. Толкнулся сильно, взлетел хорошо, а при переносе тела задел планку коленом, упал на маты вместе с ней.

– Толчок слабый, совсем без запаса прыгнул, – сказал Валерка. – Что с тобой, Радуга?

Сам-то он высоту одолел, не поскользнулся.

– Спасибо за совет, – буркнул Алик, не надевая тренировочный костюм, побежал по полю: двадцать метров вперёд, двадцать назад – для разминки.

Догадывался: не в толчке дело. Хороший толчок был, как обычно. Не почувствовал тела – вот беда. Соберись, Алик, не расслабляйся...

Вторая попытка. Разбег... Толчок... Есть!

Пошёл на место, недовольный собой. Натянул костюм, сел, ноги вытянул.

– Опять запас минимальный, – недоумевал Пашенко. – Силы бережёшь?

Алик промолчал. Сил он не берёт, прыгал «на полную катушку». Что-то не срабатывало в отлаженном механизме прыжка. Что? И откуда-то вдруг появилось волнение, мандраж какой-то. В животе засосало. От голода?

Встал, сделал несколько наклонов, приседаний. Вроде отпустило. Пашенко на него с удивлением поглядывал, но в разговор не вступал: захочет Алик – сам заговорит, а пока пусть отмалчивается, если такой стих напал.

Тактичный человек Вешалка...

Высота – сто восемьдесят. Человек десять в секторе осталось. Пашенко уже первый прыгает.

Взял с первой попытки. Красивый у него полёт. Всё-таки «перекидной» – это вам не «фосбюри-флоп», тут – естественность, лёгкость, стремительность. А «фосбюри» – придуманный стиль, вымученный.

Файн так не считает. Берёт высоту «вымученным» стилем с первой попытки.

Алик ещё раз разбег проверил: двенадцать с половиной шагов – точно. Когда он прыгал, не видел никого, даже трибун не слышал – начисто выключался.

Но в голове словно контролёр включился. Следил за тем, как Алик бежал, даже шаги подсчитывал, учёл силу толчка, положение тела при взлёте. И, как бесстрастный свидетель, отметил холодное прикосновение планки к левому колену. Сбил!

Сороконожку спросили: с какой ноги ты начинаешь идти? Сороконожка задумалась, принялась считать, перебирать варианты и... не сумела шагнуть. Она не знала, с какой ноги начинать.

Алик сейчас напоминал себе эту сороконожку. Просчитывает, как бежит, как летит, а в результате – фиг с маслом. Отключить бы проклятого контролёра, не думать ни о чём – только прыгать. Автоматически, запрограммированно... И всё же: где ошибка? Что-то не получается при переходе через планку... Не скоординированы движения. Как? Маховая нога идёт над планкой... Здесь всё в порядке. Дальше – таз и толчковая нога. Вот где ошибка! Не успевает вытащить ногу. Надо резче...

Но во время прыжка – не думать о нём. Приказал себе: слышишь? Не думать!

Легко сказать – не думать. Пошёл на вторую попытку, сконцентрировал внимание только на планке. Вон она – тоненькая, матовая, лёгкая. А если представить себе, что нет её вовсе? Прыгай для собственного удовольствия и – повыше... Нет, есть планка, лежит она на крошках кронштейнах, чуть подрагивает...

Взял высоту.

Но как тяжело идёт дело! И вроде спал нормально, никаких волнений не наблюдалось, с Дашкой не ссорился, с родителями – мир и благолепие... Перетренировался?

А Валерка Пащенко уже впереди Алика – по попыткам. И летающий Файн впереди. А у Баранова тоже два завала имеются. Остальные участники – подальше, отстали.

Сколько остальных? Раз, два, три... Пятеро. Алик – шестой.

Высота – сто восемьдесят пять. Ещё вчера – тренировочная высотка. Как сегодня будет?

Пащенко... Зачастил ногами-ножницами, рыжие кудри – в разные стороны под ветром, толчок... Молодец, Валерочка! Чистым идёт, все рубежи – без осечек.

Очередь Алика.

– Отец, толкайся на полстопы ближе к планке.

Обернулся. Александр Ильич стоит, лицо сердитое...

Не оправдывает ваш талантливый ученик надежд... А совет испробуем. На полстопы ближе – значит, отсюда.

Вернулся к началу разбега, сосредоточился.

– Резче разбег!

Это уже в спину крикнул Леший. И Алик припустился к планке, оттолкнулся, перелетел через неё и, видно, задел напоследок: закачалась она, одним концом даже запрыгала на полке. Удержится?... Удержалась.

Алик полежал секундочку на тёплых матах, успокаиваясь. Что ж, вторая попытка на сей раз отменяется. Может, пошло дело, вырвался из заколдованного круга? Будем надеяться...

Вернулся, молча посмотрел на Александра Ильича: как, мол?

Тот сердит по-прежнему.

– Облизываешь планку. Силы где? Шлялся по ночам?

– Спал дома.

– Так я тебе и поверю... Такое ощущение, что ты потерял прыгучесть. Прыгаешь, как приготовишка...

Ушёл. Всего хорошего, Александр Ильич. У вас одно ощущение, у Алика другое. Ощущает он, что любите вы одних чемпионов-рекордсменов. Двести пять – такой результат вас устраивает. Сто восемьдесят пять сантиметров – побоку ученика, бездарен он, неперспективен. Обидно...

– Распрыгался, наконец? – спросил Пащенко.

– Надеюсь.

– А может, ты хочешь мне первенство уступить? Спасибо, не приму подарка. Только в

день рождения.

– А я авансом.

– Скорее долг отдаёшь. День рождения у меня в апреле был.

Посмеялись, и вроде легче стало. И следующая высота уже не казалась Алику недолимой. Подумаешь – сто девяносто сантиметров. Брали – не промахивались...

Между прочим, хваленый Баранов выбыл из соревнований. Пошёл отдохнуть. Похоже, ещё одна надежда Лешего не оправдала себя. А почему, собственно, ещё одна? Алик-то прыгает и сдаваться не собирается. Сто девяносто, говорите? Подать сюда сто девяносто!..

Пошёл Пашенко. Раз, два, три – высота наша!

– Хорошо, Валера!

– Тебе того же, Алик.

Спасибо... Разбежался. Толчок... Ах, чёрт, опять ногу не вытянул вовремя...

– Алик, у тебя зад не поспевает за всем прочим.

– Чувствую.

Прав Пашенко. А почему не поспевает? Не хватает толчка? Сильнее надо? А сильнее вроде некуда...

Файн, между прочим, тоже сбил планку. И тоже задом. Хоть слабое, но утешение.

Вторая попытка. Разбег... Не получилось. На этот раз Алик сбил планку грудью, даже не допрыгнул до высоты.

Пришёл страх. Что-то больно сжималось в груди, как перед экзаменом – бывало такое знакомое ощущение! – когда из тридцати билетов пять не успел выучить. И думаешь с замиранием сердца: а вдруг попадётся как раз один из пяти? Здесь то же: а вдруг не возьму высоту?

Утешал себя: вздор, высота обычная, привычная высота. Но сороконожка уже принялась за отвлекающий внимание подсчёт, а страх делал ноги ватными, беспомощными: не то чтобы толкнуться как следует – и разбежаться-то трудно...

Короче, не взял высоту. Снова сбил планку, пошёл к своему стулу, молча одевался.

– Уходишь? – спросил Пашенко.

Он понимал, что товарищу сейчас не нужны утешения. Особенно от того, кто счастливо продолжает прыжки, претендует на победу.

А ведь всё вышло по-пашенковски: подарил ему Алик первенство в счёт грядущего дня рождения. Нет, не подарил – в борьбе уступил, с великой неохотой, с душевными муками. Уступил, потому что оказался слабее – он, Радуга, который Пашенко до сих пор за равного соперника не считал!..

– Пойду. Счастливо допрыгать.

– Я позвоню.

– Ага.

Пошёл вдоль гаревой беговой дорожки к раздевалкам. Уже ныряя под трибуны, обернулся, увидел: Пашенко преодолел сто девяносто пять сантиметров, бежал от планки, высоко, по-чемпионски, поднимая руки.

Алик не понимал, почему он, одолевавший на тренировках два метра пять сантиметров, не сумел показать здесь хотя бы близкий результат? Двадцати сантиметров до собственного рекорда не допрыгнул. Почему? Почему? Почему?..

А если...

Нет, не может быть! Алик даже головой затряс, как намокший кот. Здесь что-то иное – обычное, спортивное.

И всё же другого объяснения не было: дар пропал. Без предупреждения, без снисхождения – как и было обещано.

Когда Алик нарушил условие? Вроде не было такого – не солгал никому. И вдруг вспомнилось: стройка, комната на втором этаже, бидон с краской, разбитое стекло...

Он же обманул прораба, спасая Дашкину честь! Ну и что с того? Главное – обманул, а причины обмана никого не интересуют. Как сказано: «ни намеренно, ни нечаянно, ни по злобе, ни по глупости, ни из жалости, ни из вредности».

Но ведь три дня с тех пор прошло, а дар исчез только сегодня. Сегодня ли?..

В Алике боролись двое: один – испуганный, сопротивляющийся, не верящий в беду; другой – холодный, рассудительный, всё понимающий. И этот «холодный» знал точно: в последние дни на тренировках Алик в высоту не прыгал. Только – бег, перекладина, физические нагрузки на воздухе. А дар, естественно, исчез как раз в тот момент, когда Алик произнёс сакраментальное: «Моя работа, товарищ прораб!»

Хотел быть рыцарем? Будь им, на здоровье! Только прыгать-то уже не придётся. Ходи по грешной земле, дорогой рыцарь Радуга...

И, только подъезжая к дому, сообразил: а как же сто восемьдесят пять сантиметров? Взял он их или нет? Выходит, что взял: дело наяву происходило, при большом скоплении свидетелей. Без всякого дара взял, сам по себе...

18

А ночью Алику снова приснился вещий сон – пятый по счёту за такое короткое время. В самом деле, другим за всю жизнь и одного вещего сна не положено, обычные донимают, а пятнадцатилетнему гражданину – сразу целых пять. Да приплюсуйте к тому сеанс телепатии – на уроке по литературе, когда «нечистая сила» общалась с Аликом посредством школьного сочинения. Явный перебор.

И тем не менее – пятый сон.

Будто послала мама Алика на рынок – картошки купить, редиски, лука зелёного, петрушки, укропа. Помидоров – если недорогие. А Алик двугривенный в кармане заначил – на семечки.

Идёт он вдоль рядов, выбирает редис покрупнее. У одной тётки хорош, крепок, да мелковат. У другой – крупный, но стриженный – без хвостиков. А Алику редиска в пучках нравится. И вдруг – есть, голубчик. Как раз то, что хотел, что доктор прописал, как говорится.

– Почём редиска? – спрашивает.

– Пятачок пучок, – слышит в ответ.

Удивился: что за цена такая странная? Больно дёшево. Посмотрел на торговку – ба, знакомые все лица!

– Здравсьте, бабушка.

– Здоров, коли не шутишь, – отвечает ему торговка, в которой – как мы уже поняли – Алик признал весёлую старушку из трубинского леса, могущественную бабу-ягу, властительницу Щёлковского района, а может, и всего Подмосковья. Кто знает?..

– Поговорить надо. – Алик строг и непреклонен.

Но и бабка не сопротивляется.

– Да я для того и на рынок вышла.

– А редиска как же? – удивляется Алик.

– Камуфляж, – бросает бабка, – чтоб не заподозрили враги.

Алик не выясняет у неё, каких врагов она опасается. Просто спрашивает:

– Где побеседуем?

– А здесь и побеседуем, – чуть ли не поёт бабка. – Ты за барьерчик зайди, сядь на бочечку. Она хоть и сырая, зато крепкая.

Алик ныряет под прилавок, ощупывает бочку.

– Что там?

– Огурчики, – суетится бабка. – Тоже для камуфляжа.

– Малосольные?

– Они. Никак, хочешь?

Любит Алик хрупать малосольным огурцом, трудно отказаться от искушения.

– Пожалуй, попробовал бы, – борясь с собой, говорит он и тут же сурово добавляет: – Для камуфляжа, конечно.

– Да разве я не понимаю? – Бабка достаёт огурец – крепкий, лоснящийся от рассола, в мелких пупырышках, а к нему – горбуху чёрного хлеба. Царская еда!

Алик даже забыл, зачем ему баба-яга понадобилась. Но ничего, зато она помнит.

– Как соревнования прошли? – интересуется.

– Плохо, – отвечает Алик с набитым ртом.

А бабка-иезуитка хитренько спрашивает:

– Что так?

– А вот так. Ваша работа?

– Отчасти моя, – серьёзно говорит бабка. – Отчасти – коллеги постарались.

– Какие коллеги?

– Ты с ними знаком. Почтенный джинн Ибрагим Бекович Ибрагим-бек и уважаемый профессор, доктор наук Брыкин.

– А вы и Брыкина знаете?

– Не имею чести, – поджимает губы баба-яга. – У него другие методы волшбы – современные, научные. И другой круг общения – чисто академический.

Чувствовалось, что бабка не одобряет ни научных методов Брыкина, ни его коллег-академиков. Не любит нового, по старинке жить предпочитает.

– Чем же я вам помешал? – В голосе Алика слышится неподдельное горе. – Прыгал себе, никому о вас не рассказывал...

– А рассказал бы – поверили?

– Нет.

– То-то и оно. Ты нас, внучонок, сюда не приплетай. Предупреждали тебя: соврёшь – прощайся с даром. Предупреждали или нет?

– Ну, предупреждали... Что ж я, нарочно соврал?

– А то нечаянно? – возмущается баба-яга. – Всё продумал, прежде чем на себя напраслину взять.

– Так ведь напраслину...

– А нам какая разница? Есть факт.

– Даже суд не берёт в расчёт голый факт, всегда рассматривает его в совокупности обстоятельств, – сопротивляется Алик. – А у меня налицо – смягчающие обстоятельства.

Баба-яга ловко отрывает от пучка головку редиса, трёт её о рукав телогрейки, кидает в рот, хрустит. Говорит равнодушно:

– Обратись в суд. Так, мол, и так, обдурила меня баба-яга, отняла умение прыгать через палку, не вникнув в суть дела. Подойдёт? – и хрустит редиской, и хрустит. Прямо как орехи её лопают.

Алик отвечает:

– Вы меня не поняли. Я про суд для примера сказал.

– И я для примера. Пример на пример – копи опыт, пионер.

– Я – комсомолец, – почему-то поправляет Алик.

А она и рада поправке.

– Тем более. Где твоя комсомольская совесть? Обещал условие блюсти? Обещал. А нарушил – плати.

В её руке, откуда ни возьмись, появляется ещё один огурец. Она протягивает его Алику, и он машинально начинает хрустеть – не тише, чем баба-яга редиской.

– И потом, чего ты суетишься зазря? – спрашивает она. – Тебе дар просто так отвесили, а ты его зачем-то начал тренировками подкреплять. Наподкреплялся до того, что и без дара выше головы сигаешь. А ведь ещё месяц назад не мог. Не мог, внучок?

– Не мог.

– А сейчас можешь. Ну и прыгай себе на здоровье, Дашке на радость. Тренируйся – «по мастерам» запрыгаешь. Без нашей помощи.

– Не запрыгал же...

– Да ты, милый, совсем обнаглел. За паршивый месяц Брумелем захотел стать? А вот фиг-то!

Вокруг них живёт базар, живёт своей угодливо-равнодушной жизнью. Вокруг них продают и покупают, разменивают десятки на рубли, а рубли на гривенники. Вокруг них спорят и ссорятся, милуются и ругаются, ликуют и страдают, и никому нет дела до крепкой бабки в телогрейке и валенках и её внучка-переростка. Но вот кто-то останавливается рядом, щупает бабкину редиску.

– Почём овощ?

– Обед у меня, – огрызается баба-яга. – Не видишь, любимый внучок мне полдник притаранил. Имею я право на обеденный перерыв, имею или нет?

Перепуганный страстным напором покупатель немедленно соглашается, теряется в толпе, а довольная баба-яга обращается к Алику:

– Вот что, милый, иди-ка ты домой, отоспись как следует – без сновидений. Забудь о неудаче на этих... состязаниях. Бери поутру свою Дашку распрекрасную, катай её на речном трамвае, редиской угощай. Отдыхай, в общем. А отдохнув, начинай прыгать. Ведь есть у тебя

план, что лесной тренер составил, ведь есть?

– Есть.

– Осваивай. Под лежащий камень вода не течёт. И забудь о вещих снах напрочь. Не будут они тебе больше сниться. Никогда в жизни.

Она гладит Алика по волосам заскорузлой, разбитой работой крестьянской рукой. Да и в самом деле, откуда у неё маникюрю взяться? Дрова наруби, печь протопи, редиску-картошку прокопай, прополи, корову подои – тяготы. А колдовство – это так, забавка...

– А зачем вы мне явились? – недоумевает Алик. – Зачем эти сны?

– Глупый, – улыбается баба-яга. – Очень ты своей слабостью в физкультурной науке расстроен был. Помнишь: мщения возжаждал? Ну, решили мы тебе помочь...

– Помогли, называется, – саркастически замечает Алик.

– Неблагодарная ты скотина, – возмущается баба-яга. – А то не помогли? Работать мы тебя научили, а это – главное. А насчёт высоты – не расстраивайся. Что тебе твой Фокин сказывал? Брумель в пятнадцать лет всего на сто семьдесят пять сантиметров прыгал. А ты у нас сто восемьдесят пять запросто убираешь, – помолчала, вспомнила: – Да, кстати: ты Фокина держись, друг он настоящий... Да и рыжий энтот – тоже ничего. Хотя и пижон... Ну, а Дашка – совсем золото. Сколько людей хороших мы тебе подсунули...

Поморщившись от неблагозвучного «подсунули», Алик замечает:

– Фокина с Дашкой я и раньше знал.

– Знал, как же. Знаком был, а не знал. Это, внучок, глаголы са-авсем различные. Ну иди, иди, тебе просыпаться пора. Возьми редисочки в сумку, отсыпь поболее – для камуфляжа...

И Алик уходит. Но вспоминает что-то, возвращается.

– Бабушка, а почему вас трое было? Неужто кто-то один не справился бы? Скажем, вы...

– Почему трое? – вопрос явно поставил бабу-ягу в тупик. Она даже в затылке поскребла – через платок. – Кто его знает... Видать, для таинственности, для пущей наглядности. – Вдруг рассердилась, закричала: – Трое – значит, трое! Три – число волшебное. Три медведя. Три богатыря. Три желания. Три толстяка. Три товарища... А ну, дуй отсюда, пока не сварила!

И тут Алик уходит окончательно.

И просыпается.

19

Великая сила – привычка. Казалось бы: каникулы, валяйся – не хочу. А проснулся в семь утра. Зарядку сделал. По набережной побегал. Покряхтывая, стоял под холодным душем, вызывая уважение у отца (он ещё в постели нежился) и щемящую жалость у матери (она завтрак готовила).

Только-только из-за стола встали – звонок в дверь. Лучший друг Фокин явился – не запылится.

– Привет!

– Здорово.

– Что случилось?

– А что случилось?

– Ты мне невинность не строй, – рассердился Фокин. – Докладывай: почему проиграл?

– Знаешь уже?

– В «молодежке» информация напечатана.

– Что пишут?

– Первое место у Пашенко. – Достал из кармана смятую газету, прочитал вслух: – «К сожалению, юный и перспективный спортсмен Александр Радуга, о котором наша газета рассказывала читателям, не сумел показать хорошего результата и не попал в тройку призёров». Почему не попал?

Версия имелась, придумывать нечего. Да и врать нынче можно без опаски.

– Перетренировался.

– Говорил я тебе...

Алик не помнил, чтобы Фокин говорил о том, но удобней согласиться, не спорить.

– Дураком был, не слушал умных речей.
– Теперь слушай. Собирайся – едем в Серебряный бор купаться.
– Не-а, – лениво сказал Алик. – Дома останусь, – подумал, ещё раз соврал: – Отец просил в бумагах помочь разобраться.

– Надолго?
– На весь день. (Врать так уж врать.)
– Жалко... А может, выберешься? Попозже...
– Если только попозже. Скорей бы уходил лучший друг, хотелось побыть одному, подумать кое о чём, а поедешь с Фокиным – разговоров не избежать, всяких бодреньких утешений, восклицаний типа: «Всё ещё впереди!»

– Постарайся, старикашка, будем ждать.

Скрылся. Только дверь за ним захлопнулась – телефон трезвонит. Вешалка прорвался.

– Привет!

– Здорово.

– Что случилось?

– А что случилось?

Сложилось неплохое типовое начало беседы-соболезнования. Но дальше Пашенко ушёл от фокинского варианта.

– Я тебе вечером звонил, а ты уже спать улёгся.

– Устал как собака.

– Видно было.

– Поздравляю тебя с победой.

– Надолго ли? Ты к осени совсем озвереешь, на двести десять летать станешь. Как кенгуру.

– Кенгуру прыгают в длину, а там другие рекорды. Боб Бимон: восемь метров девяносто сантиметров.

Теперь Алик уел Пашенко. Пустячок, а приятно. Хотя кто его знает: Вешалка мог с кенгуру нарочно подставиться – для утешения...

– Сдаюсь, эрудит. Двинули в Нескучный сад?

Конец разговора – по типовому варианту.

– Не могу. Отец просил помочь разобраться в бумагах.

– Вечерком увидимся?

– Звони...

Сострадатели... Что-то Дашка запаздывает, не звонит – пора бы. Она тоже «молодежку» выписывает. А, вот и она, Дарья свет Андреевна...

– Алик, что ты делаешь?

Ни тебе «здрасьте», ни тебе «что случилось?»...

– Говорю с тобой по телефону.

– Неостроумно.

– Зато факт.

– Алик, поехали к нам на дачу, шашлыки будем жарить, в лес пойдём, там лес хороший, светлый, хулиганов нет...

Умница Дашка! Ни полсловечка о вчерашних соревнованиях. Чего-чего, а такта ей хватает.

– Дашк, не могу я.

– Почему?

Врать Дашке по шаблону Алик не собирался.

– Есть дело.

– Какое? Секрет?

Ну, какие у Алика от неё секреты? Но говорить не стоило: увяжется с ним, а хотелось побыть одному.

– Потом скажу. Вечером.

– Тогда я тоже не поеду на дачу. Дома посижу. Дождусь, пока позвонишь.

Такой жертвы Алик принять не мог.

– Не выдумывай глупостей. Поезжай, тебя родители ждут. А часам к семи вернёшься. Сможешь?

Обрадовалась:

– Конечно, смогу.

– Тогда я вас целую. Физкультпривет.

Собрал отцовскую сумочку, с недавних пор перешедшую к сыну по наследству, закинул её за спину.

– Ма, к обеду буду.

И отправился знакомой дорожкой в школу. Поздоровался с нянечкой, спросил: открыт ли зал? Переоделся в пустой раздевалке. Никто сюда не заглянет. Нянечка информировала: безлюдно в школе. Половина учителей в отпуск разошлись, а остальные – кто не успел уйти – раньше полдня не заявятся: нечего им здесь делать.

Притащил из подсобки в зал маты: тяжело, конечно, одному, но посильно. Установил стойки. Высоту определил: сто семьдесят пять сантиметров. На ней вчера впервые споткнулся, с неё и шагать решил. Размялся хорошенько. Отмерил разбег. Пригляделся, где толкаться станет. Пару раз с места на планку замахнулся: вроде руки-ноги шевелятся. Можно начинать.

Разбежался, стараясь держать шире шаг, толкнулся в полную силу – шёл, как на рекорд. И прошёл над планкой – не шелохнулась она. Полежал на матах, улыбался, смотрел на высокий потолок – весь в грязных разводах, как небо в облаках. Лето – время ремонтов. Забелят маляры облака на потолке – смотреть не на что будет.

Вскочил, снова разбежался, полез на высоту и... Что за чертовщина: только что одолел планку с привычной лёгкостью, а сейчас – вот она, лежит рядом на матах. Почему?

– Левая нога у тебя, как чужая...

Резко вскочил с матов: кто сказал? У стены на низкой скамеечке сидел Бим.

Алик уставился на него, спросил глупо:

– Откуда вы взялись?

– Из двери, – сказал Бим и встал. – Будем прыгать по порядку. Начнём с техники. Она у тебя минимум пять сантиметров съедает. Спусти планку на метр шестьдесят.

– Не мало ли? – попытался сопротивляться Алик, но Бим мгновенно пресёк сопротивление:

– В самый раз. Не до рекордов пока. И не спорить со мной!

И Алик покорился Биму. Более того: покорился с непонятной радостью, как будто отдавал свою судьбу в хорошие руки. Как щенка.

Только спросил:

– Как вы думаете, что-нибудь получится?

– Из чего? – не понял Бим.

– Ну, из меня...

Бим по-прежнему недоумевал:

– Ты же прыгал на двести пять сантиметров?

– Прыгал... – не объяснять же ему, с чьей помощью прыгал.

– А будешь выше. Иначе я на тебя время не тратил бы. И чтоб осенью обставить Пашенку! Не как вчера...

– А откуда вы знаете про вчера? – спросил и сам удивился: что ни вопрос – глупость несусветная. А ведь вроде малый – не дурак...

– На трибуне сидел, – язвительно сказал Бим. – Ряд двенадцатый, место тридцать второе. Ещё вопросы ожидаются?

– Нет, – засмеялся Алик. Легко засмеялся, без напряжения. Как будто и не было вчерашнего провала и жизнь начиналась только сейчас – в этом светлом и прохладном школьном зале.

– А раз так, начнём помаленьку.

И они начали. И тренировались всего полтора часа; больше Бим не разрешил. Сказал:

– Хватит надрываться. Нагрузки надо прибавлять постепенно. Придёшь завтра в десять ноль-ноль. Идею уяснил?

– Уяснил, – ответил Алик.

А после обеда закрылся в своей комнатёнке и написал стихи. Такие.

*Один сантиметр – как прелюдия боя.
 Один сантиметр – и кончается планка.
 Разбег и... паденье, как плата за плавность
 Полёта. А планка уже под тобою...
 Трибуны кипят торопливой рекою
 Под небом, смешно облаками измятым.
 Один сантиметр остаётся невзятым.
 Один сантиметр до чужого рекорда.
 Так в планах – как с планкой.
 И в спорах – как в спорте:
 Без жалости схватка и без сантиментов.
 Но вдруг не хватает всего сантиметра
 (Проклятая планка!..) для взятия рекорда.
 И что остаётся? Постыдность побега?
 Беспечность уступки? Покорность расплаты?
 Нет! Снова упрямо взлетаешь над планкой...
 Какое желанное слово: победа!*

Прочитал себе вслух, подумал: неплохо получилось. И главное, с ходу, залпом. Есть, конечно, шероховатости, рифма не везде удалась. Отец скажет: мыслишка – из банальных. Так ведь не для печати писал – для себя. А для него сия банальная мыслишка сейчас – самая важная, самая главная.

Кто прыгнет выше Радуги?

Да сам Радуга и прыгнет.

Сам.

Без помощи вещей снов, без мистики, без антинаучной фантастики. А кто не верит – пусть кусает локти: приятного аппетита.

На радостях позвонил Дашке.

– Ты дома? А я стих написал...

– Ой, Алик, прочитай!

– Когда?

– Немедленно.

– Тогда жду тебя во дворе через минуту.

– Через полминуты... – повесила трубку.

Через полминуты – это он успеет. Сунул в карман листок со стихами, хлопнул дверью – чуть штукатурка не обвалилась. Помчался вниз, перепрыгивая сразу через три ступеньки – всё-таки шестой этаж, а не четвёртый, у Дашки – преимущество в расстоянии. Бежал – улыбка в поллица. Шуму – на весь подъезд, как только жильцы терпят. Выскочил во двор, а Дашка уже стоит ждёт, тоже улыбается.

Ох, и счастливый же человек, этот Алик Радуга, позавидовать можно!..

